

К. П. Ш. Ш.
А. П. П. П.

РЕПУБЛИКА СЪБНО

Annotation

Пятеро веселых, жизнерадостных парней — чемпионов университета по самбо (самбо — самозащита без оружия) — выехали в спортивный лагерь на Карельский перешеек для тренировки. Там, на холме среди озер и лесов, образовалась и вступила в свое многотрудное существование «республика Самбо», не обозначенная ни на каких картах. Еще в пути озерной волной смыло с лодки пиджак, в котором были деньги самбистов. Это сразу поставило «республику» перед немалыми экономическими трудностями. Затем и другие невзгоды то и дело вторгались в ее «открытые границы».

Весело и остроумно автор рассказывает о жизни и приключениях самбистов, об их столкновениях с тренером Корженевичем, о работе на колхозной ферме, о дружбе с соседками по лагерю — девушками из секции художественной гимнастики, о других событиях и происшествиях. С доброй усмешкой и глубоким уважением Ю. Андреев показывает особенности характеров своих героев, их настойчивость и выносливость, неуклонное выполнение своего долга, умение мужественно переносить невзгоды.

В повести красочно показана величественная и суровая северная природа.

-
- [Юрий Андреев](#)
    - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
      - [1](#)
      - [2](#)
      - [3](#)
      - [4](#)
      - [5](#)
      - [6](#)
    - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
      - [1](#)
      - [2](#)
      - [3](#)
      - [4](#)
    - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
      - [1](#)

- 2
- 3
- 4
- 5
- 6

○ ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

- 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
-

Юрий Андреев
Республика самбо

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
РОЖДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ, КОТОРОЙ
НЕТ НА КАРТАХ**

1

НА ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ АРАБЕСКИ ПОД СТУК КОЛЕС, НЕЗАВЕРШЕННЫЕ РАССУЖДЕНИЯ О РИТМЕ

Стучат, стучат колеса. Им в такт поскрипывают полки. За окном проносятся желтые фонари, каждый раз неожиданно возникая из мрака. Деловито, торопливо тянет за собой вагоны в ночь паровоз-работяга. Антон сидит у окна. В темном стекле отсвечивает шапка его белокурых волос, тускло отражаются полки. Отовсюду несется тяжелое дыхание, всхрапывание. О будущем не думается, мысли с нею, с которой расстались на целый месяц. На целый месяц! Но ничего, завтра будет уже днем меньше. Сейчас она спит. Какие у нее мягкие волосы, какие большие глаза... Спи, хорошая, спи, любимая. Сколько страниц мы вместе прочитали, сколько экзаменов сдали! Как хорошо, что мы встретились! Помнишь, как допоздна сидели в читалке, а однажды в январе, когда было очень холодно, я принес свое пальто, и мы сидели вместе, накинув его на плечи, и читали, я отогревал в своих руках твои зазябнувшие пальцы, а потом нагнулся и поцеловал их, и ты не отняла руки. Красивая, стройная моя, каково тебе придется, каким ты будешь землекопом?

Стучат, стучат колеса... Лю-би-мая, лю-би-мая, лю-би-мая...

Мысль перебрасывается: в залитой ослепительным солнцем комнате университетского комитета комсомола сидят пятеро непохожих. Шестой напористо говорит:

— Все вы, товарищи, подали заявления с просьбой направить вас в июле на строительство ГЭС. Но комитет комсомола счел целесообразным использовать вас иначе. В нашем районе три тысячи членов народных дружин. Их надо обучить приемам самбо. Кому, как не вам, чемпионам университета, заняться этим делом? Для этого вы должны будете пройти тренерскую подготовку в спортлагере.

— Но...

— Никаких «но». Вас ждут непредвиденные трудности, вы будете жить в суровых условиях и заниматься по напряженной программе. Скажу прямо: трудность номер один — ваш тренер, Глеб Корженевич. Все мы знаем, что это за человек, но никого другого найти не удалось. Вы должны будете взять от этого первоклассного мастера все, что можно, а насчет

отношений с ним — комитет надеется на вашу выдержку и принципиальность. Кого изберете комсоргом?

— Антона Жгутова.

— Возражений нет?

— Единогласно.

Что же бу-дет, что же бу-дет, что же бу-дет... Бегут, бегут колеса, постукивая на стыках... Объявили посадку, и масса народу ринулась к поезду. Самбисты, стремительно продвигаясь вперед, поддерживая друг друга и оттирая остальных, прорвались в вагон. Народ прибывал, держать места становилось все трудней, а Корженевича еще не было. Грузный пожилой мужчина сел рядом с ними.

— Придут ваши, сами и потеснитесь, нечего заранее места занимать — не очередь за стройматериалами.

Наконец появился Корженевич. Сначала в купе показалась пара чемоданов, затем узел и поверх всего огромный портфель.

— Ну, это мы расставим: это сюда, это сюда, это сюда, а это подержи пока... Где наши места? Понятно, понятненько. Здесь, здесь и здесь? Гражданин, попрошу вас освободить место — видите, спортсмены едут, им лежать надо, условия нужны!

Толстяк было запетушился, но Глеб спросил его:

— Вы что это... э-э-э... не понимаете... с вами пока по-хорошему говорят, интеллигентно... э-э-э... просят.

Гражданин оглядел плотную фигуру стоящего перед ним молодого человека со смуглым лицом и недобрыми карими глазами, забрал свой чемодан и ушел, бормоча ругательства.

Поезд отошел в час ночи. Вагончики старого типа скрипели, тряслись, качались в разные стороны.

— Вот что, э-э-э... мальчишки, ехать пять часов, вас пять человек — каждому дневалить по одному часу: мало ли что, всякий народ едет, вещи надо беречь, — сказал Корженевич. Он разорвал листок блокнота на пять полосок, надписал цифры. — Тяните!

— Слушай, Глеб, это ни к чему. Кому наше барахло нужно? — заметил Женя Пильщиков.

— Э-э-э, давайте условимся сразу. Сразу условимся, ясно? Дисциплина у нас будет железная. Что будет сказано — надо делать. Вот так. Иначе придется отчислять. Я говорю, отчислять будем. Ясно? — по очереди переводя с одного на другого тяжелый немигающий взгляд, сказал Корженевич.

Пришлось тянуть бумажки. Первый номер вытащил Антон. Ребята

забрались на полки, повозились и вскоре заснули. Глеб улегся на нижнюю полку и тоже уснул.

Ну и тип, ну и тип, ну и тип... Интересно, почему на постоянный ритм движения одинаково хорошо накладываются слова самых разных размеров, больше того — совершенно непохожие мелодии?

Замучен тяжелой неволей...

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...

Наверно, именно потому, что ритм один и тот же, мы и можем ставить любые ударения. Надо будет подумать. Как спать хочется!

Стучат, стучат колеса...

Антон стянул на пол Валентина, которому пришла очередь дежурить, и полез на его место.

2

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ НОВАЯ ОДИССЕЯ ВРЕМЕННОЕ ПРИСТАНИЩЕ

Поезд пришел в Приозерск ранним утром. Невыспавшиеся самбисты, поживаясь от свежего ветерка, потащились к пристани на Вуоксу. Там у рыбаков узнали, что катер отправляется только в пять вечера — без малого через полсутки.

— Хм, досадно, конечно, но против объективных закономерностей не попрешь, — рассудительно заметил невысокий буро-веснучатый Валька Ярыгин. Он бережно снял с плеч футляр с аккордеоном и опустил его на землю.

— Какая концентрация мысли! — восхитился Сергей Смородинцев, сбрасывая рядом рюкзак. — С греко-римской лапидарной четкостью студент второго курса экономического факультета Вэ Ярыгин сумел сформулировать самую суть своей хронически отстающей науки!

— Объективные закономерности, говоришь? Ничего не попишешь, говоришь? Посмотрим, елы-палы. Посмотрим, — сказал Глеб. — Пока вот что. Времени терять не будем, лагерная жизнь началась. Живо раздеваться до пояса и строиться.

Корженевич тоже разделся и вышел вперед. Он был прекрасен. Белые трусики подчеркивали черноту мускулистого тела. Широкая грудь, могучий торс, тяжелые, как у штангиста, руки и стройные сильные ноги свидетельствовали о спортсмене чрезвычайно высокого класса. Все было великолепно в этом молодом мужчине, лишь глаза — их холодный небрежный взгляд — да еще фатовские тоненькие усики казались взятыми совсем от другого человека.

После легкой разминки начали бороться по-настоящему. Обнявшись, Глеб и Антон некоторое время безуспешно старались перегнуть или приподнять друг друга. Упруго вздулись мышцы, тесно переплелись руки, крепкие, как корни дуба. Вдруг Глеб молниеносной подсечкой бросил Антона плашмя на спину.

— Слушай, Глеб, — сказал Антон, вставая и невольно морща лицо от боли, — ты же нас предупреждал, что будем по классике. Зачем же ногами работать?

— А затем, елы-палы, что самбист должен иметь хорошую реакцию на все движения противника. Как автомат, э-э-э, как автомат. Понял?

Они опять принялись бороться. Антон уже тяжело дышал, а у Глеба дыхания не было даже слышно. Улучив удобный момент, Антон сделал резкий выпад — заднюю подножку — и... в тот же миг очутился на земле, припечатанный всей спиной. Глеб бросил его так быстро, что он не успел даже понять, как это произошло. Небрежно перешагнув через него, Корженевич скомандовал:

— Ну, хватит для начала. Теперь в воду. Доплыть всем вон до того буйка и — назад. Бегом!

Самбисты бросились в холодную обжигающую воду — все, кроме Кирилла Инылькана и Сергея Смородинцева.

— А вы?

— Я плохо плаваю, — сказал Сергей. — Как-то неудобно утонуть: я маме обещал вернуться живым. — Он развел руками и изобразил на своем насмешливом лице сожаление: приходится, дескать, приспособливаться к чудачествам предков.

— Я совсем не плаваю, — тихо ответил Кирилл. — На Камчатке не приходилось.

— Ладно, ладненько. Научим. Всему научим, — пообещал Глеб и, прыгнув в воду, поплыл вперед стремительно, как торпеда, оставляя за собой бурун из пены.

После завтрака Глеб исчез. Но едва самбисты, убаюканные тишиной, растянулись на травке, явился.

— Вот что, елы-палы, катер имеется. Чем ждать до вечера, поедем сейчас. Я тут договорился с директором турбазы, полтора рубля берет с человека. Я думаю так: чем нам терять весь день, лучше переплатим. Правильно я говорю? Ну вот, быстренько давайте мне деньги и пошли, пошли, катер ждать не будет.

Он собрал деньги и побежал вперед, самбисты поднялись и потащили скарб. В укромном местечке за пристанью стоял миниатюрный, ослепительно белый красавец катерок, на палубе которого уже устроились несколько женщин с бидонами и корзинами. Под тяжестью самбистов с вещами он заметно осел в воду. Капитан катера, толстый и апатичный, с красным лицом, расхаживал по берегу, поглядывая изредка на часы.

— Эй, хозяин, ты что это, решил нас утопить?

Куда тут еще сажать! Давай поехали, иначе мы вылезим! — закричал Глеб.

Капитан кинул на него тусклый взгляд и молча полез в катер. Заурчал

мотор, катер развернулся и, несмотря на глубокую осадку, быстро понесся по воде. Жестяной грохот встречного ветра сразу забил все другие звуки. Катер вылетел из бухточки, и беспредельный водный простор открылся перед путешественниками. И чем дальше уносился катер, тем шире распахивались за его кормой берега, словно руки, бессильные его удержать, и тем ослепительней сверкало все вокруг. На необозримой глади то тут, то там виднелись островки, некоторые из них были меньше рыбацкой лодки, но и на них из камней росли прямые веселые сосны. А над всем этим, над озером и окружавшими его лесами, раскинулось спокойное голубое небо с белыми медлительными облаками.

Монотонно ревел мотор, гремел ветер, взвихривая платки у колхозниц, бурлила вода за винтом и расходилась двумя высокими гребнями, проносились мимо островки — самбисты начали дремать. Вдруг катер круто повернул и направился к берегу. Причалили к невысоким мосткам, капитан вылез из своей рубки и стал молча принимать у сходящих колхозниц деньги. Затем что-то невнятно пробормотал и, быстро сойдя на берег, зашагал по направлению к поселку. Вскоре он вернулся, лицо его стало еще красней, а взгляд тусклых глазок еще бесцветней. Мотор взревел, и катер опять полетел по водной глади. Самбисты расположились свободней. Женька Пильщиков разделся до трусов и забрался на крышу. Под однообразный гул они снова задремали, а потом и вовсе заснули.

Проснулись все сразу от резкого толчка. Что-то заскрежетало, лязгнуло, и наступила тишина. Стало слышно, как за бортом плещется вода. Солнце стояло уже в самом зените. Катер медленно плыл по ветру, удаляясь от невысокой каменной гряды. Со всех сторон теснились маленькие скалистые островки. Капитан быстро раздевался. Взглянув на его опухшее заспанное лицо, самбисты сразу поняли, каким именно образом они очутились в этом диком месте.

— Так и есть, одна лопасть вдребезги, — сипло сообщил капитан, вынырнув.

— Ты хоть знаешь, где мы находимся? — спросил его Глеб.

Стуча зубами, тот вылез на борт и только махнул рукой.

В это время Женька Пильщиков, который осматривал из-под руки окрестности, вдруг неистово завопил, так что все вздрогнули:

— Рыбак! Эй, рыбак! Плыви сюда!

— Чего кричишь? — повернулся к нему Глеб.

Тот только отмахнулся и продолжал кричать во всю мочь. Вся его полуобнаженная фигура выражала призыв и нетерпение. Остальные самбисты тоже влезли наверх и ступенчатым гребешком взгромозились на

крыше, глядя туда, куда смотрел Женька.

Глеб для порядка строго прикрикнул на них и, внутренне усмехнувшись, отметил про себя пеструю цветовую гамму их волос: белокурая шапка Антона, редкие рыжеватые космы Вальки, непроходимые каштановые заросли Женьки, тщательная темная укладка Сергея и, наконец, прямые иссиня-черные волосы у коренастого Кирилла Инылькана. «Что волосы, что рост, что характер — все разное, — подумал он. — Ну, ничего, всех повышколим, повыбьем анархизм. Анархизм-то повыбьем», — самодовольно повторил он.

У Женьки Пильщикова дистанция между мелькнувшей мыслью и ее осуществлением была, как видно, очень короткой. Он в три энергичных шага разбежался по крыше, оттолкнулся так, что катер качнуло, прыгнул головой в воду и поплыл быстрыми саженками.

— Эт-то что такое? — возмутился Глеб. — Почему без разрешения? Пильщиков, назад!

Но Женька уже вдалеке отмахивал сажени и даже не обернулся.

— Безобразие! — со злостью процедил сквозь зубы Глеб. — Его судорога схватит, а отвечать кто будет?

Продолжая ругаться, он начал раздеваться, всматриваясь в слепящий блеск волн, среди которых удалялась черная точка — Женькина голова. Вскоре она исчезла за камнями, и спустя несколько минут из-за острова показались две лодки: большая, груженная бидонами, и на буксире у нее маленькая. Поглядывая из-за плеча на потерпевших бедствие, средних лет мужчина греб к ним сильными резкими толчками, а на корме пританцовывал от нетерпения Женька.

— Рёбцы! — заорал он. — Ура! Товарищ плывет, куда нам надо!

Передняя лодка мягко стукнулась о борт катерка, Женька навалился животом на палубу, вскарабкался на нее и побежал одеваться.

— Пильщиков! — резко обратился к нему Глеб. — Еще один такой случай, и отчислять будем. Я говорю: будем отчислять! Ясно?

— Ты, командир, прав, да ведь без него вы здесь бог весть сколько накуковались бы: ведь на безлюдье, в стороне от всех путей оказались, — не торопясь сказал гребец. — Между прочим, закурить не найдется? Все некурящие?! Вот так случай! А парень-то, почитай, полкилометра за мной гнался, по нашей воде это не шутка. Горячий парень. Молодой еще. Лет девятнадцать, поди?

У гребца было темно-коричневое от постоянного пребывания на свежем воздухе лицо, крепкие руки спокойно лежали на веслах. Будущий журналист Сергей Смородинцев, тренирующий зоркость глаза, уловил,

правда, некую дисгармонию в его облике: умный взгляд, мужчина, что называется, в соку — рослый, сильный — и вместе с тем запущенный, какой-то неухоженный — заношенная рубаша, небрежно залатанные штаны, давняя седоватая щетина.

— Ну, ладно, ладненько! Потом разберемся, — пригрозил Глеб. — Разрешите представиться: Корженевич, мастер спорта СССР, тренер.

Мужчина слегка ухмыльнулся, встал и пожал протянутую с катерка руку, которая утонула в его громадной твердой ладони.

— Макар Васильев, пастух. Гоню вот лодки на дальнюю ферму.

«Ишь ты, — подумал Смородинцев, — а Глеба-то с его титулами он подкусил!»

— Ну, так что делать с вами будем? — спросил новый знакомый. — Эй ты, калоша, — обратился он к капитану, — атомный твой миноносец еще ходит или совсем разучился?

Тот вместо ответа скрылся в машинном отделении, и почти сразу же мотор зачихал, заработал, по временам чудовищно взывая, и катер еле-еле стал подвигаться вперед.

— Стой! — скомандовал Макар. — Значит, дело ясное: дойдешь своим ходом. Держи за мной, все равно тебе деваться некуда. Теперь так: дело у нас легче пойдет, если ко мне кто-нибудь на подмену сядет, да еще и маленькую лодчонку кто поведет. А?

— Глеб! Давай я! — взмолился Женька.

Глядя мимо него, Корженевич кивнул и громко распорядился:

— Смородинцев! Вторым номером на большую лодку! Э-э-э, Пильщиков, в маленькую, да гребки покрепче, чтобы разогреться. Ясно? И без всяких фокусов!

Вскоре зачихал, завыл мотор, катер двинулся, гребцы налегли на весла, и эскадра из трех кораблей взяла курс на неведомую и невидимую за волнами землю.

— Горячий паренек, — пастух кивнул в сторону лодчонки, которую яростно гнал вперед Женька. — Ничего, быстро ухайдакается, все мы поначалу живо беремся, а потом...

— А что потом? — спросил Сергей.

— А что потом? А потом — капитан, который вон позади тарыхтит. А ведь тоже человеком был когда-то. Все мы человеками были... Понял?

— Чего не понять, понять не трудно, — не то согласился, не то возразил Сергей задумчиво.

Кильватерная колонна, растянувшись, вышла из-за островов на синий простор, сразу задул крепкий ветер, и чем дальше, тем сильнее он дул, тем

крупней и злее становилась волна и холодные брызги, сорванные ветром с верхушек волн, все чаще обдавали путешественников.

Перегруженная большая лодка (ее борта всего на ладонь возвышались над водой) шла тяжело, волны нет-нет да и начинали плескаться в нее. Маленькую бросало на волнах, как скорлупу от пустого яйца.

— Гляньте, гляньте! — вдруг заволновался на катере Кирилл Инылькан. — Что там происходит?

Маленькую лодку швыряло вверх и вниз, а Женьки на ней не было. Неожиданно он вынырнул рядом с лодочкой и сразу же, мелькнув пятками, снова ушел в глубину.

— Что за черт! — Корженевич пристально всматривался вдаль из-под руки. Потом повернулся к самбистам — Надо помочь. Кто из вас, елыпалы, сплавает к нему?

Смородинцев и пастух со своей лодки увидели, как Антон Жгутов, быстро стянув рубаху, прыгнул в воду и поплыл к Женьке, который, вынырнув, отдыхал, уцепившись за пляшущую корму лодчонки.

«Интересно, — подумал Смородинцев, выгребая вместе с Макаром против ветра. — Хороший матерьяльчик для анализа: Глеб плавает лучше всех, но остался; Валька Ярыгин — Женькин друг и земляк — тоже не бросился в воду, вон как жметя на борту...»

Антон тем временем подплыл к Женьке, они о чем-то переговорили и разом нырнули под лодку.

— Что случилось? — закричал Глеб, сложив ладони рупором, когда их головы появились над водой.

Из-за порывистого гремящего ветра удалось разобрать лишь отдельные слова: «...волна... пиджак с деньгами... документы... не нашли...» Ветер на мгновение затих, и до большой лодки неожиданно отчетливо донеслись и такие слова, которые адресовались уже буйной Вуоксе и которые никому другому слышать было вовсе ни к чему...

— Что? — охнул Валька и бросился к куче вещей на палубе. Перерыв все, он застонал и два раза крепко ударил себя кулаком по голове.

— Э, что делаешь? — Кирилл Инылькан тронул его за руку. — Этим местом люди думают.

— У Женьки в пиджаке были ведь и мои деньги, — Валентин жалобно посмотрел на него.

— Фиить! — только и смог присвистнуть Инылькан.

Антон и Женька безуспешно нырнули еще несколько раз, затем забрались в свою скорлупку и бешено, в четыре руки, погнались в догонку за катером.

Еще час или полтора, долгих и мучительных, шли лодки. Солнце уже совершило большую часть своего дневного перехода и стояло невысоко. Порывы ветра стали слабее, а волны мельче. Перетруженные руки уже не тянули, но последние метры, ласковый плеск неглубокой воды — и днище прошуршало по песку. — Ну, орлы, бывайте здоровы, может, и свидимся еще, в одном лесу жить будем, — пошутил Макар. — А мне надо на ферму.

К нему в лодку, что-то буркнув, сел капитан, и вскоре она, увлекая за собой на буксире маленькую, исчезла за поворотом.

— Сидите здесь... я пойду за начальником лагеря Подвысоцким, — сказал Глеб и ушел.

— Так что же случилось? — налетел Валентин на Женьку.

Женька выругался.

— Все пропало, вот что случилось! Снял я пиджак, чтобы грести удобней, а волна пиджак и смыла. Я нырял, не нашел. Такие дела. В пиджаке, между прочим, были документы и все наши с Валькой деньги: без малого шестьдесят рублей. Какой тут лагерь — лапу сосать там, что ли! — энергично заключил он. — Хорошо, в общем, съездили!

— Заныл! — сказал Антон. Он сидел на корточках у воды и тихонько, бережно промывал ободранные ладони, — Проживем и без этих денег.

— Рыбу ловить будем, ягоды собирать, грибы искать, знаешь, как заживем? — поддержал его Кирилл. — А тебе, Женька, за ротозейство больше всех придется рыбачить.

— Да, Пильщиков, как же это ты не поймал пиджак? — спросил Сергей. — Зря тебя, что ли, теории вероятности учили? Рассчитал бы площадь озера и площадь пиджака, а затем вычислил бы, учитывая скорость течения и положение луны, где наибольший процент вероятности нахождения пиджака, нырнул — и все было бы в норме! Эх, физики, физики! Несерьезный вы народ, погляжу я на вас!

Невдалеке послышались голоса, ветви кустов раздвинулись, и на берег вышли Корженевич и Подвысоцкий — высокий белокурый мужчина.

— Привет, орлы! — поздоровался Подвысоцкий. — Сэкономили, значит, время? Вон как раз катер свистит, из Приозерска приехал. Да еще документы и деньги утопили! Молодцы, молодцы! Начали вы хорошо, посмотрим, как кончите.

Глеб с Подвысоцким, о чем-то разговаривая, пошли вперед. Самбисты нагрузились вещами и побрели вслед за ними.

Наступал ясный тихий вечер. Наверху ветерок шевелил ярко-зеленые верхушки деревьев, освещенные заходящим солнцем, а внизу было сумрачно. Дорога сделала резкий поворот у гигантских валунов. Круто

нырнув вниз, она затем еще круче пошла вверх. С трудом поднявшись на гору, путники остановились на развилке дорог.

— Значит, так, — сказал Подвысоцкий, — мы с Глебом пойдём налево, я ему тут неподалеку избушку снял, а вы пойдёте направо, метров через шестьсот будет домик у озера — завтра туда приедут пловцы. Там вас дожидается покрывало и штанга. Можете там переночевать, а утром пройдёте ещё три километра, найдёте художественную гимнастику, они вам покажут вашу... как бы это сказать... базу. Все ясно? Ну, пока, ребята, ешьте, отдыхайте.

— Э-э-э, надо бы помочь донести мне вещи. Кто из вас, э-э-э, пойдёт с нами? — спросил Глеб и, видя, что желающих нет, сказал: — Вот ты, Ярыгин, у нас богатырь.

Валька издал «хм», посредством которого он мог выразить все чувства на свете, и пошел с двумя чемоданами.

Уже заметно стемнело и похолодало, с земли поднимался туман. Как и сказал Подвысоцкий, метрах в шестистах по этой же дороге стоял дом. Около него горел небольшой костер, у костра сидел парень.

— Ты кто такой? — спросил его Женька.

— Пловец, — отвечал он. — Завтра сюда все наши приезжают.

— Ну ладно, сиди, — милостиво разрешили ему.

Антон и Кирилл натащили хворосту и, сварив из концентрата каши, разложили дымящееся хлебово по мискам.

— Ну, ребята, утро вечера мудренее, не будем экономить, хватит на сегодня, намучились, — сказал Антон.

Повторять не пришлось.

Вместе с туманом и темнотой вышли на ночную охоту комары, их трубный звон зазвучал отовсюду. Ежесекундно раздавалось хлопанье ладонями по шее, по ногам, по лицу.

— Хм, местечко здесь как будто сыроватое, — заметил Валька Ярыгин.

— Чего ты хочешь, тут же все готово для пловцов, а эти люди уважают влагу во всех видах, — серьезно ответил Смородинцев.

— Все это мелочи быстротекущей жизни. Давайте-ка лучше разберемся с деньгами, — сказал Антон. Он расстелил наволочку, и все, у кого были какие деньги, высыпали их на нее. Кучка получилась весьма скромная. Разделив ее на пять частей, самбисты принялись считать деньги.

Пловцу, который скромно сидел в сторонке, показалось, что он неожиданно перенесся на много веков назад — в эпоху Робин Гуда: ночь, в глухом лесу, далеко от дорог горит на поляне костер, его скачущее пламя выхватывает из темноты то по одному, то всех сразу здоровенных

молодцев, устроившихся вокруг горки денег и неумело подсчитывающих свои богатства. Ему представилось даже, что у опушки пасутся их верные кони, готовые унести удалых разбойников по первому тревожному сигналу гнусавого охотничьего рога...

— Итак, шестьдесят утонуло, восемьдесят четыре осталось, — подытожил Антон. — Из них сразу вычитаем девять рублей на обратную дорогу, остается семьдесят пять рублей, делим на тридцать дней — два с половиной, или пятьдесят копеек ежедневно на нос. Вполне достаточно на хлеб, молоко и всяческий приварок.

— Ба! — воскликнул Валька. — Еще есть деньги!

— Где?

— Мы Глебу давали на катер?

— Давали.

— А он заплатил капитану?

— Нет.

— Пойдите, а может быть, заплатил? Перебрали в памяти весь день: нет, не платил.

— Ну, тем лучше.

— А почему же он не отдал нам деньги? — спросил Кирилл.

— Забыл, должно быть. Видишь, какой день суматошный. Завтра отдаст.

— Ну, ребята, спать!

Расстелив на полу сложенную вчетверо брезентовую покрывалку, самбисты улеглись.

— Нет, не нравится мне так, — вздохнув, сказал Кирилл Антону.

— Что, комары?

— Нет, все как-то не так. Неразбериха. Завтра не начнем занятий.

— Обстоятельства такие.

— Нет. Мы тоже виноваты.

Антон вздохнул и ничего не ответил. Прошло ровно двадцать четыре часа с того момента, как они сели в поезд. И был день первый...

3

БОИ. ИЗГНАНИЕ В ЦАРСТВЕ АМАЗОНОК НЕПРИСТУПНЫЙ ЗАМОК НА ГОРЕ

Проснувшись рано поутру, самбисты с гиканьем спустились к озеру, выкупались, освежились и обнаружили, что находятся в необыкновенно красивых краях: дремучий лес стеной отражался в зеркально-неподвижной темной воде, по которой изредка расходились широкие круги; ласковое солнышко, проникая сквозь заросли, струилось на землю, пятная причудливым узором сочный зеленый мох.

— Есть идея, — сообщил Пильщикова, когда они энергично доскребывали из мисок остатки каши.

— Одна? — кротко спросил Смородинцев.

— Зато стоит твоих четырех, — парировал Женька. — А почему бы нам не остаться именно в этом доме, а? В конце концов воды тут кругом много, пускай пловцы едут на наше место, а нам и здесь хорошо.

— Точно! И не надо тащиться еще три километра со всем грузом, — поддержал его Валька, досуха вытирая миску хлебом, — и к тренеру близко.

— Поговорить, конечно, можно, — сказал Антон, блаженно развалясь на спине, — да только ничего не выйдет: ведь у них места заранее спланированы.

— Спланированы, говоришь? — Смородинцев вскочил на ноги. — А ты знаешь, что план не догма? А может быть, ты слышал о всемерном развитии демократии, а? Которая как раз и должна разрушать всяческий догматизм? Слышал?

— Демократия — это не анархия, — возразил Кирилл.

— Лошади едят овес, Волга впадает в Каспийское море, — с готовностью согласился Смородинцев. — Тем более тут дело ясное: начальник лагеря — тренер пловцов. Своя рубашка ближе к телу, им он и подобрал, что получше, а нам — неизвестно что да еще черт-те где. Знаем мы этих бюрократов! А что касается анархии, так мы не для себя стараемся, а для дела!

— А пловцы что, не для дела? — не сдавался Кирилл.

— Да, кстати, а где пловец? — спросил Валька.

— К Подвысоцкому пошел, — мрачно произнес Пильщикова. — Сейчас начальство прибежит. Надо выработать позицию.

На состоявшемся немедленно военном совете решили, что Кирилл Инылькан и Валентин Ярыгин остаются караулить дом. В случае тревоги один отражает нападение, не щадя самой жизни, а другой бежит за подкреплением на озеро, куда остальные идут удить рыбу.

Срезав лозу для удочек, рыболовы с Женькой во главе отправились в поход. Пильщикова с непоколебимой уверенностью повел их вдоль берега. Он вел их подобно полководцу, озаренному предчувствием близкой победы, который устремляет войска навстречу бессмертным подвигам. Ветер славы трепал его волосы, спадавшие на вдохновенно раскрытые глаза, шаг его был легок и стремителен.

— Куда ты ведешь нас? Не видно ни зги, — сказал Смородинцев. — Или ты еще вчера назначил свидание какой-нибудь симпатичной щуке в определенном месте?

— Эх ты, одно слово — щелкопер! Какую же это щуку на червя ловят? Нет, братцы, пропадете вы без меня. Того и гляди стали бы червя на крючок головой надевать!

— А какая разница?

— Какая разница? Охо-хо-хо-хо! — заржал Женька. — «Какая разница», уморил! — и махнул рукой, не снисходя до объяснений.

Наконец нашли подходящее, по его мнению, место. Лес, который везде вплотную подступал к озеру, здесь переходил в заросший мелкой травой лужок, выдававшийся полуостровом. Женька направился к воде, но под ногами у него сильно зачавкало. Все сняли ботинки и прошли через заболоченный участок на высокий камень над водой. Насаживали червяков на крючки — обязательно с хвоста! — и стали ждать. Клевало довольно прилично: то один, то другой рыболов снимал с крючка трепещущую гибкую рыбешку. Через час в ведре плескалось с десятков окуньков.

Самбисты уже собирались возвращаться домой, как вдруг сильно заколыхались кусты, раздался треск сучьев, и на тропинку вырвался огромный бык. Это был черный бык-великан, бык-красавец, воплощенная в реальность идея быка. Необъятная грудь переходила в могучую шею, которая держала тяжелую голову с широко расставленными толстыми рогами. Бык, очевидно, от кого-то спасался, дыхание его было прерывистым. Неожиданно для себя увидев людей, он остановился и забил хвостом, в упор глядя на них. Дикие выпученные глаза быка налились кровью, на губах появилась желтая пена, он затряс головой и заревел, направляясь к самбистам. Куда деваться? Антон и Женька могли отплыть,

но что было делать Сергею? Сразу у берега начинался обрыв... Они ничего еще не успели сообразить, как, к счастью, передние ноги быка сразу же глубоко увязли, и он торопливо стал выбираться обратно. Выбравшись, бык как будто успокоился и стал ходить, пощипывая траву, но не забывая поглядывать на пленников.

Так прошло с полчаса, рыбы самбисты наловили уже больше, чем им было нужно.

— Н-да, придется сидеть здесь, пока эта скотина не околеет с голоду, — сказал Сергей. — Хотя травы тут таки достаточно...

— Черт его знает что делать, — Женька почесал затылок.

— Ладно, вот что сделаем, — решительно сказал Антон. — Собирайте вещи, я его задержу, а вы быстрее в лес.

Не дожидаясь возражений, он подошел по чавкающей почве к кустарнику и сломал толстый прут. Бык опустил голову, издал скрипучий рев и направился к Антону. Тот неподвижно стоял, оценивая расстояние: должно быть, так же стоял бы в своем мерцающем скафандре космонавт, высадившись на Венере и глядя на устремившегося на него громадного ящера с крошечным мозгом; две далекие, разнесенные на миллионы лет эпохи столкнулись, и холодная пронзительная сила интеллекта неизбежно должна была одолеть тупую механическую мощь — в этом Антон не сомневался.

Когда до черного лба, широкого как табуретка, оставалось не более метра и Антон уже поднял прут, чтобы хлестнуть по влажным вывернутым ноздрям, на поляну выскочил запыхавшийся мальчуган лет одиннадцати — двенадцати. Невообразимо грязный ватник, из которого во все стороны торчали клочья серой ваты, болтался у него до колен. Бахрома от брюк спускалась на загорелые исцарапанные ступни. Соломенные волосы, к

которым ножницы и расческа, очевидно, никогда не прикасались, лохматой шапкой покрывали его голову.

— Кирька! Кирька! — завопил он тоненьким голоском — Пират ты окаянный! Отвернуться нельзя от тебя. В других колхозах быки как быки, а тут леший какой-то, пошел вон отсюда! Вот погоди я бате скажу, он тебе попустит шкуру за твою беготню.

Бычище пугливо кося глазами, развернулся и затрусил назад по тропе. Большой и маленький быстро проследовали мимо опешивших самбистов.

— Ну, слава те господи, — Сергей вздохнул с облегчением, — озоном мы надышались вволю благодаря этому чудищу облу, огромну, стозевну и лаяй, как говаривал, бывало, старикан ТрEDIAKовский. Пора и домой, пожалуй.

Подхватив ведро с добычей и удочки, самбисты направились в обратный путь.

— А между прочим, — сказал Сергей Антону, — я думал, что ты больше языком умеешь, чем на деле. Есть у нас такие начальники. «Товарищи, мобилизуемся! Товарищи, вперед! Товарищи, подтянемся!» — передразнил он кого-то. — А как до дела дойдет: «Вы, товарищи, работайте, а я посмотрю, как у вас получается». Нет, ты молодец — что вчера, что сегодня. Нетипичный начальник.

— Вообще-то, Сергей, трепло ты изрядное и пижон к тому же, — перебил его Женька, — судишь, рядишь, а сам не знаешь, о чем. Ты хоть одного живого начальника видел?

— Тебе бы столько повидать...

— Иди ты!.. У меня папаша директор совхоза. Вот кто работает так работает! Конь любой в один день от его нагрузки загнулся бы. Понял?

— Але, хоп! — и Сергей неожиданно подставил ногу, выхватил у падающего Женьки ведро с рыбой и побежал вперед. Понял! Тот со смехом бросился за ним. Прибежав к дому и побросав снасти, они стали носиться по поляне друг за другом.

— Тихо! — воскликнул Кирилл. — Стойте!

Все насторожились. Сквозь неумолчный шум леса едва слышно донеслось завывание мотора.

— Так, грузовик едет. Хозяев везет, — определил Сергей. — Приготовимся к осаде.

Отдаленный звук мотора становился все слышней.

Вскоре за поворотом раздался гудок машины. Самбисты плотно заперли дверь и стали у окон. К дому подкатил грузовик, полный ребят и девушек. Он затормозил, и первым из кузова выпрыгнул пловец, который

ночевал с самбистами. Из кабины вышел Подвысоцкий. Он направился к дому и дернул дверь.

— Эй, самбисты! — крикнул он. — Выходите сейчас же!

Глухое молчание было ответом.

— Выгружайте вещи! — скомандовал Подвысоцкий пловцам и вновь застучал в дверь: — Что это такое? Не успели приехать, уже разбоем занялись? Выходите немедленно!

— Сами там живите! — был мрачный ответ.

— Я вам покажу — «сами живите»! Отворите дверь!

Тишина.

— Мы войдем, хуже будет!

— Попробуйте! — коротко ответили изнутри.

Подвысоцкий увидел, что так ничего не добьешься, и решил изменить тактику.

— Ребята, откройте, я вам должен сказать что-то важное.

— Говорите.

— Нет, при всех нельзя.

За дверью почувствовалось колебание. Заскрипело железо, дверь приоткрылась.

— Вы один войдете?

Подвысоцкий поставил ногу и не дал затворить дверь.

— Измена! — вскричали внутри. Но было уже поздно. Десятки рук уцепились за дверную щеколду, и поток пловцов хлынул в дом.

— Ну вот что, хлопцы, собирайте вещи и давайте быстренько на свое место. Я вам и пловцов дам до развилки штангу донести, а не то сами все потащите, — не скрывая улыбки, обратился Подвысоцкий к загнанным в угол завоевателям. — Я бы и машину дал, да у нас бензина в обрез, а надо еще в город за продуктами.

Сраженные великодушием победителей, неудачливые агрессоры, не поднимая глаз, прошествовали сквозь строй злорадно ухмылявшихся пловцов. У развилки помощники сбросили поклажу и с хохотом умчались назад.

Делать нечего, деваться некуда: подхватив осточертевшие уже чемоданы и рюкзаки, взвалив на себя скатанную колбасой толстенную покрышку и перекинув от переднего к заднему пятипудовую штангу (будь она трижды проклята!), самбисты двинулись вперед, мрачные, как земля при солнечном затмении. Сначала путь не вызывал у них сомнений, но, пройдя километр, они стали спорить у каждой поперечной тропинки. Лишь Кирилл Иньлькан шел молча, остро поглядывая по сторонам черными

раскосыми глазами, — так чутко и неутомимо, вероятно, шли охотничьей тропой десятки поколений его предков. Минут через двадцать, Кирилл уверенно повернул влево.

— Эй, а не заблудимся?

— Идем, идем!

— Откуда ты знаешь?

— Смотрите, — он показал на едва заметные следы на обочине.

— Ну и что?

— Два следа, оба маленькие, женские. Тапочки резиновые, спортивные. Ясно?

— Ай да Кирилл! — восхитились самбисты. — С тобой не пропадешь!

Пошли дальше. Когда тропа вывела к лощине с темной влажной почвой, развеялись последние сомнения в правильности выбранного Кириллом пути: повсюду во множестве отпечатались следы тапочек с резиновой насечкой. Так на будущее само собой и определилось: куда бы ни шли они, впереди легким экономным шагом выступал Кирилл.

Вскоре глазам открылась обширная солнечная поляна, в конце которой стоял большой деревянный дом. Самбисты направились к нему, но едва прошли несколько шагов, как пронзительный звенящий самозабвенный женский визг заставил их вздрогнуть и остановиться. Дружно визжало множество голосов сразу. Самбисты увидели, что на цветущей поляне лежали, загорая, обнаженные девушки, разумеется не предполагавшие никакого вторжения в свое царство.

— Ребята, назад!

Они помчались в лес, теряя вещи. Через некоторое время услышали крик: «Мальчики! Идите, уже можно!» Степенно пошли, опустив головы и пофыркивая в ладони. Около дома стояла группа девушек, человек десять, из окон выглядывало еще несколько. Девушки были уже одеты, некоторые спешно причесывались.

— Здравствуйте, мальчики! — Одна из девушек, загорелая, кареглазая, выступила вперед. — Вы самбисты, наверное? Будем знакомы.

Она держалась ровно и спокойно, и самбисты по каким-то неуловимым признакам, вероятней всего по тому, как уважительно относились к ней подруги, безошибочно определили, что это староста художественных гимнасток.

— Будем знакомы? Да мы сразу познакомились, можно сказать, очень коротко, — сказал Сергей, улыбаясь.

Все засмеялись.

— Проходите к нам, мальчики! Ну, как поживаете?

— Прекрасно! Вот только нет ни жилья, ни еды. Денег два пая утопили, а так все замечательно, — сказал Антон.

— Приобретаем, как говорится, жизненный опыт, — разъяснил Валька.

— Эх вы, бедненькие! — полушутя, полусерьезно сочувствовали девушки. — Приходите к нам, мы вас и напоим, и накормим.

«И спать уложим», — хотел было добавить Женька, но глянул на кареглазую старосту и проглотил присказку.

— Да нет, этак мы вас объедем в два счета, — ответил Антон. — А займы пару буханочек и пачку соли мы бы взяли.

— Господи! Вот вы зачем пришли! С этого бы и начали, — съязвила одна из гимнасток, — а то: тары-бары, растабары, катер, приключения...

Снова все рассмеялись.

— Вы нам хлеб и соль, а мы вам рыбу и Вальку Ярыгина, — галантно предложил Сергей.

— То есть рыбу и мясо? — кротко уточнила та же неугомонная девушка.

Сергей только руками развел: не язык, а бритва!

— А кто это Валька Ярыгин? Вы? Вы? Ах, вы! А с чем вас едят?

Валька нестерпимо покраснел, хмыкнул, сказал: «М-да, вообще-то» — и больше ничего не смог добавить.

— Да что вы?! — удивилась мучительница. И окончательно сразила его заключением: — Очень красноречивый товарищ!

— Вальку — в виде культурного обслуживания. Замечательный аккордеонист, — выручил друга Женька.

— А как будете играть? За деньги или хлебом предпочитаете?

— Перестань, Лиза, совсем заклевала парня, — вмешалась староста — Мария, как они узнали из разговора. — Зря вы всю эту бучу затеяли. Ведь ваше помещение на горе, по-моему, удобнее, чем домик пловцов.

— Ага! — вскричал Сергей. — Чуете? Опять «помещение»!..

— Да постой ты! — перебил его Антон. — Может быть, вы нас туда проводите?

— Пожалуйста! Девчата, отведем самбистов?

Шумной гурьбой отправились дальше. Вскоре увидели довольно большой, крутой и лесистый холм, окруженный понизу широкой протокой, — своего рода естественным крепостным рвом. Через воду вали

мостики, настеленные на сваях. Вся компания перешла по прогибающимся доскам на ту сторону. Поднявшись, самбисты увидели, что холм полого спускается к озеру. Он оказался островом. На верхушке холма, среди высоких сосен, скрывалась поляна, густо поросшая травой. На опушке леса стояли два сарайчика. Самбисты взбежали по ступенькам в один сарайчик, побольше, и в другой, поменьше.

«Великолепно! Лучше не придумать», — было единодушное мнение.

— А кто подбил нас на бунт? Смородинцев? Накостылять ему по шее! — вскричал Женька.

— Минуточку! Минуточку! — взмолился Сергей, которого вмиг скрутили и пригнули головой к ногам. — Дозвольте перед казнью слово молвить!

— Говори, — разрешили ему.

— Пусть ударит меня тот, кто не принимал участия в бунте...

С хохотом бросили его на траву.

— Девочки, а у вас топор и пила есть? — спросил Женька.

— У нас нет, но посоветовать кое-что можем, — ответили девушки. — Пойдемте с нами, минуете дом, увидите тропинку к избушке на курьих ножках. Там живет пастух Макар с сыном Володькой...

— Коричневое лицо, голубые глаза, разноцветные заплаты, философия Шопенгауэра? — быстро спросил Сергей.

— Точно! А вы откуда знаете?

— Спрашиваете! На то мы и самбисты.

— На то вы и хвастуны! — вмешалась Лиза. — А вы знаете, почему он такой неряшливый и унылый?

— А вы знаете?

— Нам доярки рассказывали, он раньше председателем колхоза был. А потом у него жена умерла, он запил беспробудно, проштрафился, его из председателей и выгнали. Теперь работает пастухом на Дальних пастбищах.

Антон и Сергей, проводив девушек, пошли в указанном направлении. Действительно, дом выглядел крайне неприглядно. Зашли в комнату. За грязным столом у опорожненной миски сидел Макар, курил.

Рядом с ним сидел и плел кнут давешний знакомый пастушок.

— Привет! — бодро воскликнул Сергей. Пастух кивнул им.

— Мы вашими соседями будем, — сказал Антон. Тот кивнул еще раз.

Озадаченные, ребята молчали.

— Не найдется ли у вас топора и пилы? Нам надо сделать нары, стол, скамейки.

— Володька, достань.

— Если можно, дайте и косу, травы в матрацы накосить.

Володька нырнул под незастеленную кровать, порылся там и вылез, держа ржавый топор и такую же пилу-одноручку. Затем снял со стены старую косу.

— Мы вернем дня через два, три.

— Хоть через год, — ответил пастух. — Володька, проводи.

Когда ребята вернулись, работа закипела: выпрямляли на камне старые гвозди, настилали нары, выкашивали поляну, ставили стол. Спустившись к мосткам, починили и их.

— Ребцы! — воскликнул Женька. — А ведь средние-то две доски всегда можно снять, тогда мы будем как в замке, ни одна душа к нам не заберется. Если захотим никого не пустим, хоть Подвысоцкого, хоть Поднизоцкого! Тут уж нас не обманешь! — И он, не долго думая, снял две доски.

— Спортлагерь самбо считаем открытым! — провозгласил Антон.

Валька в темноте сыграл на аккордеоне туш.

— Рано ты эту музыку вспомнил, — заметил Кирилл. — За двое суток всего-то жильё нашли.

— Э, ладно тебе ныть! — возразил Женька. — Ты лучше представь, как на нашем вчерашнем месте комары пловцов жрут! Айда спать!

Антон лежал на спине, заложив руки за голову: чередой неслись перед внутренним взором события и люди. Звучали обрывки фраз. Последней была мысль, беспокоящая, как зубная боль: к занятиям еще не приступили...

4

АКТИВНАЯ ОБОРОНА СОБСТВЕННЫМ ПОТОМ И КРОВЬЮ, ТЯЖЕЛЫМ ТРУДОМ МОЛОДОСТЬ, МОЛОДОСТЬ, СКОЛЬКО СИЛ У ТЕБЯ...

Утром принялись за главное — устройство борцовского ковра.

Аккуратными полосками нарезали дерн и свернули его в огромные рулоны. Один долбил ломом землю, двое копали, двое бегом относили носилки с землей в лес. Через каждые полчаса менялись. Ритм задавали носильщики, стремительно убегавшие в лес и так же быстро возвращавшиеся назад. Сразу стало жарко.

— Шесть на шесть, да еще полметра в глубину, итого — восемнадцать кубометров, — сказал Антон, методически долбя ломом грунт. — Значит, в два Раза больше, чем была бы на пятерых дневная норма на стройке. Сделаем?

— Сделаем!

Когда солнце подошло уже к зениту, Валька вдруг воткнул лопату и с кряхтением разогнулся:

— Послушайте-ка!

Все услышали, как снизу, со стороны мостков, кричал Глеб:

— Эге-ге-ге! Умерли там, что ли? Самбисты! Эге-ге-ге!

Сергей побежал вниз и перекинул доски на недостающую часть мостков.

— Как маленькие дети, все равно! Захватывать чужие дома им понадобилось! — Глеб появился на поляне и, не поздоровавшись, продолжал: — Кто вам разрешил самовольничать? Безобразия! В игрушки приехали играть, чингисханы нашлись, понимаете!

«Сыграем?» — Антон обменялся быстрым взглядом с Сергеем и Женькой и спокойным дружелюбным голосом спросил:

— Как поживаешь? Каково тебе на новом месте?

— Привет! — бросил Глеб. — Тебе-то как не стыдно? Комсорг! Должен воспитывать людей! Безобразия!

— Глеб, да ведь мы о тебе в первую очередь беспокоились, — вступил

в игру Смородинцев. — Пришли туда и думаем: тренеру ведь совсем близко добираться, а куда-то ходить — это ему массу времени понапрасну тратить, мыслимое ли дело? И решили остаться там — ради тебя!

У Корженевича, на миг оторопевшего от такой беспардонной выдумки, раздраженно блеснули глаза, но не успел он открыть рот, чтобы надлежаще высказаться, как Антон задал вопрос:

— Да, кстати: ты ведь не уплатил капитану наши деньги? А они нам как раз нужны.

Глеб почувствовал себя чем-то вроде баскетбольного мяча, который стремительными неожиданными пасами переходит от одного хладнокровного игрока к другому, неотвратно приближаясь к корзине на другой стороне поля.

— Да вы что? — возразил он по привычке громко, но неуверенно, что сразу отметили все, в том числе и он сам. — Я же ему на прощание и передал плату.

— Это когда же? — Женька сделал заключительный бросок. — Вроде бы он все время был сам по себе, а ты сам по себе.

— Ну, ладно! — обозлился Глеб, но продолжать разнос уже не решился. — Хватит терять время на разговорчики, и так вы проболтались больше, чем надо. Быстро несите тетради, начнем лекцию.

Самбисты перемигнулись и расселись на рулонах дерна.

— Ну-с, записывайте. Лекция первая. Тема... Вопросы по теме...

Занятие пошло полным ходом. Никто не услышал, как подошел Подвысоцкий. На него обратили внимание лишь тогда, когда раздался его голос:

— Ну, что же, работа началась? Прекрасно. Ладно, мальчики, не буду вам мешать. У меня только одно сообщение: машина сломалась, придется кому-либо из вас съездить в магазин в Ряйселе, это семнадцать километров отсюда. Велосипед я свой рискну вам доверить, хоть вы и разбойники, — он рассмеялся.

— Напрасно вы их балуете, Василий Ефремович, — вмешался Глеб. — Ясно, что тут дисциплиной и не пахнет, сплошная разболтанность. Закручивать гайки надо, а не велосипеды предлагать! Помяните мое слово: вы еще пожалеете об этом.

— Серьезный у вас преподаватель, — Подвысоцкий сочувственно похлопал его по плечу. — Уж он-то вас не разнежит, не разбалует. Только гляди, Глеб, ребята тебе умные попались, индивидуумы, так сказать. Не сорви резьбу с гаек без толку... А молоко и творог будете получать у доярок, я договорился.

Он посмотрел, как самбисты устроились, заглянул в сарайчики, попрощался и ушел. Глеб ушел вместе с ним, пообещав прийти назавтра с утра. «Вы давайте поднажмите, тут дела-то — раз плюнуть. Завтра чтобы уже могли бороться! График-то надо выполнять».

Подкрепившись молоком, за которым на ферму ходил Кирилл, самбисты снова принялись за работу. Котлован заметно углублялся. Все так же вздымался и падал лом, все так же быстро выбрасывали землю лопаты, все так же бегали носильщики, унося землю в отвал. Смеркалось. Сделали перерыв, ходили помылись в озере. Поужинав, снова приступили к работе. Болели все мышцы, трудно было разогнуться, но цель была ясна и достижима, и землекопы стремились к глубине, достигнутой уже в одном из углов. Чем глубже, тем чаще попадались камни, лопаты звенели от удара и не шли вглубь. Главную роль играл лом. Стали чаще меняться, но работа все же заметно замедлилась. В центре котлована торчал как будто небольшой остроконечный камень, но когда выбрали всю землю, он по-прежнему острым, но уже длинным клыком возвышался почти до самой поверхности. Попробовали ломом разбить его — куда там! Только поотбивали руки, лом с гудением отскакивал от камня, как от брони. Стали окапывать проклятый клык и убедились, что он становится все шире, яма уходила все глубже, а камню не было конца.

— Хм, этот камень, вероятно, идет до центра земли? — невесело пошутил Валька.

Стали подрываться под основание камня и, забравшись в яму, попытались приподнять огромный скользкий осколок скалы. Не тут-то было: камень слипся с глиной и стоял непоколебимо. Попытки раскатать его ни к чему не приводили, пока не использовали в качестве рычага лом, а затем и гриф от штанги. С напряжением всех сил, таким, что чуть не лопались жилы и трещали кости, самбисты начали вытаскивать камень, поочередно подпирая его то ломом, то грифом.

Наконец камень подняли. Перекатить его к лесу теперь было сущим пустяком. Это была остроконечная пирамида высотой метра в полтора, вероятно отломанная ледником верхушка какой-то скалы. На дне котлована зияла огромная яма, ее нужно было закидать, но сил на это уже не было. Все упали на траву, кто где стоял, бешено колотились сердца, в ушах стоял звон.

Наступила ночь. Было совершенно тихо, ни один лист не шевелился на деревьях. Вдруг издалека донеслась музыка.

— Ребята! У гимнасток танцы!

Всех как ветром подняло с земли. Забыт четырнадцатичасовой трудовой день, забыты кубометры грунта и носилки, лом и лопата, забыта ноющая боль в мышцах...

Самбисты вмиг простучали ботинками по мосткам над водой. А через несколько минут уже подходили быстрым шагом к дому художественной гимнастики и были встречены кликами восторга... И они танцевали, пели и опять танцевали — без конца, а потом девушки провожали их, а они — девушек, и звонкий смех торжествующей юности еще долго тревожил темные неподвижные леса, тихие озера и спящие луга.

...Молодость, молодость, сколько сил у тебя!.. Ты смеешься даже над всемирным законом сохранения энергии: чем больше сил тратишь, тем больше их прибывает. Пора, когда каждая клеточка мозга свежа и жадно стремится вобрать, втянуть в себя знания, когда каждая мышца способна стать мощной и эластичной. В эти годы нет невозможного, нет таких головокружительных вершин мысли, которые были бы недоступны

молодым, нет такого труда, который был бы им непосилен: юные могут все!

ИЗ ПИСЬМА АНТОНА ЖГУТОВА

«...Эта Мария удивительно красива, грациозна и в то же время очень умна — почти как ты. Я подумал: а чем же такие люди отличаются от тех, которые будут жить в будущем? Да ничем!

И еще: здесь мы встретились с одним пастухом. Говорят, он сильно пьет. Странно, ведь у него умное лицо. Но как же сделать, чтобы всем было жить интересно и радостно?»

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ВАЛЕНТИНА ЯРЫГИНА

«На завтрак и ужин всего по четыре ложки творогу. Сегодня видел ее (далее несколько строк густо зачеркнуто).

Продолжал размышлять о путях ускоренного экономического развития.

Когда Кирилл уснул, Антон встал и укрыл его своим пальто. Почему именно Кирилла?

Мне: работать над развитием чуткости».

ИЗ ПИСЬМА ЕВГЕНИЯ ПИЛЬЩИКОВА

«Здорово, батя! Значит, дело такое: пришли мне 30 рублей...»

ИМЕЯ ПЕРЕД СОБОЙ БОЛЬШУЮ ЦЕЛЬ, РАСТЕТ ЧЕЛОВЕК И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Антон проснулся от лучика солнца, который щекотал ему лицо. Взглянул на часы — восемь! Он соскочил с нар и распахнул дверцу сараюшки. Солнце золотым потоком хлынуло в темную комнатку. Самбисты спали, в том числе и дежурный — Сергей, который давным-давно уже должен был встать, принести воды, наловить рыбы и сварить завтрак. Лишь Кирилл открыл глаза — и, тотчас сбросив ноги на пол, сел. Он посмотрел на Сергея, качнул головой и, без единого слова взяв пару удочек и ведро, отправился к озеру.

— Подъем! — загремел Антон. — Подъем! Вставайте! Смотрите, каких Сергей щук наловил, пока мы спали. Подъем!

— Где? — ревниво спросил Женька. — Какие щуки? — Он тотчас выскочил из сарайчика искать добычу Сергея. Проснулся и Валька, с хрустом потянулся, выгнулся, встал. Один только дежурный не шевельнулся.

— Эй, Сергей, дежурный, вставай! — стали его тормошить. — Эй, молодец! Проспишь царство небесное!

Сергей приоткрыл глаза, что-то зло буркнул, перевернулся на другой бок и под общий хохот стал натягивать одеяло на голову. С него попытались стащить одеяло, он отбивался ногами.

— Эй, вставай!

— Чего пристали? Я уже не сплю, сейчас встану, уйдите вы! — А сам спал.

— Ладно, шутки шутками, а впереди работа! — строго сказал Антон. — Ты нас с питанием подвел, нехорошо получается.

Сморозинцев перестал брыкаться, сбросил с головы простыню и сел:

— А который час?

— Девятый.

Он разметал одеяла, кинулся к удочкам, схватил две штуки и лихорадочно стал искать банку с червями.

— Не торопись, Кирилл уже ушел.

— Антон, дай-ка мне денег, — сказал Сергей. — Схожу к

Подвысоцкому, возьму велосипед и поеду в Ряйселе.

Жгутов молча выдал ему пять рублей. Сергей взял вместо мешка для провизии свободный матрасник и пошел к мосткам.

— Куда? Дождись завтрака!

Он только махнул рукой.

— Что ж, сам себя наказал, правильно сделал, — жестко сказал Антон. — В противном случае мы бы наказали. Для себя спи сколько хочешь, а общество — дело святое.

Вскоре появился Глеб.

— Становись! — скомандовал он. — По порядку номеров рассчитайсь! Так. А где пятый?

— Сергей уехал в Ряйселе за продуктами, — ответили ему.

— Не все сразу. Кто дежурный?

— Смородинцев же.

— Непорядок, елы-палы. В следующий раз не забудьте отдать рапорт. А тебя, — обратился он к Жгутову, — я прошу обеспечить порядок. Порядочек чтоб был. И чтобы без моего разрешения никто никуда не отлучался. Ясно? Вот так. Стоять вольно, — разрешил он. — Что же это вы? Я думал, у вас уже все готово, а тут работы еще — начать и кончить? А?

Ему показали на камень и на яму, которые, впрочем, он и сам прекрасно видел.

— Ясно, ясненько. Ну что ж, продолжим. Двое — Жгутов и Инылькан — засыпать яму. Ярыгин — косить осоку. Пильщиков, пойдешь со мной. Где у вас топор?

Кирилл и Антон вкатили в яму несколько рулонов дерна. Дно заровнялось, и тогда его густо стали закладывать сосновыми ветками. Хвою покрыли толстым слоем травы, по бокам котлована вбили колышки и привязали к ним тяжелую брезентовую покрывку.

Долгожданный момент наступил, борцовский мат был готов! Самбисты закричали «ура!» и бросились кувыркаться и возиться на новом ковре. Корженевич, величественно улыбаясь, не препятствовал им.

Восторг возрос вдвое, когда подошел Сергей и сбросил с плеч на землю тяжело набитый мешок.

— Рассаживайтесь, — приказал Глеб. — Итак, чем мы будем заниматься? Записывайте. Название нашей борьбы образовано из трех слов: самозащита без оружия — сам-бо. Записали?

— Да это мы знаем.

— Система, система должна быть. Пишите. Вам известно также, —

продолжал он, — что самбо состоит из двух разделов: боевого комплекса и спортивной борьбы. Запишите темы...

Он диктовал, и самбисты невольно отмечали четкость формулировок, многообразие и строгую последовательность предстоящего курса.

— Ну а теперь я вас опробую, — сказал Глеб в конце урока. — Поборемся, я буду знать, чего вам не хватает, что вам давать дополнительно. Ну, кто первый?

Самбисты смущенно переглянулись.

— Да стоит ли, Глеб? Все же ты мастер, а мы...

— Вот что, братцы! Я вас просить не буду, приказ есть приказ. Ясно? Или повторить? Кто первый?

— Ну, давай я пойду, — сказал Антон.

Началась схватка. Через пять минут Антона сменил Женя, затем с Глебом боролись Сергей, Валя, Кирилл. Глеб работал как машина, — и сила его бросков вызывала восхищение у зрителей, да и у партнера.

Он не оставлял безнаказанно ни одной ошибки, ни одной оплошности ни в стойке, ни в положении лежа. Работал легко, без напряжения, полностью расслабляясь, и вдруг неуловимо для глаз проводил прием. Невозможно было заранее предугадать, что он задумал. А если партнер не делал ошибок или становился в глухую стойку, упираясь всеми силами, он неожиданной комбинацией заставлял его терять ориентировку, и тот все равно попадался.

С каждым он боролся по-разному и побеждал противника его же оружием. Антону предложил грубую силовую борьбу и, измотав его, провел несколько резких, внезапных бросков. Женьке, который боролся с азартом и выкладывался до конца, предложил бурный темп и неистовый натиск, он просто затаскал его по коврику. С ловким, как пантера, Сергеем плел сложнейшие кружева комбинации, и все это неизменно кончалось падением Сергея. Гибкости Валентина он противопоставил еще большую гибкость, а против железной хватки и неутомимости Кирилла, который с ним боролся последним, выставил еще более цепкий захват и еще лучше поставленное дыхание. Это была поголовная трепка, избивание, но из него рождалось неукротимое желание научиться бороться так же виртуозно, побеждать так же неутомимо, так же совершенно владеть своим телом.

Поражения и неудачи неизбежны в жизни у каждого, и умен тот, кто делает из них верные выводы, у кого они не порождают уныния и растерянности, а возжигают в душе яркое, святое стремление преодолеть обстоятельства, превзойти победителя. Умен тот, кто соревнуется с сильнейшим, ибо, только имея перед собой большую цель, растет человек и

— человечество.

— Ну вот, чемпионы, картина ясна. Будем работать. Данные у вас есть, толк выйдет, — сказал Глеб. — Молодцы, молодцы, для начала неплохо.

Глеб попрощался и быстро ушел, крикнув с мостков:

— Завтра чтоб дежурный не забыл рапортовать! У меня чтоб дисциплинка была!

Усталость сковывала руки и ноги. Кое-как завершив после обеда строительные работы, самбисты, едва стемнело, улеглись спать и уснули мертвым сном.

Но без происшествий не обошлось. Было уже совсем темно, когда Кирилл растолкал Антона: «Слушай! Зовут». Снизу от лощины несся отчаянный призыв:

— Самбо! Самбо! Самбо!

— Ребята! Тревога!

Они выскочили из сарайчика и, ежась от ночной свежести, бегом спустились к мосткам. По ту сторону в темноте смутно белели платья. Гимнастки ожидали их внизу.

— Мальчики! Идите к нам ночевать!

— Что-о???

— Около нас бродят бандиты!

— Да бросьте! — Они перешли к девушкам.

— Какой ужас! Какой ужас! — шумели гимнастки. Из их сбивчивого рассказа самбисты поняли, что с веранды после ужина пропала кастрюля с кашей и большой кусок мыла.

— Тише, спортсменки называются! — сказал Антон. — Всем нам идти незачем. Хватит и одного сторожа. — Он взял у ближайшей девушки дубину, которой та была вооружена, и самбисты принялись перехватывать дубину ладонями: одна над другой. Последней была ладонь Ярыгина. Ему вручили дубину, посоветовали бандита сразу не убивать, а лучше брать живьем, и Валька в толпе девушек, доверчиво жавшихся к нему, отважно зашагал навстречу опасности.

Его поместили на веранде. Девушки еще немного пошумели в комнате и затихли. В доме наступила тишина. Вокруг шумел лес, то затихая, то расходясь под ветром, а Валька, сидя на полу, вслушивался в непонятные шорохи и до боли таращил глаза в темноту...

Проснулся он как от толчка, когда уже светало: кто-то потихоньку снаружи приподнимал палочкой засов. Валька весь напрягся, готовый к броску. Бесшумно, не скрипнув, отворилась дверь, и, неслышно ступая, на веранду проскользнул мальчик в рваном ватнике. Он поставил пустую

кастрюлю на пол, пошарил глазами и направился к куску хлеба, лежащему на столе. Валька тигром прыгнул к двери, отрезав преступнику путь к отступлению. Малыш жалобно пискнул, попытался выскользнуть, но забился в железных Валькиных руках.

Ярыгин вытащил преступника на лужок перед домом, чтобы получше его рассмотреть. Все это время мальчик, ни слова не говоря, пытался вырваться.

— Э! Да это пастушонок! — узнал Валька. — Вот так так! Послушай, как же тебе не стыдно: ты все же работник, уважаемый человек, в школе, наверно, учишься — и так поступаешь! Разве это хорошо? Подумай сам!

Пастушонок оставил бесполезные попытки вырваться и только пошмыгивал носом. Через некоторое время он понял, что бить не будут, потерял к событию интерес и, посмотрев на Вальку, стал ждать, чем все это кончится.

Ярыгин еще долго внушал ему высокие понятия о честности и отпустил его, сказав:

— Ты понял, я думаю? Смотри, чтоб это было в последний раз!

У малыша только пятки сверкнули, а Валька с чувством удовлетворения отправился к себе досыпать, предоставив девушкам по пробуждении ломать голову, куда делся сторож и откуда взялась кастрюля.

СЫН СВОЕГО НАРОДА ВСЕ НОВЫЕ СТОРОНЫ ЖИЗНИ ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ САМБО

Валентин, опершись на дубину, перемахнул проем между мостками и поднялся на поляну. Вдруг он заметил, что дверь сарайчика-столовой приоткрыта. «Черт побери! Неужели и сюда какой-нибудь воришка забрался?» Он подкрался к сарайчику и заглянул внутрь.

За столом сидел Кирилл. Нагнув голову так, что иссиня-черные волосы его крылом свесились вниз, он писал. Весь стол был завален исписанными листками бумаги. Валька продолжал следить за ним, стараясь понять, что именно он пишет. Дописав очередной лист, Кирилл отложил его в сторону и оперся подбородком на руку. Его узкие раскосые глаза глядели далеко-далеко, не замечая Валентина. Тот пошевелился и кашлянул.

— А, Валька! Это ты сейчас на мостках шумел?

Ну, поймал разбойников?

— Какие там разбойники, пастушонок голодный... А ты что, роман подтихую пишешь?

— Роман, — Кирилл улыбнулся.

— О чем, если не секрет? Вообще это дело, говорят, выгодное. — Валька поднялся по ступенькам и подошел к столу.

— О чем? Обо всем, что встречается на свете.

— Ого! Энциклопедия нашего времени? Помнишь, в школе писали сочинение «Евгений Онегин» — энциклопедия русской жизни начала XIX века... — Вдруг среди бумаг Валька заметил книгу, которую никак не ожидал встретить здесь: «Букварь».

— Хм, вот так так, и верно, что энциклопедия — для младшего школьного возраста. А тебе-то для чего?

— Надо.

Не мог же объяснить Кирилл Вальке, который первым делом заговорил о выгоде, что сердце его билось великим чувством любви к своему отважному и честному народу охотников и оленеводов, который воспитал его, дал ему среднее образование и, лучшего из лучших, послал в университет, веря в него и надеясь на его обогащенный знаниями разум. Не хотел он объяснять Вальке, что, когда дети его маленького народа

нуждаются в учебниках на родном языке, не может он ждать, пока окончит университет, и должен отдавать свои знания уже сейчас, немедленно. Он сказал только: «надо».

— Чудак, для чего надо?

— Чтобы издательство из плана не исключило, — объяснил он Вальке на наиболее доступном для того, как он думал, языке.

— Хм, скажи-ка! — с большим чувством произнес Ярыгин. — Молодец ты, Кирилл! А когда же ты будешь работать?

— А вот по утрам буду вставать раньше.

Они помолчали.

— Я, понимаешь, тоже себе план наметил: английским подзаняться да на аккордеоне кое-что разучить. Потом решил — не выйдет здесь. Скис... Надо будет последовать твоему примеру. Вот встану завтра пораньше...

— Почему завтра?

— Я, видишь ли, недоспал. Хм, а впрочем, не будем медлить!

Он тихо, чтобы не разбудить спящих, прокрался в спальный сарайчик, вытащил из своего рюкзака сверток бумаг и, устроившись на крышке, разложил карточки: с одной стороны слово по-русски, с другой — по-английски.

Вовсю щебетали птицы, солнышко поднялось уже выше леса. Напряженно занимался в своем сарайчике Кирилл, и Валька, поглядывая на него, с новой энергией твердил английские слова. Закончив занятия, они натаскали хворосту, принесли воды и, когда уже варилась каша, разбудили остальных. Со смехом и шутками расспросив Вальку о его ночных приключениях, самбисты отправились к озеру делать зарядку.

После завтрака явился Корженевич в шерстяном тренировочном костюме, облегающем фигуру. Он продиктовал самбистам тему, и урок начался. Глеб заставлял их делать неизвестные им раньше упражнения, ввел элементы акробатики, разогревал у штанги, а сам тем временем, командуя, тщательно и по многу раз повторял свои, особые движения. Темой занятий была задняя подножка — бросок, казалось, элементарный. Поначалу ребята отнеслись к нему без всякого интереса. Но Глеб показал уйму нового в этом досконально им известном, как они прежде думали, приеме.

— Э-э-э... елы-палы, я подготавливаю книгу по самбо, так у меня задняя подножка дана во всех вариантах, комбинациях, подготовках и продолжениях. Пятнадцать страниц, между прочим.

— Пятнадцать! — изумились самбисты.

— Да. Как-нибудь дам вам взглянуть. А вам задание — к завтрашнему

дню напишите мне контрольную на тему: проведение задней подножки. Надеюсь, будет без списывания. Без списывания будет. Ведь вы комсомольцы и все такое. Сознательность — вот что нужно. А теперь — на плавание.

Он отпустил всех, а Жгутова задержал.

— ...Ты, э-э-э, тут староста. В общем, распишись в журнале. Пустяки, формальность, для отчета.

Он развернул перед ним журнал. Антон спросил:

— Постой, Глеб, тут написано — шесть занятий по два часа. Когда же это было?

— Не все ли тебе равно? Вы свое получите, и ладно. Вот тут подпиши... — Он совал ему в руку свою авторучку.

— Нет, объясни.

— Вот, елы-палы, четыре часа лекции было? Было. Вчера два и сегодня, можно сказать, два. В первый день в Приозерске занятия проводили на берегу? Проводили. Мат оборудовали? Оборудовали! Это еще потрудней, чем какие-нибудь прыжки в ГТО. Подписывай быстрее, мне надо идти. Ну, давай, давай!

К отпору Антон оказался не готов, медленно, нехотя он подписал. Глеб повеселел, небрежно попрощался и ушел.

С тяжелым чувством Антон поплелся вслед за товарищами.

Минут через тридцать, миновав памятный им домик пловцов, самбисты вышли на берег озера. Пловцы сидели вокруг Подвысоцкого, который им что-то объяснял. Увидев самбистов, все с веселым любопытством уставились на них.

— Ну что, завоеватели, не будете сегодня захватывать наш дом? — прищурясь, спросил Подвысоцкий.

— Кто старое помянет, тому глаз вон, Василий Ефремович, — ответил Женька. — Теперь вы довольны и мы довольны. Всех приглашаем к нам в гости, ковер мы соорудили замечательный, приходите, научим вас бороться.

— И девушкам можно?

— А что же, пожалуйста!

Пловцы окружили самбистов и, войдя в воду, наперебой принялись их учить, кто во что горазд. Поднялся хохот, шум, плеск.

— Стоп, стоп, ребята! — закричал Подвысоцкий. — Так дело не пойдет.

Он отправил половину пловцов тренироваться, и они дружной стремительной стайкой поплыли к дальнему островку. Женька увязался за ними, но, как ни махал саженками, быстро отстал и вернулся назад. Его,

Антон и Вальку взял под свою опеку Василий Ефремович и заставил их делать по пояс в воде подготовительные упражнения к стилю кроль. Что же касается Сергея и Кирилла, то на каждого из них пришлось чуть не по пять учителей, преимущественно девушек. От их чрезмерного старания самолюбивый Сергей разнервничался, вылез на берег, уселся в одиночестве и стал смотреть, как пловцы истязают Кирилла. Тот с мрачной настойчивостью выполнял все, что ему ни говорили. Велят лечь на воду и убедиться, что тело не тонет, он ложится — и плашмя идет ко дну; велят сесть на дно, обхватив колени руками, чтобы удостовериться, что тело моментально всплывет, он садится на дно и кротко сидит там, пока учителя не забеспокоятся и не начнут нырять за ним.

Одно только хорошо у него стало получаться с первого раза — упереться руками в дно у берега и бить ногами по воде, поднимая целую бурю. Сидя на камне, Сергей с завистью смотрел на Кирилла.

Домой самбисты пошли напрямик через лес; они уже достаточно хорошо ориентировались. Чем дальше шли, тем глуше и запущенней становился лес. То и дело буреломы и овраги преграждали им путь. Лес то поднимался на гору, то резко сбегал вниз; иногда среди темных хвойных массивов встречались веселые березовые рощицы, звенящие птичьим гомоном, иногда молчаливый ельник стеной вставал перед ними, и приходилось идти в обход.

Самбисты без труда наполнили грибами Женькину майку. На одном из косогоров наткнулись на фантастические россыпи черники: ее нельзя было бы обобрать и за много дней. Это место запомнили.

Вечером Глеб провел первый урок боевого комплекса. Он показал им защиту от ударов и вместе с тем некоторые ужасающие по силе воздействия приемы.

— Еще раз напоминаю: это наша профессиональная тайна, — сказал Глеб. — Чтобы нигде вы приемами не хвастались и без крайней нужды их не применяли! Ясно? Это дело судом пахнет!

Перед сном самбисты уселись на ступеньках сарайчика.

Над землей плыл тихий ласковый вечер. Солнце уже село, но северное небо оставалось нежно-голубым. Не умолкая, шумел лес.

Валентин принялся тихонько наигрывать на аккордеоне. Глаза его стали печальными, это был уже не круглолицый конопатый парнишка, нет, это был музыкант, чутко улавливающий все прилетающие звуки и перелагающий их в серебряную повесть. Он играл очень хорошо, и музыка властно захватывала ребят. Но Валька был настроен грустно, и постепенно на сердце у всех стало пасмурно.

— А ну тебя, завел похоронную! — остановил его Женька. — Уморить нас захотел? Давай-ка смени пластинку!

Валька вздохнул и стал играть бодрые песни и танцевальные мелодии, все повеселели. Повеселел и сам музыкант и стал выделять немыслимые фортели на клавиатуре. Женька спрыгнул со ступенек и лихо отбил «цыганочку» под плескание ладоней и вскрики остальных.

— Отбой! — возвестил Антон, взглянув на часы.

Ярыгин сыграл протяжный «Отбой», и все отправились к себе на нары. И в последующие вечера, если только не мешал дождь или если самбисты не были смертельно усталыми, они провожали пением уходящий день, сидя тесной кучкой на ступеньках или вокруг костра. Иногда к ним приходили девушки, и потом самбисты провожали их, а иногда они сами ходили к девушкам, и тогда девушки гурьбой провожали их до мостков. Пение и вечера эти надолго запомнились им...

— А между прочим, чем у нас не республика? — спросил Сергей, когда они улеглись. — Отдельная территория есть? Есть. Своя экономическая жизнь есть? Пожалуйста! Язык? «Ущемление ахиллесова сухожилия», «отхват», «подсечка» и так далее — сколько хотите. Правда, немного не хватает до миллиона жителей...

— Миллион? Пустяки! — воскликнул Женька. — Это здорово! Республика Самбо! Завтра же надо вывесить свой флаг.

Утвердив форму и цвет флага (ярко-синяя борцовская куртка, которая валялась у них без рукава), активно приступили к распределению портфелей в правительстве.

Премьер-министром и министром иностранных дел без прений назначили Антона.

— Ты, брат, гляди не зазнайся, — строго предупредили его, — а то уж больно много важных должностей: и комсорг, и премьер-министр, и министр иностранных дел. Тут и до культа личности недалеко. Мы тебя будем жестоко контролировать!

Также без прений прошло утверждение Евгения Пильщикова министром обороны, главнокомандующим всеми сухопутными, а также военно-морскими вооруженными силами республики.

— Вальке я предоставил бы в своем кабинете пост министра по делам искусств, больно хорошо играет, — сказал Антон.

— Какая недооценка его многогранной природы! — ужаснулся

Сморodinцев. — А его богатейший опыт по борьбе с чуждыми элементами? А?

— С пастушонком, что ли? — спросил министр обороны.

— Согласен! — сказал премьер. — И по совместительству — министра общественной безопасности.

Нелегкая участь возглавлять министерство рыбной промышленности выпала на долю Кирилла. Его утвердили также председателем стратегического комитета по заготовке червей.

Поблагодарив коллег-министров, Кирилл предложил на вакантную должность министра лесной промышленности баллотировать кандидатуру Сергея Смородинцева и ему же по совместительству вручить министерство внешней торговли.

— Но позвольте, — заскромничал польщенный Смородинцев, — я полагаю, что на этом втором высоком посту уместней был бы высокочтимый коллега, студент экономического факультета Вэ Ярыгин...

— Да, но кто лучше тебя сумеет заговорить зубы и подъехать к дояркам? — возразил Валька, и единогласным голосованием на Смородинцева были возложены также внешнеторговые обязанности.

Вдоволь насмеявшись, министры уснули.

Наступила ночь, и темная река сна бесшумно понесла их по своим причудливым изгибам. Они спали, и дружный разноголосый храп свидетельствовал всему миру, что они были бесконечно далеки от мыслей о тех коварных водопадах, грохочущих порогах и злых водоворотах, которые ожидали их впереди.

Республика Самбо образовалась и вступила в свое славное, многотрудное существование.

**ЧАСТЬ ВТОРАЯ
СПЛОШЬ ПСИХОЛОГИЯ
(НО, С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, КУДА ОТ
НЕЕ ДЕНЕШЬСЯ?)**

1

ВНУТРЕННИЙ РАЗБРОД ВНЕШНИЕ ВРАГИ АКТИВИЗИРУЮТСЯ

Спустя два дня между четырьмя и пятью часами утра, когда солнце еще только готовилось подняться из-за леса и безоблачное небо на востоке разгоралось оранжевым светом, а на западе синий мрак отступал все дальше и дальше, Кирилл Инылькан с трудом открыл глаза, вздохнул и быстро сбросил ноги с нар. Его рука начала шарить около ботинок, и по тому, как долго она это делала, можно было понять, что глаза в поисках не участвовали. Кирилл сидя заснул.

Но вот он резко вздернул голову, взгляд его стал осмысленным и сердитым.

Он выскочил наружу и, поеживаясь от бодрящего ветерка, остудившего разогретое тело, стремглав помчался к озеру. Вернулся он уже бодрый, мокрые черные волосы были гладко зачесаны назад, широкая загорелая грудь раздувалась, как кузнечные мехи. Накинув на себя пальто, Инылькан вынул из рюкзака пачку книг и бумагу и отправился в соседний сарайчик работать.

Валентин, ощутив рядом пустоту, замычал во сне и раскинул руки. Какая-то мысль подсознательно беспокоила его, он заворочался. Затем неожиданно сел, не понимая, где он и что с ним. Постепенно глаза стали закрываться и совсем было закрылись, как вдруг до его сознания дошло, что Кирилла нет. Он издал неуверенное «хм», посмотрел на теплую подушку, на спящих товарищей, на раскрытый Кириллов рюкзак, посидел еще и медленно стал сползать с постели, прикладываясь головой к матрацу и надолго останавливаясь.

Выйдя на поляну, он постоял, обняв себя руками и согнувшись, потом вдруг подошел к ведру и разом опрокинул его на себя, всхлипнув от ледяной воды. Растеревшись полотенцем, взял свои русско-английские карточки и пошел ко второму сарайчику, где обменялся с Кириллом безмолвным «Рот Фронт!».

Бежали минуты за минутами, все выше поднималось солнце, на глазах совершая свое восхождение; из одного сарайчика несло все то же сонное дыхание, из другого — шелест бумаги, скрип пера да тихое Валькино бормотание.

В половине восьмого Кирилл с Валькой прекратили работу и принялись за хозяйственные дела. Ровно в девять простучали по мосткам быстрые шаги Глеба, и он, загорелый, мускулистый, в белой майке появился у ковра. Дежурный Ярыгин отрапортовал ему, и у него удивленно поднялись брови:

— Эт-то что такое? Службы не знаешь? Руки по швам! Подбородочек выше! Пятки вместе! Баба вяленая, а не спортсмен, простите за выражение...

— При чем тут баба? — возразил Женька, обидевшись за земляка.

— Ррразговоры! Ррразговорчики! Чтоб мне этого не было! — Глеб как на пружине повернулся к нему. — Стоять смирно!

— Слушаюсь!

— То-то же. Здравствуйте, товарищи самбисты!

— Здравия желаем!

— Не слышу! Еще разок!

— Здравия желаем!!! — гаркнули они так, что было слышно за километр.

— Слабо, слабенько. Ну ладно. Староста, приказываю вам в свободное время, сегодня же, заняться отработкой приветствия и рапортов. Вечером проверю. Приказ ясен?

— Так точно, ясен, — ответил Антон.

— Ну-ну, давайте, давайте...

После разминки приступили к разучиванию контрприемов от ударов. В этой игре с огнем быстрота решает все. И вот — хоть плачь! — у Кирилла и Валентина ничего не получалось.

— Э, слушайте, приятели, — обратился к ним Корженевич, — пока вы повернетесь, я пять раз успею изувечить каждого. Это вам не плавание, здесь эластичности и плавности не требуется. Здесь надо — раз! — и моментально отвечать... Ну-ка, бей меня прямым ударом, — обратился он к Кириллу. Тот ударил. Глеб без всякого труда отбил удар и поморщился. — Бей так, будто перед тобой смертельный враг.

Кирилл ударил изо всех сил. Глеб перехватил движущуюся руку и дернул Кирилла вперед, тот полетел по воздуху и распластался на животе. Глеб тут же наметил ногой ряд быстрых ударов ему в голову и корпус.

— Вот так, елы-палы, надо. Ясно? Действуйте!

— А ну, отбей у меня, — сказал Женька, взгляд которого зажегся хищным огнем. — Дай я попробую.

Глебу явно не хотелось рисковать, но отступать было неудобно, и он процедил:

— Давай!

Женька стал крадучись подходить к нему и вдруг неожиданно развернулся и резко ударил Корженевича — так показалось всем, но кулак его на какой-то сантиметр не достал Глеба, тот сделал мгновенный прыжок с поворотом, которого никто не успел разглядеть. Ноги бедного Женьки описали в воздухе огромную дугу, и испытатель плотно треснулся о ковер всей спиной. Глеб поставил ему ногу на грудь и сплюнул в сторону. Затем помог потрясенному ученику приподняться и назидательно хлопнул его пониже спины. Женька часто задышал, и Антон, подскочив к нему, обнял за талию и повел в сторону, успокоительно приговаривая: «Цэ, цэ, цэ, цэ, спокойно, дорогой, спокойно! Выдержка, выдержка!» Женька несколько раз рванулся, бешено вырываясь из рук Антона, но потом остановился и злобно сказал:

— Я не я буду, если не научусь так же!

До этого Женька, Антон и Сергей тренировались втроем, поочередно проводя удары и защиту, но теперь Сергей стал на четвереньки и, шутливо заохав, побежал по краю ковра:

— Ой, Женя, пощади, не убивай! Антон, спасайся!

Антон взглянул на Женьку:

— Знаешь что, остынь малость, успокойся, тогда продолжим.

— Брось ты! Давай работать!

— Остынь, остынь немного...

— Да что ты, трусишь, что ли? Здоровый детина, не бойся, не обижу!

— Никого я не боюсь, а тебя меньше всех! — грубо ответил Антон. —

Только вижу, что ты голову потерял! Понятно?

— Тихо, мальчики, тихо, — вмешался Кирилл. — Женька, давай со мной, — и увлек его за собой. Через минуту они оживленно обсуждали различные детали броска. Женька быстро утешился, так как Кирилл работал много хуже, чем он.

Закончив урок, Глеб прочитал очередную лекцию и сказал на прощание.

— Староста, прошу потренировать группу в приветствии и рапорте. Кроме того, выяснить причину совершенно неудовлетворительной работы Инылькана и Ярыгина и доложить мне. Сейчас — всем на ГТО!

Когда он ушел, Антон сказал:

— Граждане министры, «здравия желаем» тренировать не будем — тут все ясно. Есть вещи посложней. Первое: Кирилл и Валька борются в самом деле плохо, потому что каждый день недосыпают. Это надо будет прекратить. Второе: Женька совсем не владеет нервами. Мастер спорта перевернул его, так он раскипятился, как мамина дочка, и готов был дров наломать. Обсуждать это не будем, а пресекать будем. У кого какие мнения?

— Да что там обсуждать, пошли на ГТО, — Женька махнул рукой. — Погорячился я, конечно. Уж очень он о себе воображает.

— Ну, а я тут при чем? — спросил Антон.

— Да не буду я больше, чего тут обсуждать. Кирилл и Сергей, марш за мной на озеро! — И отправился тренировать своих подопечных. Антон и Валька начали работать со штангой. Валька помахал руками, взяв в каждую по пятикилограммовому блину, и на этом кончил тренировку.

— Это все?

— Хм, тебе хорошо, а я дежурный, за молоком надо идти, обед варить, то, се. В общем, некогда.

— Смотри, брат...

Валентин вернулся с фермы через сорок минут, поставил на огонь воду и улегся на траву.

— Валька, а штанга?

— Видишь, как тебе сказать, понимаешь, ну, в общем, я себя что-то

как-то не так чувствую...

Спать охота?

— Ну, спать и вообще...

— Ну, что с тобой сделаешь — не можешь, не тренируйся. Только вопрос о тебе придется ставить на общем собрании, без всяких...

— Хм, видишь, жизнь — такая штука, да... — сказал Ярыгин уже сквозь дремоту.

Антон только покачал головой. К этому времени он уже кончил тренировку. Кровь бешеными толчками билась в виски, спина, руки и ноги задеревенели, ладони горели. Он установил дыхание и легонько побежал, чтобы успокоить сердце.

Добежав до берега, Антон прыгнул в воду и поплыл на середину озера, забирая воду широкими гребками; там он лег на спину, закрыл глаза и забылся — задремал, укачиваемый легкой зыбью. Но какая-то мысль тревожила его, не давая отдохнуть. С Глебом связано? Нет. С Валькой? Нет, не то. С Женькой? Нет... Хотя — да! Где же пловцы? Он поплыл к берегу, у которого они тренировались, — там никого не было. Тогда, набрав воздуха в легкие, Антон закричал:

— Э-ге-ге! Пловцы! Водяные люди! Кирилл, Сергей, Женя, где вы? Эге-ге-ге!

Ответ пришел с двух разных сторон. Из лесу ему крикнул Сергей: «Плыви сюда!» — а издалека, от дальнего острова, по воде донеслось что-то вроде слабого рычания — Антон узнал Женькин голос. Антон вышел на берег и мокрый пошел лесом по-над водой на голоса Кирилла и Сергея. Парни лежали на залитой солнцем поляне совершенно нагие, загорали. Выстиранные майки и трусы сохли на кустах.

— Слушай, Антон, — обратился к нему Сергей, — рассуди: у нас языковедческий спор. Я говорю: «Намажь майку мылом», — а Кирилл меня высмеивает: мыло чистое, им-де нельзя намазать майку. А я говорю: здесь корень «мазь», и действие «наказать» идет от основного значения слова, а не от вторичного, когда намазать — значит выпачкать. Как ты полагаешь?

— Я полагаю, что вы должны сейчас заниматься плаванием, а не лингвистикой, вот как я полагаю! А где Женька?

— Что Женька? Женька нам сказал: побарахтайтесь тут у берега, ребята, все равно в этом толку нет, но и вреда особого не будет, а сам поплыл исследовать вон тот остров.

— Ну и дела! О чем вы только думаете! — Антон плюнул с досады. — Видно, вы и впрямь решили утонуть, если не на обратном пути, так в другом удобном случае! Стыд и срам, все условия оболтусам

предоставлены — учитеесь только, а они тут лежат кверху... и делают открытия в лингвистике! «Мазь — грязь!» — передразнил он.

— Горячо сказано, — одобрил Сергей, — и, главное, справедливо. Однако что мы будем делать без тренера? Ногами бить по воде уже надоело, глубже зайти — того и гляди, утонешь, тогда тебе придется отвечать в первую очередь...

В это время раздался треск сучьев, и на поляну выскочил Пильщик:

— Братцы! Малинника на том острове — до черта! Через неделку-другую ведрами ягоду будем носить! Я не я буду, если мы туда экспедицию не организуем!

— Малинника, говоришь, много? Да? А тебе, кажется, другое дело было поручено. Или я ошибаюсь? — ядовито спросил его Жгутов.

Восторженное выражение на Женькином лице сменилось недоумением, он силился вспомнить, какое ему дело поручили, да так и не вспомнил, глянул на Антона: нет, видимо, не шутит.

— А что?

— Их кто должен тренировать в плавании? Ты или ректор Александров? Так у него других забот хватает!

— А чего их тренировать, — неуверенно ответил Женька, — они и сами...

— А вот я хочу сказать о некоторых демагогах, — сказал Антон. — В комитете комсомола они кричали, что хотят туда, где трудности. На целину, на стройку, на Кубу! Им курорт не нужен. А как до дела дошло, так они от своих обязанностей быстренько утекают — цветочки-ягодки рассматривать...

— Ребята! За мной! — крикнул Женька. — Еще успеем потренироваться...

— Нет уж, теперь пожалте обедать, — возразил Антон, — а то и режим поломається, совсем хорошо. Пошли.

У сарайчика их ждал сюрприз. Валька встретил их непрерывным побряхтыванием и отозвал Антона в сторону:

— Видишь ли, как бы тебе сказать... Ну, в общем, черт побери, у меня одну буханку хлеба украли!

— Что-о? Буханку? Украли? Кто? Как? Тебе не приснилось? А ну, ребята, сюда! Валька буханку хлеба проспал!

Из сбивчивого Валькиного рассказа они поняли, что, когда Антон ушел, Ярыгин заснул по-настоящему. Воришка, очевидно, терпеливо дожидался этого момента, лежа в кустах. Очнулся Валька от скрипа немазаной двери столовой. Он поднял голову и увидел, как оттуда выскочил

пастушонок Володька. Под мышкой он зажимал буханку хлеба. Валентин, как ветер, понесся за похитителем и почти настиг его у мостков, но тот уже промчался дальше, нырнул в кусты, Валентин за ним и — о ужас! — чуть не налетел на Кирьку, который щипал среди зарослей траву, мирно помахивая хвостом. Володька откуда-то из-под быка закричал тонким азартным голосом: «Кирька! Чужой! Кирька! Задай ему!» Тут уж Ярыгин, ожидая ежесекундно, что очутится на рогах у чудовища, бросился назад и поднял за собой мостки. Вскоре он увидел, как по дороге прошли громадный бык и маленький пастушонок. Володька нагло отщипывал от буханки корку, ел сам и давал Кирьке, а бык плелся за ним, как собачонка.

Самбисты хохотали до слез, слушая трагический рассказ Валентина.

— Да, приятель, видно, придется тебе подавать в отставку из министров общественного порядка, — сказал Сергей, — и будешь ты у нас один рядовой на четырех министров. Вот тогда уж мы на тебе поездим! Каждый получит право заставлять тебя дежурить вместо себя, а кто же таким правом не воспользуется? Пропал, Валька!

— Ну, братцы, — Антон покачал головой, — забарахлила наша республика: одни стали плохо бороться, другие увивают от своих обязанностей, третьи не могут сохранить продовольствия... Так недалеко и до развала...

Никто не возразил ему.

ПИСЬМО. КАКАЯ ЩУКА! ВЫДАЮЩИЕСЯ ВОЛЕВЫЕ КАЧЕСТВА МИНИСТРА ОБОРОНЫ

Явившись на вечернее занятие, Глеб с удовлетворением выслушал дружное приветствие, эхо от которого пошло гулять над лесом и озером.

— О! Молодчики! Хвалю. Постарались, постарались. Вижу, да. Вот, значит, таким образом и будем приветствовать. — Он прошелся перед строем, хитро поглядывая на Антона. — Таким образом... таким образом... Да, староста отличился, выполнил мой приказ — натренировал приветствие. Ну что же, наградим его, а? Наградим, наградим!

Он вытащил из заднего кармана брюк голубой конверт, не торопясь разогнул его и прочел:

— «Ленинградская область, Приозерский район, спортлагерь, Жгу-то-ву Ан-то-ну». Видал?

Антон разобрал почерк, густо покраснел и быстро протянул руку, чтобы выдернуть письмо.

— Э, нет! — Глеб спрятал конверт за спину. — Дисциплины нарушать не будем, отвлекаться не будем. После занятий, дорогой, после занятий.

Что и говорить, урок показался Антону бесконечно долгим, а тут еще товарищи подталкивали его все время, подмигивая в сторону камня, на который Глеб положил письмо. Наконец — прошло два томительных часа — отборолись. Глеб взял конверт и, помахивая им, обошел строй.

— Завтра — воскресенье, — сказал он. — Занятий не будет. Значит, отдохнем, елы-палы. Но чтобы в двенадцать часов все как один явились на дорогу к большому валуну около водопада. Знаете? — Знаем.

— Будете сдавать марш-бросок на восемь километров. Чтобы мне пробежали на «отлично», не больше сорока пяти минут: орлы, богатыри, самбисты, понимать надо! Кирилл, ты их проконсультируй. Ну, попрощаемся как следует, — и торжественно-звонящим голосом прокричал: — До свидания, товарищи самбисты!

Ответ прозвучал не особенно дружно, вразнобой. Глеб скривился, пренебрежительно махнул рукой и направился прочь. Антон так и рванулся за ним.

— Держи! — Глеб обернулся и ловко кинул письмо.

Ребята пошли к озеру, а Антон нетерпеливо разорвал конверт и принялся не читать, нет, заглатывать письмо. Он читал до конца и снова возвращался к началу. Обычно такой сдержанный, он сейчас не следил за собой, возбужденно ерошил волосы и не чувствовал этого, смеялся и не замечал своего смеха...

Когда вернулись ребята, он стоял все на том же месте и перечитывал письмо в десятый, наверное, раз.

— Эх, завидую влюбленным! — произнес Сергей, проходя мимо Антона и задевая его как бы нечаянно плечом. — Добрых четверть часа стоит в одной позе — и хоть бы хны!

— Иди, не мешай, — Женька засмеялся. — Видишь, человек решил письмо наизусть выучить.

Антон вздохнул, медленно огляделся.

— Вы уже выкупались?! — изумился он.

Общий хохот был ему ответом.

— Слушайте вы, горлодеры, курортники, вот как живут люди работающие, трудовые. Садитесь! Вот: э-э-э... «милый» — нет «люб...», нет! Вот: «Встаем мы в шесть утра. Зарядка, завтрак, и в семь часов выступаем колонной, с песней идем четыре километра до плотины. Первое время проходили это расстояние за пятьдесят минут, а теперь не больше чем за тридцать пять — тридцать восемь. Наша бригада землекопов работает на засыпке тела плотины. Приходится и ломом землю долбить, и лопатой копать, и тачки возить, и пути из досок строить. В первый же день мы выполнили норму на сто двадцать пять процентов. Прораб изумился: такие, говорит, на вид слабые девочки, а работают крепче иных мужчин. Родн...» Э-э-э, нет: «...представь себе: солнце печет вовсю, ты катишь тачку, полную сырой глины, а на спину тебе садится овод, за ним другой, тачку бросить нельзя, хоть караул кричи! Завизжишь, кто-нибудь хлопнет тебя по спине, ты уж не сердись, не всегда это девушка».

— Надо простить, — Женька заржал. — Такие уж обстоятельства. Прощаем?

— Прощаем! — ответили все. — Читай, Антон, дальше.

— «А вчера носили камень на укладку нижнего бьефа...»

— Слова-то какие: «Носили камень на укладку нижнего бьефа», — со вздохом опять произнес Пильщиков. — Это тебе не задняя подножка или бросок через бедро. Тут тебе, брат, техника.

— «Представляешь, — продолжал читать Антон, — весь заготовленный до нас запас камня мы уложили в два часа. А где взять еще? Тогда мы начали доставать камень из реки. Мы становились в воду по

горло и ныряли, доставали валуны и тащили их к берегу. Как замерзнешь, идешь работать на носилки. Таким образом выполнили дневной план; правда, пришлось работать до семи вечера...»

— Вот, черт побери, это будет хозяйка: чего не хватает — со дна морского добудет, — сострил Валька.

— Вот как работать надо, — сказал Кирилл. — Весь день в холодной воде камни ворочают и не ноют, а еще хорошие письма пишут. Читай дальше.

— «Три раза в неделю по вечерам мы сдаем нормы ГТО, я уже сдала на вторую ступень полосу препятствий и плавание, в воскресенье бежим кросс. Кроме того, ходим в окрестные села с концертами самодеятельности и лекциями. Мил...» Нет, где же? — Антон забормотал, перебирая глазами строчки.

— Ну что, больше нет по делу? — спросил Женька. — Один щебет небось? Ну ладно, и так все ясно. Законная краля, ничего не скажешь. И работают они там здорово. Как надо работают.

— Вот я и думаю: а все ли у нас так к делу относятся? — начал Антон.

— Э, дорогой, дорогой, без политинформаций! Ты сегодня именинник, — Сергей обнял его. — Тебе сердиться нельзя, иди умойся, а то неудобно перед девушкой: она тебе такое письмо прислала, а ты грязный, потный, небритый. Иди, иди! На речке прочитай письмо еще три раза, обдумай, как перевоспитать нерадивого Женьку, а мы пока тут ужин сготовим. Иди, иди!

Утром все спали очень долго — отсыпались вволю за все время. Только дежурный Женька встал в шесть утра, сварил кашу, поел и отправился было с удочками на реку, но затем вернулся и оставил записку: «Министры! Каша готова. Я взял плотик и еду за рыбой. К двенадцати буду у валуна. Привет. Маршал Е. Пильщиков».

К полудню на перекрестке двух дорог около огромного валуна расположился шумный табор. Преподаватели сидели в сторонке, уточняя маршрут и очередность забегов. Корженевич подозвал Антона и спросил, все ли в порядке.

— Да, только еще нету Пильщикова.

— Как нету?!

— Он где-то неподалеку ловит рыбу, обещал прийти ровно в двенадцать.

— Вечно у вас не как у людей! — разозлился Глеб. — А если он вовремя не придет, для него одного все снова затевать? Вот народ так народ — никогда гладко не получается!

— Да, но есть нам что-то надо, — возразил Антон, — а денег на мясо нет, сам знаешь. Да вот и Женька! — Он обернулся на общий шум, сквозь который пробивался громкий торжествующий смех Пильщикова.

— А ну, что там? — Глеб поднял брови. — Посмотрим.

Они протиснулись сквозь толпу и чуть не опрокинули ведро с водой, полное рыбы. Но на ведро никто и не глядел: рядом на траве лежала огромная щука.

Глеб подцепил ее за жабры и поднял: тяжелая скользкая рыба была больше метра длиной. Глаза его зажглись алчным блеском. Женька перехватил его взгляд и, продолжая рассказ, тоже уцепил щуку за жабры и настойчиво потянул к себе:

— Да, поймал это я малька, и будто кто шепчет мне на ухо: не вынимай, не вынимай, здесь быстринка, такое место щуки любят, пусть потрепещется. И вдруг — раз!..

— Ну-ка, ну-ка! — Глеб тянул щуку к себе, но Женька уцепился за нее еще решительней, и положение Глеба стало явно неудобным, он отпустил рыбу и раздраженным голосом закричал: — Сказано было всем — к двенадцати, а ты почему отдельно? Дисциплины не знаешь?

Кругом затихли. Не в обычае Женьки было сдерживаться, но сейчас он вызывающе взвесил добычу в руке и улыбнулся, как улыбается взрослый человек капризам ребенка:

— Так ведь двенадцати еще нет, и девочки еще не бежали...

Глеб не ответил и отправился к Подвысоцкому:

— Василий Ефремович, пора бы и начинать, что мы тут, до обеда канителиться будем?..

Наконец побежали девушки — им предстояло преодолеть пять километров. Подвысоцкий поехал за ними на велосипеде до поворотного пункта. Самбисты начали понемногу разминаться, пловцы посмотрели на них и тоже поднялись. Минут через двадцать пять Василий Ефремович вернулся, приколот лист бумаги к фанере и приготовился записывать показатели. Глеб держал секундомер.

Вскоре группами стали прибывать девушки, оживленные, запыхавшиеся, и едва прибежала последняя, Глеб выстроил мужчин — пятерых самбистов и шестерых пловцов, — скомандовал: «Внимание. Марш!» И они побежали. Подвысоцкий опять поехал на велосипеде. Вперед сразу вырвался Кирилл и легким ровным шагом помчался вперед. Женька, тяжело топая, увязался за ним.

— Женька, не тянись за ним! Сорвешь дыхание! — закричали самбисты, но он, не слушая их, бежал, стараясь не отставать от Кирилла.

Скоро эти двое скрылись за поворотом. Валентин, Сергей и Антон бежали рядом первым километре быстро бежавшие пловцы их обогнали.

— Не осрамиться бы, — забеспокоился Сергей.

— Ничего, не осраимся, они так восемь километров не выдержат, а мы минут в сорок уложимся, — ответил Антон.

И самбисты продолжали бежать тесной стайкой. Маршрут был очень тяжелый, дорога шла с холма на холм, встречались крутые подъемы до трехсот метров длиной, но были и спуски. Весь третий километр шел непрерывный подъем, и самбисты, держась все так же кучно и сохраняя прежний ритм, нагнали одного за другим всех пловцов, из которых только двое еще бежали, а остальные шли. Эти двое примкнули к самбистам и стали настраиваться на их темп.

— Валя! Нажми! — кинул Сергей лидеру, и они, ускорив шаг, быстро взбежали на вершину холма, оставив измотавшихся пловцов позади. Навстречу им к вершине уже бежал в обратный путь Кирилл, он улыбнулся, помахал рукой и помчался мимо все тем же легким широким шагом. Дыхания его не было даже слышно.

— Вот бежит! Сила! Как олень! — восхитились самбисты.

Почти добежав до поворотного пункта, они встретились с Женькой, который тоже бежал назад: он тяжело дышал широко раскрытым ртом, его голова моталась из стороны в сторону, ноги еле поднимались от земли.

— Женья! — крикнул ему Антон. — Иди шагом, мы догоним, тогда побежим вместе — легче будет.

Но Женька отмахнулся от него и пробежал мимо, только неукротимо сверкнули его глаза. На поворотном пункте их встретил Подвысоцкий:

— Молодцы, ребята! Двадцать одну минуту бежите.

— А Кирилл?

— Кирилл — пятнадцать минут, Женья — восемнадцать или девятнадцать. Далеко там мои орлы?

— Нет, рядом.

Самбисты повернули обратно, пробежали вдоль растянувшихся на полкилометра пловцов и постепенно стали приближаться к Женьке, хрипящее дыхание которого было слышно издали. Когда они поднялись на гребень холма и увидели его внизу, он уже едва бежал, черпая подгибающимися ногами песок. Услышав за собой шаги, оглянулся — до самбистов было метров двести. И откуда только силы взялись: он рванулся, как в начале кросса, и стал быстро уходить от них под гору, но даже издали доносилось его ужасное клопочущее дыхание со стоном и рычанием.

Мимо самбистов проехал Подвысоцкий. Они попросили его что-нибудь сделать с Женькой, чтобы тот хоть немного передохнул. Подвысоцкий быстро догнал его:

— Пильщиков, ну-ка, шагом!

Женька даже не повернул к нему мучительно искаженного лица. Рот его был широко открыт, грудь была готова разорваться, он передвигался вперед неравномерными рывками.

Дорога пошла в гору, и самбисты снова начали настигать Женьку. И снова, услышав их шаги, он сделал отчаянное усилие, захрипел, застонал и, падая вперед, рванулся от них.

— Вот самолюбие дурацкое! — выругался Антон на бегу. — Идем, ребята, шагом, не то мы его в гроб загоним.

Переводя дыхание и вынужденно отдыхая, они пошли спорным спортивным шагом, сильно работая локтями.

— Мальчики, нас настигают! — тревожно сказал Сергей. И правда, совсем недалеко показались двое пловцов, они бежали рядом, нога в ногу, поняв, очевидно, что так легче. Увидев, что самбисты идут шагом, они надбавили скорость.

— Ну, нет, этот фокус не пройдет! — И самбисты, отдохнув, понеслись быстрее, чем прежде.

Женька бежал перед ними метрах в ста, верней — не бежал, а как будто падал, делал несколько неуверенных, заплетающихся шагов и опять падал.

— Черт возьми, вот это волевые качества! — с уважением пробормотал Подвысоцкий, оглядываясь на него. — Хоть на последнем издыхании, а к своей цели он придет...

Сергей, Антон и Валька бежали теперь быстро, ибо пловцы, как говорится, наступали им на пятки, и все же Пильщиков бежал впереди них. Всем существом он рвался к победе, и расстояние между ними не только не уменьшалось, но даже увеличивалось.

Впереди показался Кирилл — он закончил дистанцию и побежал навстречу друзьям. Молниеносно оценив ситуацию, он крикнул Женьке: «Беги за мной! Сразу легче станет!» — и повернул к финишу. Но тот прохрипел: «Уйди! Я сам...» — и Кирилл, покачав головой, отошел в сторону.

Вот наконец последняя прямая — метров триста. Девушки отдыхали на обочине. Услышав Женькино свистящее, стонущее дыхание, все встревоженно вскочили, глядя на дорогу. А Женька, уже никого не видя, кроме Глеба, стоящего с секундомером, побежал еще быстрее и пробежал

мимо преподавателей на непослушных, ватных ногах, запрокинув голову к небу. Он упал бы сразу за чертой, если бы его не подхватило множество рук. Он продолжал все так же хрипеть, тело его обвисло, и его быстро повели под руки, чтобы не случилось гибельной остановки.

Кинувшись за ним, Подвысоцкий только и сказал Глебу:

— Ну, брат, еще бы тебе с такими ребятами не работать!

Глеб записал время Пильщикова: сорок минут ровно. Остальные самбисты прибежали спустя тридцать секунд.

3

РЕСПУБЛИКА ПЕРЕД ЛИЦОМ ТЯЖЕЛОГО КРИЗИСА ИСТОРИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ МИНИСТР ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ ЗАДУМЫВАЕТСЯ

Часов в семь вечера Женька хватился: — Братцы! А ведь плотик-то мой стоит на приколе там, в заводи, недалеко от валуна. Как же быть-то? Валька, — задумчиво сказал он, — не в службу, а в дружбу: что-то я неважно себя чувствую, сходи пригони плот.

Валька, ничего не отвечая, сидел, помешивая в кастрюле уху, которую они разогревали на ужин.

— Валька?..

— Хм, я, собственно говоря, считаю так: кто угнал, тот и пригнать должен. И так мы за тебя всю рыбу перечистили, обед сварили и воду носили... А ведь все бегали столько же, сколько и ты.

Женька от неожиданности аж поперхнулся.

— Такой ты друг, да?! — Он даже побагровел от гнева. — Ну спасибо, земляк! Век не забуду! Теперь буду знать, с кем имею дело! Спасибо, друг милый! Я его по-человечески прошу, говорю: «Валька, я устал как собака, пригони плот», — а он мне: «Сам сходи». Ну ладно, умирать буду — не забуду! Ты, оказывается, друг в кино вместе ходить, девочек развлекать, а как до дела дойдет — тебя нету. Ладно, Валька, ладно, друг закадычный, припомню тебе, все припомню!

— А чего ты разошелся, черт побери! Я правду сказал: раз дежурный — значит, выполняй свои обязанности, — ответил Валька, несколько оторопев от неожиданного натиска, но не сдавая позиций.

— Ладно, землячок, ладно... — не успокаивался Женька.

— Давай я схожу, — предложил Кирилл.

Антон, лежа слушавший эти препирательства, решительно сел:

— Тише! Ярыгин, сними уху с огня. Ужин откладывается. Что-то забарахлила наша республика. Все садитесь сюда, объявляю комсомольское собрание открытым.

— Правильно, — сказал Кирилл, — давно пора.

— Так. Первое. Вопрос о Вальке.

— А что, буханку хлеба вспоминать будете? Каждый мог проворонить! — подал тот реплику.

— Брось ты невинность изображать: дело в другом. Прежде всего: так, как ты ответил Женьке, мог ответить только самый последний эгоист. Всем стало противно. И это у тебя не случайно. Уж очень ты свои интересы соблюдаешь. Честно скажу, мне надоело выслушивать твои вечные, так сказать, шуточки при раздаче пищи: что тебе положили меньше творогу, дали меньше ухи, меньше сахару, что тебе никогда не попадается горбушка и так далее. Понятно? Дальше. У всех мыло и зубной порошок лежат вместе, а ты прячешь отдельно. Что это такое? Если бы мы придерживались твоей психологии, то ты тут бы с нами не жил: деньги твои лежат на дне озера. Так? Вот Кирилл, например, с тобой делится всем, а ты от него зубной порошок прячешь.

Валентин покраснел и опустил голову: если бы товарищи еще узнали, что в рюкзаке у него припрятана пачка рафинада, из которой он в одиночку подкармливается!

— Смотри, сквалыгой станешь, не человеком! У кого какие есть предложения?

— А что тут мудрить? — сказал Сергей. — Послать его сейчас за плотом, чтобы развить в нем чувство коллективизма, вот и все!

— Ну, довольно об этом! Подумай хорошенько. Перехожу к другому вопросу. Опять же тут замешан Валька, но кроме него — Кирилл...

Кирилл удивленно поднял голову.

— Я?

— Да, ты и Валька. Мы сюда зачем приехали? Нас для чего со стройки ГЭС сняли? Чтобы мы стали хорошими самбистами, плюс к тому — тренерами. Так?

— Ну, так, — сказал Кирилл. — Это я знаю. А что, я не стараюсь?

— Вообще Антон правду говорит, — вмешался Женька. — Я вчера с Кириллом боролся: никуда он не годится, какой-то вялый, медлительный, ничего не соображает.

— В том-то и дело, — продолжал Антон, — что Кирилл, что Валька — одно и то же в этом отношении. И причина совершенно ясна: оба недосыпают. Я тоже как-то решил спать пять-шесть часов в сутки. Ну и что? Почти перестал соображать, голова болела непрерывно, и кончилось все это дело кровью из носа. Ну, это лирическое отступление. А сейчас я предлагаю в порядке комсомольской дисциплины запретить Инылькану и Ярыгину недосыпать. Голосую.

— Нет, постой минутку, — негромко сказал Кирилл. — А как мне с учебником быть? Не сдам его в срок — значит, наши детишки будут еще год без букваря.

Наступила пауза. Слышен был треск хвороста в костре.

— Ну, а что ж поделаешь? — спросил Антон. — Осваивать курс самбо мы обязаны как следует: это поручение комитета. Свободных часов нет ни одного.

— Тогда мне придется уехать отсюда, — тихо сказал Кирилл. — Пойду в комитет, скажу: нельзя им еще год без букваря.

Смятенное молчание означало, что совершенно неожиданно республика оказалась перед тяжелой катастрофой. Лишиться общего любимца Кирилла с его ровным, спокойным характером, — это был почти крах. Но что же делать? Что делать? «Букварь» бросить нельзя, и не бросить его нельзя..

— Эх, была не была, скажу! — после явственных колебаний сказал Сергей. — Пейте мою кровь, а наградные можете класть в этот карман.

— Ну, что? — нетерпеливо спросил Женька. — Выкладывай!

— Во-первых, освободить Кирилла «от всех дежурств. Это время? Время. Второе: от рыбной ловли его тоже освободить, потому что у Женьки все равно лучше получается. Это тоже время. И пусть он будет у нас министром просвещения, а рыбные богатства передать маршалу Пильщикovu.

Кирилл покачал головой.

— Спасибо, но этого времени все же мало.

Антон, у которого было тошно на душе, ибо его прямолинейность чуть было не ввергла республику в тяжелый кризис, сказал бодрым голосом:

— И еще есть резервы: в шахматы вечером нам с тобой не играть — это ежедневно час. Я буду исполнять за тебя техническую работу, переписывать с черновиков или что там другое. Это еще час. Итого два. Дальше. Есть еще один резерв. — Голос его стал суровым. — Этот резерв даст еще полчаса в день.

Однако надо сначала разобрать Женькино поведение.

— Тю, кому это надо? — с неохотой сказал Женька. — И что у меня за поведение?

— Что за поведение? Дрянь, а не поведение. Горячишься без меры, как балованное дитя, — смотреть противно: человеку уже два десятка лет, а он еще не научился держать себя в руках. Вчера чуть на Глеба не полез, на меня кидался, сегодня на кроссе надурил, характер свой показывал, а сердце чуть не испортил. Вишь, герой какой выискался! Кто за то, чтобы

Женьке поставить на вид и объяснить, что он должен развивать в себе выдержку?

Поднялись четыре руки, Женька воздержался.

— А какая связь между Женькиным поведением и резервом времени для Кирилла, о многомудрый премьер? — спросил Сергей. — Объясни это мне, недостойному министру елок и палок.

— А такая: как Женька Сергея и Кирилла учит плавать?

— Чего учу? Как надо учу, — буркнул Женька в сторону.

— Есть предложение, — Сергей кротко поднял руку. — Женьку из учителей гнать и накостылять ему в наказание по шее, а учителем к нам давайте Вальку. Прошу голосовать.

— Кто «за»? — спросил Антон. — Разъясню, что если к этому делу подойти серьезно, я имею в виду тренировку, а не битье по шее, то вместо двух часов свободно все можно успеть сделать за полтора часа, а то и за час. Вот, Кирилл, еще ресурсы. Итак, голосую в редакции Смородинцева: кто за то, чтобы Женьку гнать из учителей и накостылять ему по шее за халтурное отношение к делу, а Валентина назначить учителем плавания?

За это предложение голосовали Кирилл, Антон и Сергей. Женька опять сказал: «Я воздерживаюсь», а Ярыгин покачал головой: «Я против».

— Итак, большинством голосов проходит предложение Сергея. Женька, подставляй шею.

— Чего не сделаешь в порядке комсомольской дисциплины! — вздохнул тот и склонил непокорную голову.

После окончания процедуры возмездия Антон сказал:

— У меня вопросов нет. Кто еще желает что-нибудь сказать?

— Слава богу, ура! — вскричал Сергей, сделав стойку и дрыгая в воздухе ногами. — Кириллу попало, Вальке попало, Женьке попало, а меня миновало!

— Слушайте, министры, а что мне надо исправлять? — несколько смущенно спросил Антон.

— К тебе не придерешься, — ответил Женька. — Вечно ты прав, просто как машина.

— Ну, нет, я не согласен, — сказал Кирилл. — В общем-то ты правильно держишься, но иногда мог бы держаться и не таким начальником.

— Я? Начальником? — возмутился Антон. — Отвергаю!

— Вот-вот-вот, критику никто не любит, — сказал Сергей.

— Факты!

— Пожалуйста! Как ты только что к Кириллу подступил: у нас задача,

дескать, самбо, бросай букварь — и все! Ты так убедительно говорил, что Кирилл чуть было не собрался уезжать. А другой выход ведь был? Был!

— А предложил его кто? Я! — передразнил Женька.

— А предложил его кто? Я! — громко повторил Сергей. — Рядовой товарищ. Это о чем говорит? Что и у нас, простых министров, мыслишки водятся. Мы тоже личности, и вы, руководство, не должны зазнаваться, должны с нами советоваться и понимать, что и вам можно нос утереть.

— Да где я зазнаюсь?

— Вот чудак! Просил лекарства — получил. А так, вроде бы особых претензий нет. Верно, Женька?

— Верно, верно, что об этом говорить... Давайте ужинать да ложиться. Хоть выспаться надо ради воскресенья.

— Ну, Кирилл, поухаживай за нами в последний разок, — сказал Сергей. — Пусть твой образ с черпаком в руках навеки врежется в нашу память, чтобы было чем утешаться в часы внеочередных дежурств.

Когда они поели, Женька попрощался со всеми и пошел спать. Ребятам показалось, что его храп раздался даже раньше, чем он дошел до нар. Кирилл помыл посуду и отправился со своими бумагами к озеру — там было светлее — ловить последние отблески уходящего дня. Трое остались у дымящегося костра; Антон сидел, обхватив колени, Валя и Сергей лежали, следя за игрой мерцающих углей. Тихий повлажневший воздух доносил со стороны художественной гимнастики музыку и смех — видимо, танцы там были в полном разгаре. Раздался какой-то неясный шум, и затем целая толпа отчетливо прокричала:

— Сам-бо! Сам-бо! Сам-бо!

Потом до них донесся взрыв хохота — кто-то, наверно, съязвил на их счет, и прерванное веселье возобновилось с новой силой.

Самбисты лежали у костра, не нарушая молчания. Валентин шевелил прутиком золу на краю огнища.

— Знаете что, ребята, — сказал Антон, — пошли пригоним плот, он ведь троих выдержит. А?

Ноги, задеревеневшие после кросса, сначала шли плохо, но самбисты двинулись обычным своим легким шагом, и скованность вскоре почти исчезла. Стеной стоял лес по обочинам, смутно белела убегающая вперед дорога.

— Откуда у тебя все это, Валька? — спросил Антон.

— Да вот, понимаешь, хм, сам не знаю...

— А ты задумайся, пора! Ты парень ведь музыкальный, откуда же в твоей жизни такая какофония? У тебя отец кто?

— Отец, да, хм, отец... Видишь, какое дело, он, сукин сын, нас бросил, а у меня еще две сестренки-школьницы.. "Ну и живем на зарплату матери и мою стипендию.

— Трудно?

— Трудно? — разволновался Валька. У него даже изменился голос. — Ты думаешь, я из любви к искусству на аккордеоне упражняюсь? Трофейный аккордеон-то, отец еще с войны привез. Я ведь хожу подрабатываю — на разных там школьных вечерах. Одно время даже в ресторане по вечерам играл, когда в стройконторе работал. Вот так и живем. Правда, лучше бы жили, если б я там продолжал работать или на завод перешел, да мать говорит: из кожи вылезу, а ты у меня высшее образование получишь. Докажу, говорит, ему, подлому, что и без него вы людьми станете.

— Ну и что, неужто она так и говорит: «Жадничайте, детки дорогие, зажимайте от товарищей что получше?» — сурово спросил Антон, почувствовав, что Валька, жалея себя, готов все себе простить и все оправдать.

— Сам все понимаю, а что делать? Вот приеду, устроюсь куда-нибудь по вечерам играть, надо будет сестрам платья купить. И если честно говорить, я не хотел сюда ехать: на стройке я бы стипендию сберег, купил бы себе брюки. А потом, понимаешь, сообразил: ведь это новая специальность, смогу подрабатывать, — и поехал.

Плотик они нашли в темноте по хлюпанью волн о доски, погрузились на него — шест был спрятан в кустах — и поплыли по неподвижному черному озеру. Антон отталкивался шестом, Валька подгребал обломкам доски, Сергей лежал посредине. Только плеск воды, раздвигаемой плотом, нарушал тишину. Неестественно огромная желтая луна поднималась над дальним лесом, и они плыли прямо на нее; плот скользил по светлой дорожке, оставляя сзади волнистые золотые струи. Озеро сделало крутой поворот, луна скрылась за мрачным гребенчатым лесом, стало непроглядно темно.

Озеро еще раз повернуло, опять показалась луна — маленькая, светлая и гораздо выше, чем раньше. Серебряная дорожка убегала от плота с такой же скоростью, с какой он двигался вперед.

— Какая красота! — сказал Антон. Он положил шест поперек плота и сел рядом с Сергеем. — Какая красота! Ван, посмотрите, что за звезда громадная, сияет будто дырка в темном занавесе, громадная, аж лохматая...

— Ну и что потом, Валька? — спросил он спустя несколько минут.

— Что потом?

— Кем ты будешь?

— Хм, кем буду... Ну, работать начну, зарабатывать...

— В общем, не к звездам, а к теплему местечку, так?

— Так звездами же сыт не будешь, — проиронизировал Сергей непонятно над кем: над Антоном или над Валькой.

— Хм, я, конечно, понимаю, только вот как это сделать — к звездам?

— А я тебя спрошу: ведь многие жили небогато, аккордеона, между прочим, не имели, а великими людьми стали. Возьми Мичурина, к примеру, Циолковского. Да самого большого возьми — Маркса! Не скисли.

— Так ведь у них гений был...

— Я думаю, не только в гении дело. А в том, что у них большая цель была, они все время стремились вперед. Ну, а если видеть цель только в дипломе да приличной зарплате...

— Внимание! — воскликнул Сергей. — Лилии!

Плот круто повернул и прошел мимо цветов.

Вскоре подплыли к своему месту купания, вытащили плот до половины на берег и молча отправились наверх.

Когда утром все уселись завтракать, Валька вылез из-за стола, пошел в спальный сарайчик и, вернувшись, положил на стол пачку рафинада. Никто ничего не сказал, будто ничего не произошло. Антон выдал каждому по три куска и спрятал оставшийся сахар на полку, где хранились продукты.

ДЖЕНТЛЬМЕНСТВО И ПРОЗАИЧЕСКИЕ РАСЧЕТЫ

«ЧТОБ ВСЕ ЛЮДИ БЫЛИ ЛЮДЬМИ!» — ГОВОРIT ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ПРАЗДНИК ЖИЗНИ — МОЛОДОСТИ ГОДЫ И ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ПРАЗДНИКА

В среду, когда самбисты возвращались с плавания, они увидели у своего дома несколько художественных гимнасток.

— Мальчики, как хорошо, что мы вас дождались: приглашаем вас на день рождения. Приходите, пожалуйста, послезавтра вечером: грандиозный бал, танцы, игры, фейерверк!

— А кто у вас родился-то?

— Лиза.

У Валентина вспыхнуло лицо. Ведь это ради нее он надевал на себя тесную бледно-голубую майку из шелка, которая оттеняла мускулатуру и эффектно подчеркивала бронзовый загар его кожи; в этой майке, взяв книгу, он задумчиво бродил, когда выдавалась свободная минута, по лесной дороге между Республикой Самбо и домом художественной гимнастики в надежде встретить Лизу. Он то закладывал руки за спину и ходил наморщив лоб — воплощением философских раздумий, — то потихоньку шел, держа книгу перед глазами, и от этого железными бугорками выделялись его бицепсы. По счастью, он стоял позади всех, и никто не увидел, как он покраснел.

— О чем речь? — ответил Женька за всех. — Будем как дважды два — четыре.

— Поглядите-ка, математические способности так и выпирают из Пильщикова, — не преминул съязвить Сергей, — он с ходу сделал великое открытие: дважды два — четыре. Молодец!

— Сам себя высек! — Женька расхохотался. — Для него это великое открытие.

— Ну, мальчики, дома разберетесь, кто из вас хуже, — перебили девушки. — Точно придете?

— Точно!

Перебравшись через протоку к себе, самбисты призадумались.

— Итак, товарищи, — сказал Антон, — во весь свой грозный рост встает проблема подарка. Ввиду важности события заседание совета министров объявляю открытым. У кого какие предложения?

— Сколько у нас денег? — спросил Кирилл.

Министры пересчитали деньги — это было нетрудно сделать, — оставалось семь пятирублевых бумажек.

— Так, — начал Антон, — на обратную дорогу — девять рублей бесспорных. Остается двадцать шесть. На молоко и творог за две недели — двадцать один рубль. Хлеба нам хватит еще на три дня, после этого останется жить двенадцать дней — по пятьдесят копеек ежедневно. Итого еще шесть рублей. Всего получается тридцать шесть рублей. Итого в наличии имеем дефицит в один рубль.

— Н-да, — протянул Женька, — не густо. Может быть, принесем им в дар связку рыбы?

— Вот еще! — возмутился Валентин. — Джентльмены! Красиво мы будем выглядеть? Такие подарки приносили друг другу ровно семьдесят пять тысяч лет тому назад человекоподобные обезьяны! Рыба в крайнем случае продукт обмена, но на подарок на именины!

— Братцы, а так ли уж необходимо нам ежедневно выпивать по литру молока? — спросил Антон после долгой паузы, во время которой все напрягали мысль в поисках решения. — Может быть, девятьсот граммов хватит? Это высвободит нам полтора рубля в конечном счете.

— Мало! Ведь рубль пойдет на покрытие дефицита, а что купишь на полтинник? — спросил Кирилл. — Может быть, нам незачем есть так много хлеба?

Покряхтывая, согласились урезать хлебный рацион. Это дало еще полтора рубля.

— Итак, товарищи министры, имеем два рубля, каковую гигантскую сумму ассигнуем на подарок. Голосуем!

Вверх поднялось пять рук.

— Единогласно. Следующий вопрос: где и как изыскивать подарок?

— Товарищи! — начал Сергей Смородинцев. — Кто из нас сможет лучше разобраться в таком тонком и сложном вопросе, я сказал бы даже — в таком ответственном дипломатическом вопросе, чем наш испытанный премьер и министр иностранных дел? Что может тут сделать, к примеру, какой-нибудь министр лесной промышленности или заведующий рыбными промыслами? Товарищи! Я призываю вас, ввиду особой ответственности,

командировать за подарком в Ряйселе нашего дорогого премьер-министра! Музыка — туш! Ура!

Назавтра, перед началом вечернего занятия, Антон, объяснив причину, попросил у Глеба разрешения взять велосипед и съездить в Ряйселе.

— Хм, елы-палы, как же я тебя отпущу в рабочее время? — спросил Глеб, покручивая тонкий ус. — Вас сюда прислали заниматься, а не девочкам подарочки, видишь ли, покупать.

— Глеб, ведь время для меня не пропадет. Семнадцать километров туда, семнадцать обратно, тридцать четыре километра на вело — это нагрузка.

— Так, так, — Глеб задумался. — Что же, ладно, запишем урок в журнале: «Велосипедный марш тридцать четыре километра». Что, правильно?

«Вот подлец!» — подумал Антон, но делать было нечего.

— Ладно! — сказал он нехотя. — Можно идти?

Он заскочил в сарайчик, взял пятирублевую бумажку, спрятал ее в кепку и побежал к мосткам.

Преодолев семнадцать километров гористой песчаной дороги, где сплошь и рядом приходилось слезать с велосипеда и бежать с ним в гору, Антон за несколько минут до закрытия ввалился в магазин. Посетители с любопытством уставились на могучего белокурого парня, загоревшего дочерна, одетого в белую ветхую майку и плохонькие штаны. Очень молодой, он оброс светлой бородкой, громадные запыленные ступни были босы. Примерно такое же впечатление произвел бы первобытный человек, появившись в музыкальном салоне.

Антон подошел к прилавку и стал внимательно разглядывать полки с товарами.

— Что для вас, молодой человек? — нарочито небрежно, скрывая интерес, спросила его молоденькая продавщица.

— Девочка, — начал Антон.

— Да, мальчик?..

— Девочка, пособите нашему горю. Нас пять парней, и надо подобрать подарок такой же симпатичной девушке, как вы.

— Да? Что же вы хотите подарить?

— А что бы вы, например, хотели себе в подарок?

Девушка рассмеялась.

— И где это такие хитрые живут? Мало ли что я хотела бы! Ну, швейную машину, радиолу, можно шерстяную кофточку на худой конец. А много у вас денег?

— Два рубля.

Все рассмеялись.

— Ну, мальчик, ко мне с такими подарками и не подступайтесь. Тоже мне — пять парней, говорите, и всего-то вас на два рубля хватило?

Антон только вздохнул.

— Да, плохи ваши дела, вытолкают вас всех пятерых прямо с порога. Вот будь вы побогаче, я бы показала кое-что...

Она прошла вдоль прилавка и сняла с полки нарядную красную с белым коробку. Внутри на белой атласной подушечке лежал красивый флакон. «Белая сирень», — прочитал Антон.

— Вы понюхайте только, — сказала девушка. — Вот это подарок так подарок! Любая барышня сразу на шею бросится.

— Бросится, говорите? — задумчиво переспросил Антон.

— Непременно! А впрочем, нюхайте не нюхайте, вам от этого легче не станет — четыре шестьдесят стоит!

— Девушки, — обратился Антон к стоявшим у прилавка подружкам продавщицы, которые с видимым удовольствием и интересом следили за развитием событий, — а вы что скажете: хороший это подарок?

— Самый лучший! — ответили ему.

Жгутов стоял, опустив лохматую голову.

— Молодой человек, быстрее выбирайте, мне магазин закрывать надо, — сказала продавщица.

— Эх, была не била! Девушка! Давайте «Белую сирень»!

— А деньги?

Антон вздохнул, снял кепку и вынул сложенную в узкую полоску пятирублевую бумажку, распрямил ее, разгладил ребром ладони на прилавке и отдал.

— Вот так так! Ну и расчетливый ныне молодой человек пошел! Имеет пять рублей, а норовит за два отделаться. Ай-яй-яй, нехорошо, нехорошо, — покачала головой продавщица, заворачивая коробку.

— Эх, милые, рассказал бы я вам...

Он с отчаяния купил на сдачу книжку-малютку и шелковую ленточку — для смеха, чтобы подарить новорожденной, попрощался и вышел на крыльцо, вконец расстроенный. Девушки за его спиной сразу застрекотали наперебой, обсуждая происшествие.

Хотя назад дорога чаще шла под гору, Антон ехал медленно. Сомнения и раскаяние жгли его душу.

Самбисты, ожидая Антона, сидели у костра. Радостными возгласами встретили они премьер-министра, вернувшегося из ответственной

зарубежной поездки. Жгутов с убитым видом подошел к ним и уселся на землю, вяло сделав приветственный жест.

— Что с тобой? Деньги украли?

Он помотал головой.

— Не тяни! В чем дело? Бабку какую-нибудь переехал по дороге? Велосипед сломал?

Молча развернул он пакет.

— Ух ты! — восхищенно протянул Женька. — Красотища!

— Я знал, кого рекомендовать для этой миссии, — сказал Сергей. — Постой, постой, — осекся он, — а сколько это стоит?

Антон горестно покачал головой.

— Сколько?

— Четыре шестьдесят, — выдохнул он. Воцарилась гробовая тишина.

Женька злобно крикнул и плюнул в костер.

— А как же ты нам так хорошо все рассчитал, объяснил да сам же навыворот и пустил? Вот полюбуйтеесь!

— Боже мой, чего ты кипятишься? — вкрадчиво сказал Сергей. — Проблема отнюдь не новая: взаимоотношения вождя и массы.

— Да бросьте вы, — вмешался Кирилл, — так еще лучше. Подарили бы пустяк, самим бы стыдно было. А теперь придется подналечь на рыбу и ягоды, не пропадем!

— Все ясно, околпачила его продавщица, ей надо план выполнять, она и сбыла этот флакон, — вставил Женька.

— Э, в общем редкостный подарок, — защитил Антона Валька. — Что мы, хуже всех? Я думаю, хм, так: извернемся. Надо будет обмен с пловцами наладить.

— Точно. Не расстраивайся, Антон, — сказал Кирилл. — Давай ешь и ложись.

Все пошли спать, только дежурный, Валентин, остался разогревать чай для Антона. Медленно, с неохотой поглощая кашу, Антон спросил его:

— Ну, Валька, что еще скажешь?

— Хм, черт побери, дело, знаешь ли, такое, что... В общем, я стал о тебе иначе думать.

— Интересно...

— Да я, видишь ли, считал, что ты страшно рассудочный парень, уж очень у тебя все правильно получается, а оказывается, и у тебя порывы бывают. Я, знаешь ли, просто обрадовался.

Антон не отвечал, он сидел обняв колени и смотрел на рдевшие угли.

— Ты что молчишь?

— Я это уже слышал, и не раз... машина, робот, рассудочный. Так вот, я хочу спросить: я что, выгадываю что-нибудь для себя? Карьеру делаю?

Валька задумался. Нет, тут, пожалуй, тепленьким местечком не пахнет. Что же — к звездам?..

— А наверно, так чертовски трудно жить, а? — ответил он вопросом.

— Как так?

— Ну... правильно, все как надо.

— А Кирилл, по-твоему, правильно живет?

— Кирилл? Да, я думаю.

— А может он иначе? Молчание.

— Наверно, нет, — подумав, ответил Валька.

— Значит, ему было бы трудно жить неправильно. Без большой цели.

Валька помолчал.

— Хм, здорово! Понимаю. А у тебя тоже есть большая цель?

— Есть.

— Какая?

Антон долго не отвечал.

— Чтобы все люди были людьми! — наконец с силой произнес он.

Такие, как Антон, раскрываются крайне редко, и Валька почувствовал необычность минуты, хотя и не совсем понял слова Антона. Он уважительно сказал:

— А я-то думал, почему ты с Балтийского завода на философский пошел, а не в кораблестроительный...

— Эй, вы! Ложитесь! — крикнули им.

Они пошли в сарайчик. Тихая ночь опустилась на лес, холм, неподвижное озеро. Все кругом уснуло...

Назавтра после вечерних занятий стали готовиться к празднику. Прежде всего нужно было побриться. Вообще-то склонность к бритью не входила в число добродетелей самбистов. Возможно, дело было в том, что из пятерых ни один не захватил с собой зеркала, и они (конечно, из врожденной деликатности) не решались беспокоить друг друга обременительной просьбой: побрей, дескать. Поэтому сейчас лезвия с треском продирали просеки в густых, первозданных зарослях. Обильно лилась кровь, раздавались горестные стоны, но чего не вытерпишь во имя красоты и культуры!

Через полчаса самбисты преобразились: каждый надел рубаху, заранее выстиранную для торжественного случая. По кругу пустили одеколон, и все по очереди щедро трясли флакон над головой до тех пор, пока лес на километр вокруг не наполнился удушливым запахом красной гвоздики.

Полностью приведя себя в цивилизованный вид, чистые и благообразные, самбисты уселись ужинать.

— Слушайте, министры, — сказал Антон. — У нас осталось крупы только на завтра. Днем больше, днем меньше — все равно. А сейчас надо идти надолго, тратить энергию. От нашего скудного творога толку не много. Я предлагаю — дополнительно сварить кашу и поесть хоть раз досыта.

Самбистов не нужно было уговаривать. Вмиг был разведен огонь, и через двадцать минут они уже уписывали без меры и ограничения горячую кашу.

— Ну, братцы, — сказал Сергей, отдуваясь и делая попытку вылезти из-за стола, — мой дух играет, и я готов на любые героические подвиги. Я готов даже оптимистически думать о будущем Пильщикова...

Но Женька на этот раз не ответил, он сидел блаженно развалившись и ковырял палочкой в зубах.

Подходя к дому художественных гимнасток, самбисты услышали шум, хохот, пение. Их появление было встречено громким тушем. От огромного костра навстречу им бросились девушки, окружили, завертели, затормошили, забросали упреками за опоздание. Ухватив под руки, их доставили к костру, прямо к нарядно одетой Лизе, которая сидела в окружении подруг. Антон потихоньку сунул пакет Валентину и вытолкнул его вперед.

— Девочки! Диво какое! — не смогла не съехидничать даже в этот высокаторжественный момент Лиза. — А самбисты ведь побрились! Эту жертву надо оценить по достоинству.

Валька похлопал глазами, но затем прочистил горло, подошел к имениннице:

— Э-э-э, представителю самого женственного вида спорта от... хм... представителей самого мужественного вида спорта, — и протянул ей пакет.

Лиза встала, чинно сделала книксен, держась пальцами за юбку, и взяла сверток из его рук. Подружки вмиг разорвали упаковку.

— «Белая сирень»! — вырвался общий вздох. Лиза открыла коробочку, и волшебным кристаллом ослепительно блеснул в свете играющего пламени флакон.

— Валечка! — взвизгнула Лиза. Подскочив к нему, обняла его и чмокнула в щеку.

Ярыгин так и остался стоять столбом, а Лиза опрометью бросилась в толпу смеющихся подруг. Он произнес извечное «хм», после чего по-прежнему пребывал в состоянии отрешенности. К самбистам подошла Мария.

— Ого! Ого-го! — сказал Сергей. — Вот это царица бала!

Стройная, нарядная, красивая, как тот редкий цветок, который однажды раскрывается в свой урочный час, она положила руки на мощные лохматые затылки Женьки и Кирилла и сказала, глядя в глаза Антону:

— Мальчики! Вы почему опоздали? Придется вам праздничный ужин есть одним, мы вас не дождались и поели раньше.

Самбисты оторопело переглянулись.

— Видишь ли, Машенька, — осторожно сказал Антон, — нам в некотором роде некуда будет класть ваш праздничный ужин. Мы, видишь ли, наелись.

— Бросьте вы тут разводить всякие церемонии, — отмахнулась Маша, — ужин ваш, вовсе не обременительный, нам известен. Да чтоб такие герои не смогли поужинать — никогда не поверю!

— Машенька...

— Марш без разговоров! Что мы тут, зря старались, готовили? Кисель земляничный на закуску.

— Ну, братцы, уж если земляничный кисель, тогда надо идти. — Возвращайтесь быстрее, мальчики! — крикнули им вслед девушки. — Нам без вас будет скучно.

Маша рассадила самбистов за столом и отвалила каждому по такой порции, что они жалобными голосами стали просить одну порцию на всех, чтобы не переводить продуктов понапрасну. Мария была неумолима. Тогда, перемигнувшись, самбисты пошли на хитрость.

— Ой, Маша! — закричал Сергей. — Что это у тебя на плите подгорает?

Девушка бросилась к плите, а самбисты, мигом перескочив через скамейки, метнулись в дверь — и были таковы. Один только Валентин, который все еще находился словно в столбняке, остался на месте, и на него обрушился весь гнев Маши.

— Раз так, то ты тут будешь сидеть до тех пор, пока не съешь все, — решила она, всерьез разозлившись.

С приходом самбистов начались танцы. Женя подскочил к Лизе, прицелкнул пятками и подхватил ее на вальс.

— Ах, мальчики, какие вы молодцы! — сказала Лиза. — Мы все так растроганы вашим подарком. Это ведь такая прелесть! Где вы сумели достать?

— Э, пустяки для нас, — ответил польщенный Женька. — Если надо для такой великолепной девушки, мы из-под земли достанем.

Женька был весел и доволен. Энергия так и клокотала в нем, он шутил, хохотал, не пропустил ни одного танца, и его глаза сверкали воодушевлением, отвагой и радостью.

Валентин, который наконец вырвался от Маши, был физически не в состоянии танцевать. Он грустно сидел в темноте, положив руку на футляр аккордеона, и смотрел на танцующих. Он столько мечтал о том, как пройдет этот вечер, а все получается не так, гораздо хуже. Ребята шутят, танцуют, играют в шарады, милая Лиза, красивая, остроумная, все время хохочет, она счастлива своей молодостью, общим вниманием к себе, а он, Валька, сидит тут один, в стороне от всех, пригвожденный к месту чуть ли не ведром земляничного киселя, насильственно влитым в него, и ему хочется плакать...

Тут и нашли его, молчаливого, нахохлившегося, Кирилл с Антоном.

— Валька, ты что? Обкормила тебя Маша, что ли?

Он не отвечал.

— Ну, в чем дело?

— Не троньте меня, ребята. Не весело, ну и не весело. Ничего не поделаешь.

— М-да... Слушай, Валя, сыграй что-нибудь потихоньку.

Валентин отказывался недолго. Он сел на футляр, подумал и заиграл «Полонез» Огинского. Играл он так мрачно, что все сразу затихли и повернулись к нему. Постепенно его обступили в полном молчании. Женька и Лиза подошли последними и стали позади всех. Исполнение «Полонеза» поразило девушку. Она примолкла, вытащила свою руку из Женькиной.

— Вот в чем дело, — тихо сказала она.

Ей припомнились случайные встречи с Валькой на дороге, когда он, заливаясь краской, твердо шагал мимо нее, выдерживая выражение философской сосредоточенности на конопатом лице. Вспомнила его восхищенный, сияющий взгляд, обращенный на нее, вспомнила, как он оторопел от ее сегодняшнего дурашливого поцелуя.

— Ну и Валька, до чего любит похоронные мелодии! — с хохотом произнес Женька. Лиза неприязненно посмотрела на него, а он уже громко кричал: — Валя! Дай мажорного! Душа веселья просит!

Валька глянул в его сторону и резко переменял мелодию, заиграв камаринскую и напевая: «Ах ты, сукин сын, камаринский мужик!» Затем поднялся со своего места, перешел на веранду, и начал подыгрывать девушке, которая сидела за пианино. Женька опять устремился к Лизе, которая согласилась с ним танцевать крайне неохотно. После танца Антон подозвал Женьку:

— Иди-ка на минутку!

Тот с явным нежеланием отошел от Лизы.

— Чего тебе?

— Отойдем. Слушай, что ты прилип к Лизе? Не видишь, как Валька по ней мучается?

«Прилип к Лизе!» Побледнев от гнева, Женька уже ничего не слышал. Кулаки его сжались, брови сошлись к переносью, и грудь тяжело задышала. Он грубо выругался, сплюнул под ноги, и это был весь его ответ. Круто повернувшись, он пошел назад. Одним прыжком Антон настиг его, схватил за ворот и бросил оземь. Рука молниеносно скользнула Женьке на горло. Но в сознание проник голос совести, и негромко и предупреждающе прозвучало одно только слово: «Комсорг!» Антон заставил себя резко разжать руки. Женька видел, чего стоила эта выдержка, и просто струхнул.

Антон, переводя прерывистое дыхание, сказал лишь: «Дурак!» — и, перешагнув через него, пошел к веранде, около которой по-прежнему танцевали и веселились. Женька поднялся, отряхнулся: «А ведь я, пожалуй, маху дал. Ну и Жгутов, просто бешеный!» — и поплелся к народу.

Сергей, увидав его, удивился.

— Ты чего такой кислый? Валька скис, так это понятно, по Лизе страдает, а ты с нею весь вечер — и тоже кислый. Нет, братцы, у физиков логику искать — пустое дело.

Только сейчас до Женьки дошел смысл слов Антона, и он крепко выругал себя. Он сразу же направился к Антону, но начался танец, к Антону подошла Маша и пригласила его. Женька вздохнул и пригласил первую попавшуюся девушку. Лиза сидела около заметно повеселевшего Вальки и о чем-то оживленно говорила с ним. Да у Женьки, правду сказать, совсем пропала охота ее приглашать.

— Антон, чем ты озабочен? — спросила Маша. — Тебе у нас не нравится? Почему ты хмурый?

— Да нет, у вас хорошо, весело.

— А в чем же дело?

— Зуб разболелся.

— А интересно, как зовут этот зуб?

Антон отмолчался. Мария пытливо глянула ему в лицо, вздохнула и тоже замолчала.

Праздник окончился в начале первого. Самбисты стали прощаться с девушками.

— Э, нет, так легко вы с нами не расстанетесь! — заявила Лиза. Она схватила аккордеон и надела ремень себе на плечо: — Я Валечке помогу донести. Айда с ними, девочки!

— Ну, тогда неси футляр, — сказал Валька, — а я буду играть.

Он заиграл «Подмосковные вечера», и оживленная ватага с песней двинулась к республике Самбо. Маша взяла Антона под руку и, задерживая шаг, отстала с ним. Прижавшись к его плечу, девушка шла все тише. Пение слышалось уже далеко впереди. Несколько раз закусив губу и наконец решившись, Мария с отчаянием и радостью сказала:

— Антон... Антон... — Остановилась и повернулась к нему: — Ты такой... такой сильный, хороший... Я хочу бывать с тобой, видеться... часто-часто... Антон! — Голос ее дрогнул ожиданием счастья. — Почему ты молчишь?

Антон чувствовал, как сильно, необычайно взволнована девушка, и у него защемило сердце, так он жалел ее и так не хотел причинить боль.

— Машенька, — тихо сказал он, — знаешь...

— Что? — еле слышно шепнула она, поднимая к нему лицо.

— Есть на свете одна девушка...

Он подумал, что луна зашла за облака, так потемнело и помертвело лицо Марии. Она судорожно вздохнула и пошла вперед. Он пошел за нею. Немного не доходя до мостков, у которых собралась поющая и гомонящая толпа, она спросила не оборачиваясь:

— Она хорошая?

— Я люблю ее.

— Как я ей завидую! Ты прости меня. Знаешь, мне сейчас несколько не стыдно, что я... тебе... Все равно я буду...

Антон сжал ей руку и быстро пошел наверх, догоняя самбистов. Заметив его, Женька отстал и подольстил, чтобы разом кончить ссору:

— А знатную красотку ты подхватил! Правильно, тащи удочку, если рыба клюет...

Антон гневно посмотрел на него и обошел стороной. Женька остался стоять как вкопанный, провожая его тяжелым недоуменным взглядом.

**ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
И ТОЛЬКО ТОТ ДОСТИГНЕТ ЕЕ
СИЯЮЩИХ ВЕРШИН...**

1

ПРОЦЕС С ПОЗНАНИЯ — ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (философическая поэма)

В пятницу вечером, когда самбисты ужинали, в дверях сараюшки неожиданно раздался сиплый голос:

— Приятно кушать честной компании!

Снаружи стоял посетитель, которого они никак не ждали: пастух Макар. Из-за его спины, остро поблескивая глазками, выглядывал Володька.

— Спасибо! Садитесь и вы с нами!

— Спасибо, хозяйева, да мы сыты. Кушайте, кушайте, нам не к спеху.

— Что, Володька, решил навестить своего друга Ярыгина? — спросил Антон.

Самбисты фыркнули. Валька вперил в пастушонка злой взгляд, но тот, чувствуя себя в полной безопасности, независимо шмыгнул носом.

— Ишь ты, у Володьки здесь друзья-приятели есть, а я и не знал.

— Хм, — промычал Ярыгин.

— Кушайте, кушайте, не беспокойтесь. Нам спешить некуда, мы подождем.

Они отошли и присели на траву. Самбисты в полминуты дочистили миски, выпили чай и высыпали из сарайчика.

— Что так скоро? — удивился пастух.

— А мы объявили декаду по экономии зубов, — ответил Сергей. — Стараемся поменьше есть, эмаль, так сказать, сохраняем.

— А, это дело известное, — усмехнулся пастух. — Один цыган тоже как-то совсем было приучил лошадь не есть, говорят, да вот на десятые сутки она с чего-то околела.

Все засмеялись.

— Я, конечно, извиняюсь. Дело такое: мне свою косу у вас нужно взять.

Ему вынесли косу и другие инструменты, взятые в день заселения республики.

— С чего ж это вы, братцы, так слабо? Не вернулись деньжата со дна морского? — продолжил он разговор.

— Что верно, то верно, — вздохнули самбисты. — Не вернулись.

— Вот и доярки мне говорят, что вы меньше молока стали брать. А дух все играет?

— На высоте, — кратко ответил Антон. — Скулить не собираемся, хоть продукты и кончились.

— Не так-то сами они и кончились, — грозно добавил Валентин.

Володька опять только шмыгнул носом.

— Энтузиасты, значит, — насмешливо одобрил пастух, — вроде лошади у того цыгана.

Антон хотел резко ответить, что, дескать, лучше жить так, чем по его подобию, но Макар, почуяв, как тот мигом ощетинился, миролюбиво сказал:

— Энтузиазм — дело, конечно, хорошее, только я так рассуждаю своей головой, что сытый желудок ему не помеха. Вы подзаработать не хотите?

— Как? — всполошились самбисты.

— Луга у нас тут золотые, а народу — сами видите... Косить некому, и стадо всей травы за лето не съест, досадно будет оставлять: самое лучшее для аппетита сено. Косим помаленьку, еще гектара полтора-два осталось скосить, а остальное скот сам съест. Пойдемте хоть завтра. А? И нашим девкам дело облегчите, а то света белого они не видят: то доят, то хлев чистят, то одно, то другое, а тут еще косить приходится. Ну как, хозяйева?

— Не можем, — Женька вздохнул, — у нас ведь занятия с девяти утра до семи вечера.

— А по воскресеньям тоже занимаетесь?

— По воскресеньям считается, что свободны, да вот уже два раза были заняты — нормы сдавали. Первое воскресенье будет свободное, отдохнуть хотелось бы.

— Во-во, и зубы пусть отдохнут, — поддакнул пастух.

— Макар... простите, не знаю отчества, — снова вступил в разговор Антон, пораздумав.

— Васильевич.

— А что платить будете, Макар Васильевич?

— Вот это другой разговор. Ты у них председателем ходишь? Сразу видать, деловой парень, — одобрил пастух. — Чем платить? Молоко, к примеру, вам бесплатно выдавать будем, творог. Целый рабочий день питать будем, что еще?

Самбисты оживились: колоссальное облегчение!

— Согласны, ребята? — пастух заметил поворот в их настроении. — И себе поможете, и девкам полегче будет. Хорошие, между прочим, у нас

девки! — он хитро подмигнул. Уходя, крикнул уже со спуска: — Я вас в воскресенье рано подниму, до света! Слыхали поговорку: «Коси, коса, пока роса»? Вот и мы так.

Когда укладывались спать, Сергей спросил у Антона:

— Помнишь, какой был этот Макар, когда мы его в первый раз увидели? Медведь медведем! А сейчас, смотри-ка, шутит, смотрит весело.

— Верно, — согласился Антон.

— Тайна сия велика есть, — глубокомысленно заключил Сергей, — надо разобраться...

Небо только-только начало разгораться на востоке, когда они отправились на дальние луга. Было очень свежо, приходилось плотней заворачиваться в куртки. К тому же обувь сразу намокла от росы, и самочувствие у невыспавшихся, полусонных самбистов было далеко не жизнерадостным: и на черта встали в такую рань? Единственный выходной, и то без отдыха... Но пастух быстро и молча шел впереди, делать было нечего. Через полчаса пришли к помещению для скота. Девушки на лугу кончали доить коров. Володька, который уже был здесь, щелкая огромным кнутом, собирал отдоенных коров. Черный гигант Кирька пасся на опушке. Увидав незнакомцев, он уставился на них и тяжело задышал, глаза его покраснели. Потом протяжно заревел и направился к самбистам.

— Ты куда, кобель колченогий, поперся? — закричал Володька своим тоненьким голоском и щелкнул бичом у быка под носом. Тот как будто опомнился, еще раз промычал и повернул обратно. У самбистов, надо сказать, полегчало на сердце.

— Ну вот, девки, привел вам подмогу, — сказал Макар. — Смотрите не обижайте молодых людей!

— Хоть бы нас кто обидел, — девушки засмеялись, — ждем не дождемся...

— Ну, мы пойдем! — крикнул пастух, прогоняя мимо них стадо. — Полина, раздай ребятам косы и бруски, все, как положено, и отведи, куда договорились. Помнишь?

Полина, крепкая, веселая девушка, ответила:

— Иди, иди, Макар Васильевич! Мы свое дело знаем.

Она отвела ребят в избу, налила им по кружке еще теплого молока и дала по здоровенному куску свежего хлеба.

— Кушайте, кушайте, работнички, скосите нам соточек по десять на брата, и то хорошо будет.

— Что? — возмутился Женька. — Да мы знаешь как косим? Сколько у

вас норма?

— Тридцать соток на косаря, а наши девки иной раз и больше дают.

— Мы больше сделаем! — решительно сказал Женька.

— Вот молодцы-то! — обрадовалась Полина.

А вы знаете, за какое место косу держат, а каким косят?

— А вот увидишь! — сказал Антон. — Пошли, ребята!

Они взяли косы и бруски и зашагали за Полиной, провожаемые шутками доярок. Край чистого голубого неба уже рдел вовсю, когда Полина привела их на большую, незнакомую им лесную поляну.

— И сколько тут гектаров?

— Около двух. Скосите, богатыри, половину, низко поклонимся, — ответила Полина, глянув на Женьку. — Отойдите-ка!

Она взяла косу, поширкала по ней бруском и сделала несколько широких взмахов. Сочная трава валилась ровными рядами. Девушка пошла вперед, делая ровные и сильные движения. Коса в ее руках летала как игрушечная.

«Эх, хороша девка, сама красота и здоровье!» — подумалось всем.

— А ну-ка, богатыри, начинайте, я посмотрю, как у вас пойдет, — сказала Полина, остановившись и заправляя волосы под косынку.

— Ладно, девочка, посмеялись и хватит, без тебя справимся, — сказал Антон. Он понимал, что Сергею и Кириллу, которым из-за уроков плавания приходилось косить не часто, позарез не хотелось срамиться перед насмешливым и симпатичным командиром в юбке. Он подошел к Полине, поднял ее на руки, отнес к лесу, бережно поставил на тропинку и тихонько подтолкнул ее.

— Иди, откуда пришла.

— И впрямь, до чего здоровущий! — Полина рассмеялась. — Чистый медведь. Ну, посмотрим, посмотрим, как косить будете, это вам не с девками воевать. Прощевайте, мальчики! Часиков в двенадцать приду за вами, обедать пойдем. А плохо будете работать — кушать не дадим! — Она опять звонко рассмеялась и ушла.

Самбисты остались одни на поляне. Деревья и кусты делили ее на три неравные части.

— Сделаем так, — сказал Антон. — Валя, возьми под начало Сергея. Вам эта часть. Кирилл, будешь у Пильщикова. Вам эта часть. Себе я беру дальний кусок. Согласны?

Возражений не последовало, только Женька буркнул что-то непонятное.

Было уже полпятого, когда они разошлись по участкам. Кирилл быстро

схватил Женькин темп, и вскоре с их стороны стал доноситься ритмичный хруст, шаг в шаг, взмах во взмах, трава ложилась у них ровными рядами. Пройдя ряд, они точили косы, докашивали огрехи на полосе Кирилла и начинали новый заход. У Сергея и Вальки сложилось иначе. Смородинцев к Валькиному ритму приспособиться никак не мог. Тогда они разошлись по разным концам участка и стали косить каждый по-своему. Антон работал один. Он находился в углу почти прямоугольного участка. «Метров шестьдесят на восемьдесят», — определил он на глаз.

«А что, если?.. — мелькнула было мысль. — Нет, тут за день не справиться. А впрочем... Попробуем! Нажмем!» Ему приходилось раньше жесткую осоку косить почти ежедневно: пышный их ковер после борьбы сильно приминался, наверх начинали вылезать сосновые ветки, нужно было косить осоку снова и снова. «Современный вариант танталовой бочки, — разъяснял Сергей, — или, говоря иначе, самое рациональное сочетание борцовского ковра и силосной ямы. Надо послать статью в «Сельскохозяйственную газету», чтобы председатели колхозов выписывали к себе самбистов. Прямой доход: выруют яму, накосят в нее травы да еще утрамбуют ее. Представляете заголовок: «Шире распространить ценный опыт новаторов сельско-спортивного хозяйства?»»

Антон снял куртку, поточил косу, сунул брусок за пояс и сделал первый взмах. Хорошо отбитая острая коса врезалась в сочную росистую траву. Он не торопясь начал косить, ведя заглавный ряд. Через несколько минут ему стало тепло, он разделся до трусов, утренняя свежесть приятно охладила кожу. Но одно дело косить полчаса, час, а другое — целый день. «Надо найти самые точные движения. Поехали!» — решил он.

Антон не мог косить просто так, как получится. Он начал анализировать свои движения, экспериментировать, уточнять, строить в мозгу схемы усилий и проверять напряжение мышц. Сначала отметил у себя излишнюю скованность и напрасную трату сил: он разгонял косу так, что ее приходилось к концу тормозить, хотя она могла кончать движение по инерции. Стал напрягаться меньше. Чутко улавливая мышечные сигналы, он заметил, что левая рука дармодествует за счет правой, и совершенно расслабил правую руку на полпути, заставляя левую работать как следует, а затем в конце движения за счет резкого сгибания в локте чисто срезать траву — так, чтобы край полоски получался ровным. Стал проступать четкий ритм. Так Антон прошел от одной опушки до другой. Поточив косу бруском, вернулся назад — начинать новый ряд. То, что он увидел, неприятно поразило его: первый ряд был скошен совсем нечисто, трава срезана на разной высоте, в некоторых местах коса даже прихватила землю,

а кое-где в оставшейся траве могла скрыться ступня. В чем дело? Почему коса ходит на разной высоте? Он опять начал косить медленно, вглядываясь. Ага! Нужно пятку косы вести над самой землей.

«Черт побери, такое простое дело — косить, — думал Антон, — и столько тонкостей... А казалось, помахивай себе косой: размахнись, рука, раззудись, плечо...»

Некоторое время спустя, ряду на четвертом или пятом, работать стало трудно, сердце учащенно колотилось, мышцы обмякли, коса отяжелела. «Понятно, разогревание кончилось, открывается второе дыхание», — решил Антон и усилил темп. Через несколько минут дышать стало легче, вернулись быстрота и сила движений. От избытка энергии Антон как-то иначе, чем раньше, повернулся и вдруг почти не ощутил сопротивления травы. Что такое? Почему так легко? Он пробовал так и этак — нет, не легче. Наконец понял: корпусом сильнее сработал, чем прежде. Взмахи стали мощнее, и он, захватывая на срез более широкий ряд, чем раньше, быстрее стал продвигаться вперед. Иногда он делал движение почти за счет одного корпуса, и тогда отдыхали руки, а порой захватывал поменьше травы, и тогда отдыхал корпус. Ряд за рядом ложилась скошенная трава. Возвращаясь к опушке, Антон каждый раз с удовольствием отмечал чистую работу.

Но вот больно начало ломить спину — дело ясное, работал в излишне наклонном положении. Пришлось снова менять все.

«Какой наглядный урок, целая философская поэма, — думал Антон. — Как сложно овладеть даже таким, относительно простым делом. Сколько открытий — и конца им не видно, за одним горизонтом уже виден другой, а там — новые. А что же в более сложных профессиях? А в неизмеримо более сложных? Нет края совершенствованию... Чтобы азы узнать, сколько надо работать, а за азами ведь только чтение по слогам, и когда еще сможешь сказать свое новое слово...»

Не зазнаваться, не зазнаваться, вжик-вжик, вжик-вжик, надо работать, надо работать... И со звоном ложились все новые ряды зеленой травы.

Прошло уже часа два или больше, солнышко, пока еще не жгучее, ласкало загорелое тело, но трава начала подсыхать, и чаще приходилось точить косу. Антон продолжал косить, взмахи его стали автоматическими, в точности похожими один на другой — сильными и широкими.

— Молодец, председатель! — услышал он голос Макара. — Пришел посмотреть, как вы тут справляетесь. Неплохо у тебя получается. А впрочем, — он оглядел могучего, почти обнаженного атлета, — еще бы да не вышло. Дай-ка мне косу. — Он попробовал лезвие пальцем, молча взял

брусок, направил косу и принялся косить.

Вот это была работа! Антон не мог скрыть своего восхищения. Почти не применяя силы, Макар делал косой огромные захваты в полтора раза шире Антоновых. Антон только теперь понял, что значит чисто косить: трава была срезана у самой что ни на есть земли. Макар шел как будто не торопясь, и, когда дошел до противоположной опушки, скошенный им широченный ряд выделялся среди других, как могучий бык Кирька в стаде коров.

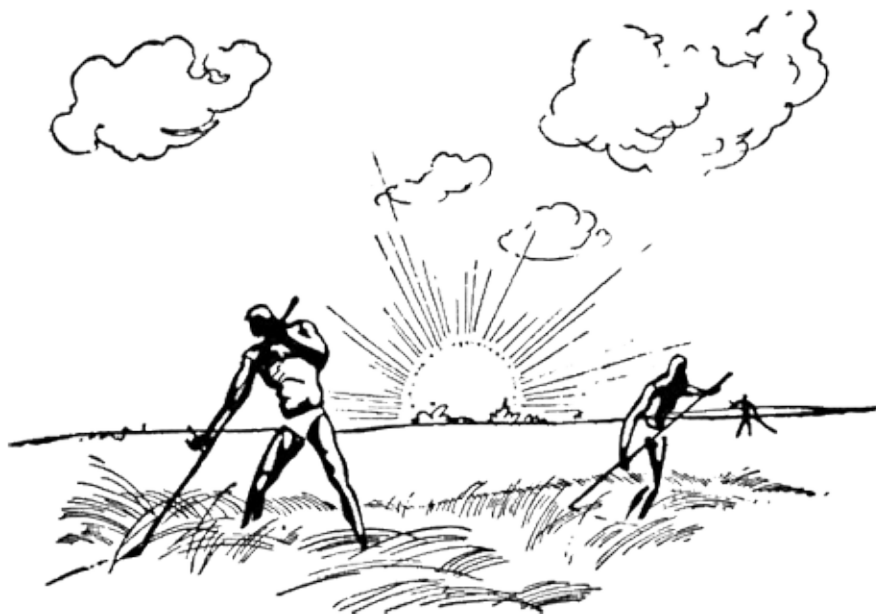
«Что значит практика! — думал Антон. — Ведь наверняка Макар никогда не анализировал, что он делает левой рукой, когда правая начинает замах, а поди ж ты, насколько лучше косит, чем я! А мне практику пока заменяет теория. А великое дело все же, когда такой практик покажет, как нужно работать».

Глядя на Макара, он начал повторять его движения.

Отдавая косу, Макар сказал:

— Ну вот. Так, значит, и работай, — и пошел к другим ребятам.

Антон жадно схватился за косу и пошел вперед. Ярче всего стиль Макара отличал от стиля, найденного Антоном, — очень далекий замах правой руки назад одновременно с сильным закручиванием корпуса. Сначала медленно, а затем все быстрее, Антон пошел, как Макар. Впрочем, у пастуха он заметил ошибку — слабое участие левой руки. «Смотри-ка, не все, значит, плохо, что голова придумает».

Ряды стали получаться еще более широкими, чем у Макара. В ушах

стоял только хруст скашиваемой травы. Антон не слышал жаворонка, вьющегося над ним, не видел ни голубого неба с белыми облаками, ни шелестящего, напоенного солнцем леса — он работал. Солнце уже не ласкало, а жгло, яростно жужжали налетевшие откуда-то оводы, пот заливал глаза, но Антон в такт движениям громко запел какую-то песню и сам не услышал, что пел: упоение, больше того — жгучее наслаждение несла работа. Его тело ликовало, и ряд за рядом валилась трава под звенящую косу.

Самбисты, устроив перерыв, лежали под кустом и наблюдали за ним.

— Красиво, черт, косит! — сказал Валька. — Пожалуй, столько накопил, сколько мы с Сергеем вместе.

— Поет, как язычник, даже слов не разобрать. — Женька пренебрежительно махнул рукой.

— Эй, Антон, отдохни! — закричал Сергей. — Работа не волк, в лес... — но закончить присказку ему что-то не захотелось.

Антон то ли не расслышал, то ли не захотел отвечать, он продолжал косить.

— Да, хм, — с сожалением произнес Валька и медленно начал подниматься. Кирилл, не говоря ни слова, вскочил и отправился к своему месту. За ним потянулись и Сергей с Женькой.

В начале двенадцатого пришла Полина.

— Эге-гей! Не умерли еще с устатку? — закричала она. Обходя участки, искренне удивилась: — Ай да молодцы, ай да работнички! И с чего это вы в городе живете, переселялись бы к нам, сразу бы колхоз в передовые вывели. Мы бы вам самых красивых девчат подобрали, дома бы выстроили — живите да радуйтесь!

— Не поеду, если не выделите корову! — заявил Сергей.

— Ради бога, еще и с телочкой, только приезжай.

— Вот то-то, а утром грозились обедом не накормить.

Дойдя до Антонова участка, Полина остановилась и спросила:

— Сам, что ли, косил?

— Нет, с матерью божьей.

— Я и то думаю, что сам бы столько не скосил. Ведь, почитай, уже норму выполнил. Ну, здоров, медведь!

Выспросив у нее, где ближе пройти к озеру, косари отправились мыться. Они с разбегу бросились в воду, которая вначале показалась им, раскаленным на солнце, чуть не ледяной, но вскоре уже не хотелось вылезать. Сергей, проделав у берега свои излюбленные упражнения по взбаламучиванию тины, зашел по грудь и плавал вдоль берега,

останавливаясь по временам для отдыха. Кирилл держался иной тактики: он отплывал метров пятнадцать вглубь, а потом спешно возвращался назад. Антон и Женя столкнулись в воде, отчужденно посмотрели друг на друга и поплыли в разные стороны.

Купание освежило косарей и влило в них бодрость. С пением и молодецким посвистом вернулись они на стан. Их посадили за дубовый стол. Налили по огромной железной миске супа, в котором плавало — шутка сказать — мясо, они забыли даже его запах! На второе дали по полной же миске перловой каши, а на третье — молока сколько хочешь! Девушки наперебой ухаживали за ними, самбисты чувствовали себя героями. Наевшись до отвала, они с трудом вылезли из-за стола. Полина отвела их на сеновал.

— Отдыхайте часов до трех, пока самая жара спадет, а там опять погоню на работу.

Она ушла. Самбисты упали кто где стоял ни мягкое душистое сено и заснули мертвым сном. Пришедшая через три часа Полина увидела молодцов в том виде, в каком их сразил сон, они лежали как убитые наповал, раскидав в стороны руки и ноги.

— Мальчики! — негромко позвала она.

Как всегда, Кирилл со своим тихим «а» первый открыл глаза и сразу же сел. Остальные со второго окрика начали кряхтеть, шевелиться, потягиваться. Напившись молока, снова пошли на работу. Когда пришли на место, луг уже не казался необъятно широким. Скошено было больше половины травы.

— Послушайте, ребята, — сказал Антон. — Я тут разложил косьбу на составные элементы, ну, рассчитал как будто бросок, с точки зрения биомеханики. Давайте покажу? Может быть, меня поправят, каждый ведь думал.

— Для чего это нужно? И так эти контрольные разборы в самбо надоели! — вскипел Женька. — Как я косил, так и буду, а то еще заставят рассчитывать наиболее рациональные движения по очистке носа!

— Нет, в этой операции тебе помогут многовековые навыки, — вежливо возразил Сергей.

Женька бросил на него испепеляющий взгляд, но возразить не успел, так как Кирилл сказал:

— Не хочешь — не надо, а я, например, хочу.

— От работы только отлыниваете! — буркнул Женька и ушел на свой участок.

— Что между вами произошло? — спросил Валька.

— Характерами не сошлись, — ответил Антон. — Ну, значит, я думаю следующим образом... — и показал свою схему.

— Хм, ничего не возразишь, — сказал Валька, — все логично. Дай-ка я попробую.

Все стали в деталях уточнять движения.

— Ну как, установили связь между сенокосом и диалектикой? — насмешливо крикнул Женька. — А то ведь работа стоит!

Косари разошлись по участкам.

— Чего смеешься? — спросил Кирилл. — Хочешь, я тебя обгоню?

— Ты? Меня? Ха-ха-ха-ха! — деланно засмеялся Женька. — Пролетала тут одна синица, хвалилась море поджечь...

— Ты коси здесь, а я буду с того края. Потом посчитаем!

Женька с яростью обрушился на работу. Взмахи его следовали один за другим с лихорадочной быстротой, и в каждый он вкладывал всю свою силу.

— Меня? Обогнать? Шутишь, браток! Не родился еще такой человек... — свирепо шептал он.

А Кирилл начал косить не торопясь, пользуясь биомеханической схемой. Он тщательно следил за расслаблением мышц и все время старался помнить о левой руке, чтобы она вхолостую не гуляла за счет правой. Когда Женька, обливаясь потом, кончал четвертый ряд, он только начинал свой третий. Правда, его ряды были гораздо шире. А Женька, охваченный пылом соревнования, все рвал и рвал, останавливаясь только для того, чтобы смахнуть со лба пот и лихорадочно поширкать по косе бруском.

— Я вам покажу, как косит Евгений Пильщиков! Ишь чего захотели! Меня обогнать! Философы! Теоретики!

А Валентин и Сергей, наоборот, после обеда нашли общий темп и делали столь схожие движения, что казалось, будто работает синхронный механизм, а не живые люди. Антон первый час втягивался в работу, стараясь в каждое движение вкладывать не меньше, но и не больше силы, чем нужно. Наконец нашел прежний темп, и упоение от работы снова охватило его. Он запел в такт движениям, но на этот раз слышал себя, и пение давало ему необходимый ритм. Трава ложилась теперь рядами, которые были гораздо шире, чем в начале дня.

— Поет! Теоретик от сохи, — буркнул Женька.

Он уже устал, движения его замедлились, и нет-нет он ревниво поглядывал на Кирилла, который неторопливо догонял его. Взглянув на него, он опять бросался косить с удвоенной энергией, но раз от разу все быстрее затухал.

В работе потекли часы, для кого быстрее, для кого медленней. Солнце между тем уже завершало свой дневной путь и повисло над самыми верхушками леса. Тени косарей растянулись через весь луг. Повеяло прохладой. Со стана отчетливо доносилось мычание коров. Каждый с нетерпением ждал появления Полины. Наконец, когда солнце уже спряталось за деревьями, она пришла.

— Ай да мальчики! Ну и работнички! — услышали самбисты. — Бросайте работу, шабаш!

Но они продолжали косить, делая вид, что не слышали ее. Оставалось докосить сущие пустяки, и тогда весь громадный луг будет взят с боем! Полина пошла вдоль участков, вымахивая деревянным углом сажени и шепча: «Один, два, три...» Последние взмахи! И позади выкошенный ровный луг с уже высохшими поблекшими валками сена на дальнем конце и свежими рядами травы на этой опушке.

Самбисты медленно сошлись к тропинке, присели в ожидании Полины.

— Ну, работнички, заслужили вы не только обед, но и хороший ужин! Пойдемте!

— Сколько?

— Вот этот участок — шестьдесят соток (там работали Сергей и Валя), этот — шестьдесят пять (она показала участок Кирилла и Жени), а вот этот, где ваш Медведь Иванович косил, — пятьдесят две сотки!

Обессиленные, еле двигая ногами, но веселые и оживленные пришли они на стан.

— Тише вы! — шикнула Полина. — Девушки уже спят! — Она в темноте подвела их к столу.

— А чего вы так рано ложитесь? — громким шепотом спросил Женька. — Посидели бы при свете, поразвлекались бы.

— А у нас ни света нет, ни развлекателей, да и вставать приходится чуть заря, вот и ложимся ранехонько. Девушки наши, наверно, уже третий сон видят.

Девушки за занавеской завозились, засмеялись, зашептались.

— Смотри-ка, во сне бредят, а главное — все до одной! — с ужасом сказал Сергей.

— Ну ладно, ладно, расшумелись там, кавалеров почуяли! — прикрикнула Полина. — Спать живо!

Она положила в миски чего-то ароматного, забытого, как воспоминания нежного детства. Самбисты попробовали: «Братцы! Ведь это картошка! Ура!» Быстро были очищены миски.

— Поленька! Еще по одной!

— Варвары! Вы моих девчат без еды оставите! Девушки между тем, одевшись, подошли и чинно сели за стол напротив самбистов.

— Скажите, девушки, подружке вашей...

— Отдай им, Полина, что с такими настырными сделаешь!

Самбисты поели и еще больше развеселились.

— Садитесь с нами, девушки, будем песни петь! Эх, сюда бы Валькин аккордеон!

— Что вы, сумасшедшие! На ночь-то глядя...

— Ладно, сегодня не хотите, завтра специально с музыкой придем, тогда никуда не денетесь.

Антон подсел к Полине, обнял ее за плечи и вкрадчиво спросил:

— Поленька, а много у вас картошки?

Полина рассмеялась.

— Я-то думала, он мной интересуется, а он про картошку.

— Нет, ты скажи: мы работали?

— Ну, работали.

— Заработали?

— Так ведь уговорились — будете до конца бесплатно получать по пять литров молока и полкило творогу каждый день.

— Поленька! — Антон вложил в голос всю силу убеждения и еще нежней обнял девушку. — Бог с ним, с молоком. Мы за него деньги платить будем. Вы нам картошечки дайте!

Сергей подсел с другого бока к Полине, тоже обнял ее и сказал проникновенно:

— Душа картошки требует, Поля! Душа — понимаешь такое слово?

— Что вы со мной, разбойники, делаете? Ну разве я могу устоять? Грех ведь на себя возьму: обещала продать вашему начальнику, как же я теперь?

— Поля! Подвысоцкий один, а нас пятеро! Подвысоцкий на вас не работал, а мы работали. Поля! где же справедливость?

— Ну как, девчата? Что с ними сделаешь?

Женька, Кирилл и Валька обошли стол и подсели к девушкам.

— Милые, не погубите!

— Ох, Поля! Видно, уж такая судьба наша женская — мужчинам уступать. Отдай им эту картошку.

— Ну, ладно. Пропадай моя головушка! Берите — вон там мешок в углу.

— Ура! — закричали самбисты. — Да здравствует колхоз «Ярославец»

и его молочная ферма!

— Тише! Коров напугаете!

— И правда, ребята, пора идти, пока еще дойдем, и девушкам спать нужно. Счастливо, девушки! Приходите, к нам в гости, — сказал Антон.

Самбисты подхватили мешок с картошкой.

— Значит, Поленька, за молоко мы платим, а творожок-то бесплатно? — Антон задержал ее твердую маленькую ладонь в своих руках.

— Ишь ты, Медведь Иванович, не потерял головы от радости! Ну иди, иди, как-нибудь не обидим!

Через полчаса самбисты с тяжелой ношей, которую они передавали от переднего к заднему по ходу цепочки, подходили к своим владениям.

ИЗ ПИСЬМА АНТОНА ЖГУТОВА

«...Как видишь, мы тоже живем неплохо, хотя может быть, не так интересно, как вы. Что рассказать тебе еще?

Вот: хочешь — смейся, хочешь — плачь, но я здесь придумал стихи, да еще в таком размере, в каком никогда раньше не писал, просто они сложились сами собой, как будто я их знал когда-то, а сейчас лишь вспомнил. Слушай:

Из единиц слагаются десятки, А сумма десяти десятков — сотня. Слагаясь, сотни тысячу составят, И создается миллион из тысяч! Теперь тебе, конечно, ясно, отрок, Каких невиданных размеров башню Воздвигнешь, если будешь непрестанно Кирпич за кирпичом вносить в постройку В течение всей жизни ежедневно. Вот тебе на прощание «кирпичные» строки.

Крепко-крепко тебя целую!»

ОПЯТЬ ПСИХОЛОГИЯ, БУДЬ ОНА НЕЛАДНА!

Понедельник как начался, так и пошел через пень колоду. Дежурный Женька проспал, и все проснулись без четверти девять, тут уж не до завтрака, успеть бы помыться. Во время занятий Корженевич сначала удивился, затем разозлился:

— Что вы, елы-палы, мухоморов объелись, что ли? Быстро встряхнитесь, иначе сегодня же устрою дополнительный урок! Самбисты кое-как подтянулись, но, когда началась борьба, они до того плохо боролись, что Глеб в сердцах плюнул и прекратил практические занятия. Кое-как отсидели они лекцию, но когда Корженевич раздраженно удалился, ни один не пошел на ГТО: ни Антон к штанге, ни Кирилл к беговой дорожке. Они лежали, и никто ничего не говорил. Сергей сказал наконец, ни к кому де обращаясь:

— Эхма, не завтракали, так хоть бы пообедать...

Женька, у которого болели руки и ноги, лежал, раскинувшись на траве, и молчал.

— А? Женька? — спросил Сергей.

— Отстань ты! — огрызнулся Женька.

— Что?!

— Что слышал!

Антон сел и посмотрел на него.

— Вот как? Ну, что ж, деточка мамина, нутряной демократ, как до дела, так в кусты? Ладно, я за тебя сготовлю. Отдыхай, наша радость, отдыхай.

Он встал и пошел к столовому сарайчику.

— Нехорошо, Женька, правда, нехорошо, — сказал Кирилл.

— Идите вы все, пристали! — крикнул Женька, вскочил, подбежал к удочкам, перебросил их через плечо, схватил банку с червями и бегом пустился к плотнику.

— Куда ты, чудак? — закричал ему вслед Кирилл. — Сейчас не клюет, к обеду не успеешь наловить!

Женька на бегу только отмахнулся.

— Нрав он показал, а дела не сделал. Придется так: кинем жребий, кому за молоком идти, а остальные начистят побольше картошки, — сказал Антон.

Жребий пал на Сергея. Он спел трагическим голосом: «О жалкий жребий мой!» — и поплелся с ведром в руках в дальнюю дорогу. Примерно на полпути он догнал Подвысоцкого. Василий Ефремович выругал самбистов за неявку на урок.

— Разленились небось за вчерашний выходной! Передай, чтоб этот прогул был последним!

— Передам, Василий Ефремович, обязательно передам! — заверил Смородинцев. — А вы куда идете?

— Да мне доярки обещали продать молодой картошки, а то все каша да макароны, макароны да каша, надоело, понимаешь.

Сергею вдруг стало как-то неудобно, но он бодрым голосом сказал:

— Да, вам можно только позавидовать, Василий Ефремович, подумать только: молодая картошка! — и, помолчав, добавил: — Вы меня извините, я пойду быстрее, меня ребята ждут.

— Иди, иди! И чтоб больше не прогуливать!

Сергей прибавил шагу и за ближайшим поворотом побежал изо всех сил, куда девалась вялость! Запыхавшись, он подлетел к Полине:

— Душечка! Милая! Отпусти-ка меня побыстрее, там сзади Подвысоцкий идет, мне почему-то не хочется с ним тут встречаться!

— Ах прохвост! — Полина рассмеялась. — Вот уж по пословице: чует кошка, чье мясо съела!

— Чует, Поленька, чует! Наливай быстрее, роднуша!

Он встретился с Подвысоцким у входа на ферму, вежливо с ним попрощался и опять понесся что было духу, но успел еще, однако, расслышать гневно загрепевший голос Василия Ефремовича. Домой он добрался, расплескав изрядную часть молока. В кастрюле уже варилась картошка. Женьки с рыбой не было. Его прождали до четырех, но голод не тетка, да и надежда на уху была уже потеряна, поели картошки с молоком. Женька прибрел без четверти пять с маленькой связкой рыбы, едва держась на ногах от усталости, и только успел выпить кружку молока, как явился Глеб.

Вечерний урок прошел немногим лучше утреннего. Глеб непрерывно ругался, раздражался и ушел за полчаса до срока.

— Где ж ты был? — спросил Кирилл Женьку. Пильщиков только рукой махнул.

— Пол-озера объездил, нигде не клюет.

— В общем, так, — сказал Кирилл после долгого молчания, нарушаемого лишь стуком ложек о миски, — надо опять комсомольское собрание. Такие отношения надо давить.

— Ну что ж, давай, — сказал Антон с неохотой, потому что приходилось говорить о Женьке, а тот все мог свести на личные счеты.

— Я долго говорить не буду, — Кирилл отставил миску. — Если пойдут ссоры и споры, тогда работать будет нельзя. А зачем мы сюда приехали? Надо спросить комсорга... — у Антона неприятно заныло сердце, — почему у них с Женькой начались такие плохие отношения. Как два волка живут. А теперь: Женька убежал ловить рыбу, когда она не клюет, а остальные должны были за него работать. Если ты нервная девочка, отпускаяй себе косы, тогда будем знать. Я предлагаю, чтобы завтра он дежурил снова.

Затем встал Женька.

— Я считаю, что Кирилл прав, но не во всем...

— Косы отпускать не нужно? — участливо догадался Сергей.

— Я, к примеру, обидел Антона, но потом подходил, вроде бы извинялся, а он корчит из себя персону великую...

— Во-первых, зачем сейчас грубишь? — спросил Кирилл. — Во-вторых, как это можно самому извинять себя?

— Так что ж мне, в доску перед ним расшибаться, что ли?

— Что же все-таки случилось? — спросил Валька. — И когда?

Женька глянул на него и замялся.

— Ничего особенного, — вмешался Антон. — В решении одной моральной проблемы разошлись. А в общем, конечно, Кирилл прав: надо это дело кончать.

— Ладно. Кто старое помянет, тому глаз вон, — подытожил Кирилл. — Айда спать. Смотри, Женька, завтра нас без еды не оставь.

— Ну, нет, теперь я в пять часов встану, не просплю!

— Спи спокойно, мне все равно в шесть вставать, я тебя разбужу.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ВАЛЕНТИНА ЯРЫГИНА

«Развивать принципиальность.

На ужин миска ухи и шесть картошин. Неплохо.

В субботу выдался с ней. Долго говорили об ускоренном экономическом развитии. Она утверждает, что развитие должно происходить гармонично: нельзя забывать о женщинах, которые хотят быть красивыми и нарядными. Обдумать.

Не знаю, кому больше удивляться: К. или А. Кирилл оторвал от своего живота клеща, а головку вытащить не смог. Антон сказал: беда, если энцефалитный, надо выжечь. Кирилл согласился. Антон на костре раскалил большой гвоздь и прижег им ранку. Кирилл все время молчал и зашипел, только когда залили дырку йодом. Мне стало плохо. Вывод: развивать силу воли.

Люди сложны. В решении какой моральной проблемы разошлись Женька с Антоном? Выяснить».

3

БОРЬБА С ИНФЛЯЦИЕЙ МЕТАМОРФОЗА ВНЕШНЕГО ВРАГА ЕСТЬ ВАЛЮТА! СТРАННОЕ И ТРЕВОЖНОЕ ИЗВЕСТИЕ

Урок начался, как обычно, в девять.

— Ну что, елы-палы, — спросил Глеб, — очнулись? Или опять, как вчера, будете? Я-то догадываюсь, картошки, видно, объелись. Мне Подвысоцкий жаловался, а я ему отвечаю: все правильно, пожинаете плоды своего либерализма, впредь с моими самбистами не зевайте, Василий Ефремович. Жить надо так: кто пострел, тот и съел. Верно я говорю?

— Так точно! — гаркнул Сергей и закаменел, уставившись немигающими глазами на Глеба. Корженевич лишь смерил Смородинцева прищуренным взглядом.

— Так точно, так точно, — процедил он, раздумывая о чем-то своем. — Ну ладно, ладненько. Берите тетрадки, запишем тему и учебные вопросы. Э-э-э, значит так: «Снятие часового» — записали? Дальше. Первое: «Снятие часового на посту при помощи оружия». Второе: «Снятие часового на посту без помощи оружия». Дальше — быстрее записывайте — третье: «Взятие языка из засады». Записали? Четвертое: «Приемы транспортировки пленного».

Занятие увлекло всех.

— Тут терпение нужно прямо звериное, — поучал Глеб. — Скажем, десять метров до часового, а ты ползешь полчаса или даже час, да так, чтобы ничего не хрустнуло, не треснуло. Попробуем.

Действительно, это было очень трудно, — прижимаясь к земле, ползти по-змеиному бесшумно, чтобы травинка не шелохнулась.

— Ну, теперь дальше. Прыжок должен быть рассчитан точно. Порепетируем...

Конечно, сначала получалось неважно.

— Ну ничего, ничего, отработаем, — утешил Корженевич перед уходом. — А что, елы-палы, если провести практическое занятие и «снять» кого-нибудь из пловцов? А? Подумайте... Я знаю, тут некоторые, хе-хе-хе, рады кого-нибудь из художественной гимнастики унести, но я не советую,

не советую, хе-хе-хе, деканат, комсомольское собрание, проработка, выговор в личное дело, хе-хе-хе-хе. А впрочем, как хотите, как хотите...

После его ухода Антон объявил экстренное заседание совета министров.

— Выношу на обсуждение кабинета следующий вопрос первоочередной важности: медицина в питании предусматривает жиры, а мы пренебрегаем ее установками. Я предлагаю изыскать в бюджете сумму, необходимую для покупки полкило масла. А чтобы заполнить брешь...

— Избежав при этом инфляции, — Сергей с серьезным видом кивнул головой.

— Я полностью согласен с министром внешней торговли, коллегой Смородинцевым, и также считаю, что выпуск новой партии бумажных денег нам сейчас ни к чему, — продолжал Антон. — Так вот, чтобы избежать финансового краха, придется расширить международную торговлю. То есть я имею в виду выменять на рыбу и ягоды у пловцов и художественной гимнастики хлеб. Если мы с этим согласимся, то вечером Кирилл и Женька отправятся на рыбную ловлю, а мы все по дороге к пловцам сейчас наберем ягод и сменяем их перед занятиями.

Министры согласились с этим проектом после двух запросов, направленных в адрес премьер-министра.

Министр обороны. Не считает ли уважаемый премьер...

Министр внешней торговли. Глубокоуважаемый.

Министр обороны. Глубокоуважаемый премьер, что кабинет, командировав меня на столь ответственную операцию...

Министр внешней торговли. От успешного проведения которой зависит, может быть, все дальнейшее наше благосостояние и будущее теоретической физики...

Министр обороны. Совершенно верно, я благодарю коллегу министра, возглавляющего наши махинации по обману доверчивых туземцев, за верную формулировку, найденную им, что кабинет мог бы меня сегодня освободить от приготовления обеда и мытья посуды.

Премьер-министр. Ваше заявление не лишено оснований. Вероятно, министр по делам искусств любезно согласится подменить вас на несколько часов.

Министр обороны. Я удовлетворен ответом.

Министр по делам искусств. Хм, вообще-то говоря...

Министр внешней торговли. Как, по мнению премьер-министра, отнесется к нам Подвысоцкий после того, как мы перехватили у него молодую картошку и пропустили несколько тренировок?

Премьер-министр. Я полагаю, что, преподнеся ему определенную толику ягод и, самое главное, продемонстрировав перед ним феноменальные успехи в плавании, достигнутые министрами просвещения и внешней торговли, мы размягчим сердце упомянутого общественного и политического деятеля.

Министр внешней торговли. Я удовлетворен ответом.

После заседания совета министры отправились на плавание, захватив с собой большую кастрюлю для ягод.

Валентин остался дежурить. Он почистил рыбу и поставил ее вариться, а сам улегся под деревом и принялся перебирать свои англо-русские карточки. Он совершенно ушел в это занятие, когда густой протяжный рев послышался где-то совсем неподалеку. В сознании Вальки молнией мелькнуло воспоминание о чем-то неприятном, связанном с этим ревом. Ах, да! Гигантский бык Кирька мычал здесь и тогда, когда Володька-пастушонок забрался к ним в столовую. «Валентин поднял голову: мираж, что ли? Он опять увидел, как Володька шмыгнул в приоткрытую дверь столовой! И, как в самый первый раз, подобно хищному тигру, подкрался Валентин, и, подобно кроткому олененку, забился у него в руках Володька. Но мгновение — и Володька перестал трепыхаться, выпрямился и с большим достоинством посмотрел на насильника. Озадаченный этим, Валька на секунду выпустил его из рук, но тут же опять схватил, однако Володька не делал никаких попыток к бегству.

— Опять? — спросил Ярыгин, переводя дыхание.

— Пусти! — Володька выдернул у него руку.

Пораженный наглостью грабителя, Валька отпустил его, и Володька стал одергивать на себе рубаху. Только тут Валентин обратил внимание на разительную перемену, происшедшую во внешности пастушонка. Он был пострижен и, видимо, помыт, ибо волосы его стали вдвое светлей. Вместо грязного ватника с отовсюду торчащими клочьями ваты на нем была почти новая чистая рубаха, заправленная в брюки без заплат.

— Ну, что скажешь?

Володька шмыгнул носом, но это был в данном случае звук, выражающий независимость.

— Ну? — грозно повторил Валька.

— А вон, принес, — Володька кивнул в угол. Ярыгин глянул туда и разинул рот: на столе лежал большой кусок сала и пучок зеленого лука.

— Ты где взял? — только и смог спросить Валька.

— А на ферму привезли, я у тети Поли попросил будто для себя, а сам погнал Кирьку, дай, думаю, вам занесу. А то где вам взять? Девки на ферме

говорят, что у вас денег не стало.

— Так... — протянул Валька. — Вот, значит, как.

— Ну, я пойду, прощайте, — сказал Володька. Валька все еще не мог ничего сообразить.

— Слушай, кто это тебя так нарядил?

— А что? — насторожился Володька.

— Да ничего, красиво стало.

— А, — успокоился Володька, — это тетя Поля. Батька ее все уговаривает к нам перейти жить — вместо матки значит, а она говорит: кончай пить, тогда перейду, а сама, значит, мне уже рубаху достала и другое кое-что. Она душевная девка, тетя Поля-то, — завершил он, подражая кому-то.

— Ну, а батька что?

— Ладно, говорит, брошу, только переходи. Тетя Поля у нас всю избу прибрала. Приходите, теперь у нас чисто, — вежливо пригласил он. — Ну, я пойду, а то Кирька сбежит.

Он прошел мимо Валентина, который так и не решил, как следует поступать в таких обстоятельствах, и вскоре гулко протопал по мосткам.

— Кирька! Ах ты негодник! Ты куда залез? — услышал Валька его звонкий голос.

— Хм, н-да... — подытожил Валентин, свои размышления.

А в это время самбисты уже вышли напрямик через лес к заповедному зеленому холму, сплошь усыпанному крупной черникой. Изредка попадалась и земляника. Вскоре кастрюля была почти полна. Солнечный свет, рассеянный зелеными кронами деревьев, мягко падал на их загоревшую кожу — темно-коричневую у Кирилла и бронзовую у остальных. Такие все разные, они чем-то неуловимо походили друг на друга. Похудевшие лица и крутой разворот плеч, легкая, неслышная походка и спокойный взгляд людей, уверенных в своей силе, и, кроме того, какое-то сходство в повадках и жестах, какое бывает у людей, которые живут вместе, — все это придавало что-то общее столь непохожим юношам.

Миновав бурелом и болотце, они вышли к озеру. На берегу сидели Подвысоцкий и несколько пловцов. Самбисты поздоровались, пловцы весело им ответили. Подвысоцкий что-то процедил сквозь зубы.

— Виноваты, Василий Ефремович, никак не могли за это время прийти на занятия, — сказал Антон. — Приносим повинную и угощаем всю честную компанию сладкой ягодой. — И поставил кастрюлю в середину круга.

— О, молодцы ребята! — обрадовались пловцы, запуская руки в кастрюлю и полными горстями отправляя ягоды в рот. — Простим их, Василий Ефремович!

— Говорил же мне Глеб, что наплачусь я с вами за свою доброту, — пробурчал Подвысоцкий, но ягоды своим вниманием удостоил.

— Э! Ребята, потише! — закричал Сергей. — Угощаться угощайтесь, да помните, что мы вам ягоду принесли менять на хлеб. Такса обычная: пятнадцать стаканов за буханку хлеба.

— Куда вам еще? — удивились пловцы.

— Как это «куда еще»? У нас ни крошки нет.

— Вчера машина ходила в Ряйселе, — сказал один из пловцов. — Взяли мы четыре громадные буханки: три на нас, одну на вас. Так Корженевич такой шум поднял! Что, говорит, пловцы? Половина из них девочки, а у меня, говорит, пять львов, и каждый может такую буханку в один присест съесть, и взял для вас две буханки.

— Хм, странно. Он сегодня был у нас и ни словом про хлеб не обмолвился...

— Наверно, вечером принесет! — сказал Кирилл. — Ведь он видел, что мы без хлеба едим.

Когда начался урок, Сергей и Кирилл, добросовестно работая руками и ногами, проплыли на глазах у всех добрые сто метров. Пловцы бурно выразили свой восторг, у Василия Ефремовича весело заблестели глаза.

— Ну и разбойники, одно слово — разбойники. Что вытворяют, а? И хотел бы злиться, да не могу. Ну ладно, Пильщиков, иди сюда, получай: деньги на твое имя пришли.

После секундного оцепенения раздалось такое громкое троекратное «ура!», что пловцы позажимали уши. Трубя и распевая, самбисты торжественно промаршировали вокруг Подвысоцкого вслед за Женькой, который размахивал тремя красными бумажками.

— Ну, водяные, забирайте себе все ягоды, — великодушно разрешил Антон. — Теперь-то мы заживем как короли.

— А вас, Василий Ефремович, — любезно добавил Сергей, — мы приглашаем на молодую картошку. Эх, хороша она, стерва, да если еще маслица добавить да укропчику сверху покрошить!

Подвысоцкий оторопело глянул на нахала, хотел что-то сказать, вдохнул воздух, но раздраженно махнул рукой и отвернулся. Сергей за его спиной так точно передразнил его, что все прыснули. Василий Ефремович обернулся, но лицо Сергея было непроницаемо-доброжелательным. Тогда Подвысоцкий снова махнул рукой и рассмеялся.

4

ЭКСТРЕННОЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ЗАСЕДАНИЕ «ЗЛО НАДО ИСКОРЕНЯТЬ!» ПОХИЩЕНИЕ ПОХИТИТЕЛЯ

По дороге домой самбисты галдели, словно стая растревоженных галок. Получение колоссального богатства в тридцать рублей ликвидировало финансовый кризис и открывало сладкую перспективу сытой жизни. Но, с другой стороны, всех беспокоил и возмущал поступок Корженевича.

— Когда он придет, сразу надо будет его спросить, зачем он это сделал, — кипятился Женька.

— А телку что? И сам не изменится, и хлеб не отдаст, — возразил Сергей. — Семь с полтиной помните?

— Так что же — смолчать? Ты, дескать, твори подлости, а мы будем скромно улыбаться?

— У нас на Балтийском, — сказал Антон, — на такую «заначку» очень просто ответили бы...

— Вот и давайте ответим по-рабоче-крестьянски! — подхватил Сергей.

— Тут другое дело. Надо все обдумать, иначе отношения так испортим, что вся наша учеба полетит вверх тормашками.

— «Отношения испортим!» — гнусаво передразнил Женька. — А он пусть творит что хочет?

— Дурак ты, Женька! — ответил Антон. — Если для дела надо, можно и не портить отношения. Хорошее учение стоит буханки хлеба. Да я не о том. — И он задумался.

— Подвысоцкому пожаловаться, — предложил Кирилл.

— Да, как раз! — Женька захохотал. — Он скажет: ваш хлеб пошел мою картошку искать.

— А что, если... — начал Антон.

— Все-таки пожаловаться? — подхватил иронически Женька.

— А что, если, — медленно повторил Антон, — провести на Глебе практическое занятие на тему «снятие часового», которое он нам предлагал? И в итоге отобрать хлеб!

Все замолчали.

— Как, Женечка? — обратился Антон к Пильщикovu.

— Да я... да... конечно... ну... в общем...

— Смотрите, смотрите, Женька-то наш, оказывается, берет уроки разговорного языка у Вальки, — съязвил Сергей.

— Нет, я не согласен! — решительно возразил Кирилл. — Мы, во-первых, комсомольцы, а во-вторых, он наш тренер. Это будет самоуправство.

— Что же, Инылькан, — сказал Антон, — ты молодец. Обдумать это дело надо, конечно, со всех сторон и тщательно.

События следовали за событиями со стремительностью кинематографа. Придя домой, самбисты увидели на столе толстый кусок присоленного сала, при виде которого каждый невольно сглотнул слюну.

— Это еще что?!

Радостно и смущенно улыбаясь, Валька сказал, что Володька-пастушонок принес им по собственной инициативе и бесплатно этот сгусток калорий в виде горячо рекомендуемых медициной жиров, о которых шла речь как раз на последнем заседании совета министров.

— Комментарии, как говорится, излишни! — воскликнул Сергей. — Солидарность неимущих и алчность богачей. Жизнь течет в соответствии с установками полного собрания сочинений писательницы Агнии Барто.

— Кончай зубоскалить, — сказал Антон. — Объявляю комсомольское собрание открытым. Ввиду особой ответственности решения, которое мы должны принять, прошу Инылькана вести протокол. На повестке дня один вопрос: о хлебе, незаконно похищенном преподавателем Корженевичем у самбистов. Записал? Присутствовали все сто процентов комсомольцев. Теперь прошу выступить по существу.

— Хм, а если он принесет хлеб? — осторожно спросил Валентин. — Выходит, зря тогда совещались?

— Не принесет, — уверенно возразил Сергей.

— Надо проучить! — воодушевился Женька. — Слушайте: имеем мы право проводить практические занятия? Имеем!

— Даже должны, — добавил Сергей.

— А как их лучше всего проводить? Ясно, на человеке, который для этого подготовлен. Значит, на Корженевиче. Это первое. Второе: а что хлеб мы отберем, так кто будет об этом знать? Не в интересах Глеба жаловаться, это факт. А мы тоже шуметь не будем, сжуем буханку потихоньку, и только.

— При чем тут «никто знать не будет»? — сказал Кирилл. — Надо, чтобы своя совесть была чистая.

— Кирилл, — проникновенно обратился к нему Сергей, — разве ты не

знаешь, что комсомольцы всегда боролись за справедливость и выступали в защиту бедных?

— Бороться можно по-всякому, — твердо возразил Кирилл. — Все же Корженевич — наш преподаватель.

— Ну, вот что! — с неожиданной страстью вдруг произнес Антон. — Революцию не для того делали, чтобы мерзавцам тепло жилось! С подлостью нужно бороться всегда и везде. А мы слишком уж вежливыми и тихими стали, стесняемся подлецу прямо сказать, что он подлец, потому они до сих пор живут и процветают. Умирать буду — не прощу себе, что оробел перед Глебом, — как же, преподаватель! — когда он меня заставил уроки подписать, которых не было. Теперь — баста, научился! Зло надо искоренять повсюду, от кого бы оно ни шло!

— Ну, ты уж слишком! При чем здесь революция и все такое? — спросил Валька.

— А при том, что для того ее и совершили, чтобы волчьих отношений между людьми не было. Ясно? Все — товарищи. А Глеб твой хлеб присвоил. Он — товарищ? «Революция и все такое», — повторил Антон. — Ты думаешь, это в тысяча девятьсот семнадцатом году произошло, а к тебе никакого отношения не имеет? Имеет! Володька-пастушонок — вот кто будет настоящим человеком. Университетов не кончал, об истмате-диамате и не слыхивал, а когда увидел, что люди нуждаются больше него, сам пришел на помощь. Кстати, вот что! Я боюсь, как бы ему в конце концов папаша мозги своим нытьем не задурил. Надо Володьке доказать, что люди — настоящие, что они братья! Пусть в этом убеждении и развивается, понятно?

— Понятно, — несколько огорошено ответил Валька.

— Мы ему на память оставим хороший подарок, — категорически предложил Антон. — И не дешевку какую-нибудь, а действительно вещь.

— Хм, да, а деньги?

— Деньги? А вот Женька получил сейчас тридцать рублей, так мы из них за двадцать пять школьную форму купим, — я видел, когда ездил в Ряйселе.

Лицо Валентина, как ясный экран, комически отобразило многокрасочную гамму чувств, связанных с известием о получении денег и тут же об их утрате...

— В общем, так, — сурово заключил Антон, — мы уже не дети и отвечаем за все вокруг. Подлость будем карать, а хороших людей поддерживать. А что без жратвы опять придется сидеть, так нам привычно.

— Я согласен с тобой, — сказал Кирилл. — И что Володьке мы форму

купим, это очень хорошо. Но совсем неверно, что физическая сила — главный аргумент в борьбе с подлецами. А перевоспитание?

— А разве я так сказал: «только физическая сила»?

— Глеба ведь хочешь принудить. А он наш тренер.

— Ты согласен, что зло надо искоренять?

— С этим согласен.

— Тогда слушай. Истина всегда конкретна. Случаи все бывают разные. Если необходимо — надо жаловаться, если необходимо — убеждать, если необходимо — ругаться. А здесь — я имею в виду этот конкретный случай — надо применить насилие.

— Почему? — упрямо спросил Кирилл.

— А потому, что наказание будет сочетаться с учебой. А учиться — так учиться по-настоящему. Для этого мы сюда и приехали. Корженевич сам предложил нам провести практическое занятие. Так не девочек же умыкать! Если мы сумеем «снять» Корженевича, тогда, значит, по-настоящему научились работать, значит, не зря здесь время тратим. Вот это будет проверка! А не сумеем его «снять», грош цена нашей подготовке. Ну?

— Подожди. Дай подумать.

— Думай. А мы пока будем голосовать. Кто за насильственное изъятие хлеба? Пильщиков?

— «За». Руками и ногами. И форму купить.

— Смородинцев?

— Изъять! Беретик обязательно с блямбой.

— Ярыгин?

— Все это правильно, конечно...

— «За» или «против»?

— «За».

— Инылькан?

— «За». Только хорошенько потренироваться.

— Я тоже «за». Пиши в протокол: принято единогласно. Теперь обедать. Технические детали — позже.

Без четверти пять Ярыгин, смотревший на дорогу, крикнул:

— Корженевич идет!

— Что в руках?

— Ничего.

Самбисты кисло и в то же время многозначительно переглянулись: трижды рискованная, неприятная операция приблизилась вплотную и стала неотвратимой...

Урок прошел, как обычно. В конце его Глеб с охотой и удовольствием

по просьбе Антона, ясно смотревшего на него, уточнил некоторые детали снятия часового и, снисходительно хохотнув, спросил:

— Так что же, проведем практическое занятие, а? И самим хорошо, и девушки довольны будут. А? Ха-ха-ха! А что это вы сегодня такие молчаливые? — уловил он нечто необычное в поведении своих подчиненных.

— Вот если бы у нас был хлебушек, тогда бы и веселились, — дерзко ответил ему Женька.

Глеб внимательно посмотрел на него, ничего не ответил и вскоре ушел.

Совет министров в совершенно секретном порядке тотчас же приступил к детальному обсуждению предстоящей кампании. Министр обороны выдвинул в качестве ее основы снятие из засады. Когда Глеб вечером выйдет из дому, тогда его и снять.

— А выйдет ли? — выразил сомнение министр по делам искусств.

— Обязательно выйдет, — сказал министр просвещения. — Он каждый вечер делает перед сном пробежку, три километра легким шагом. Я один раз с ним бегал.

— А где же он бегают?

— Сначала по той дороге, по которой мы первый раз шли, затем сворачивает в лес, а потом опять возвращается на дорогу тою же тропинкой.

— Здорово, — выразил удовлетворение премьер-министр. — Во сколько он бежит?

— Около десяти.

— Ясно. Еще три часа.

После ужина, почти не отдохнув, приступили к тренировке. Выбрали подходящую тропу. Каждый по очереди бегал за Корженевича, остальные пробовали себя на разных ролях. Через час вариант был отработан безупречно. Уже смеркалось, когда они выступили. В лесу было сыро и прохладно, черные деревья стояли неподвижно, загадочно темнели пни и камни. Самбисты двигались цепочкой. Валентин нес мешок и веревку. Кирилл тащил длинную жердину. На душе было тревожно. Каждому приходила в голову мысль: а может, оставить это дело? Но быстрые ноги легко несли их вперед. Вдруг недалеко от перекрестка, где тропа выходила на дорогу, Кирилл резко остановился и тихо, но уверенно сказал:

— Стой! Тише!

— Чего ты? — громко спросил Женька. — Далеко еще.

— Назад! — скомандовал Кирилл, вслушиваясь в темноту.

— Назад, ребята, — тихо повторил Антон. — Кирилл зря не скажет.

— Быстро с дороги и ложитесь! — приказал Кирилл.

Самбисты подчинились. Тишина.

— Что за шутки? — недоумевал Женька.

— Тсс. Слушай!

Через минуту все услышали быстрые шаги. Мимо распластавшихся самбистов, чуть не задев их платьем, прошла девушка. Они узнали Полину. Еще мгновение — и она исчезла в темноте, скоро даже Кирилл перестал слышать ее шаги. Самбисты поднялись и пошли дальше, не сказав ни слова. Все с уважением поглядывали на Инылькана.

Через десять минут свернули с дороги на тропку.

— Здесь, — сказал Кирилл.

Расположились по обеим сторонам тропинки, стали ждать. Антон и Женя положили поперек нее веревку, концы которой держали в руках. Замерли. Побежали бесконечно долгие минуты. Лес жил своей жизнью. Где-то в стороне трещали сучья, кто-то ухал, шелестели вершины деревьев, по которым временами пробегал ветер. Никакой посторонний шум не примешивался к этим вековым звукам.

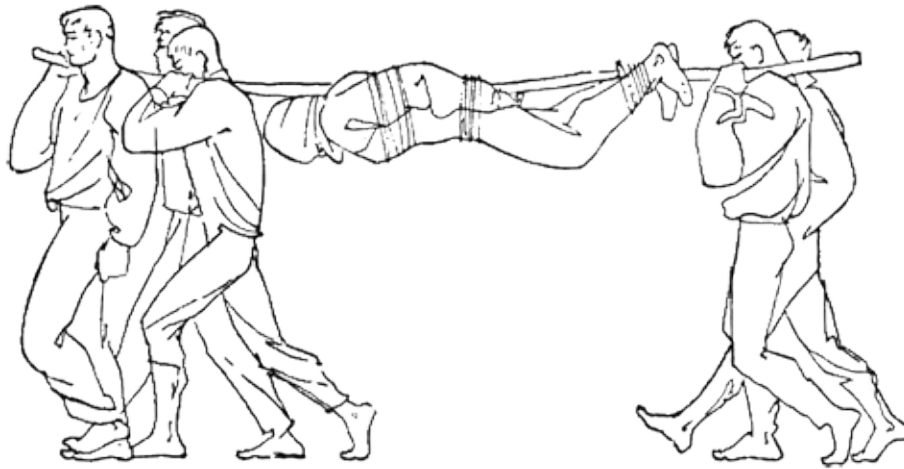
— Может быть, зря ждем? — прошептал Валька.

— Терпение! Тишина! — также шепотом ответил Антон.

— Бежит! — вдруг произнес Кирилл, и сразу учащенно застучали все сердца.

— Внимание! — едва слышно сказал Антон.

Темная фигура громко и ритмично дышащего Корженевича быстро приближалась к ним. Все дальнейшее продолжалось считанные секунды. Веревка, как струна, натянулась над землей. Глеб споткнулся и, падая, успел сказать только: «О черт!» Тотчас же дюжие руки завернули его руки назад и мгновенно стянули их петлей. Сергей крепко зажал ему нос и, когда Глеб открыл рот для вдоха, с силой воткнул туда кляп. Одновременно Валька надел на голову Корженевича мешок, а Кирилл со всей своей железной силой стянул веревкой ноги пленника. Все происходило в абсолютном молчании. Глеб ничего не слышал и не мог ничего видеть. Все тело его бешено изгибалось и билось в попытках сбросить путы. К спине Глеба привязали жердину, подняли — так и понесли его лицом к земле. Он, вероятно, уже понял, что произошло и кто сыграл с ним такую шутку, и перестал извиваться. Какие мысли сменяли в его голове одна другую в этот момент, кто знает...

В полном безмолвии, по два человека с каждого конца несли самбисты на плечах прогибающуюся жердь с привязанным Глебом. Сергей шел впереди. Немного не доходя до Глебова дома, жердь поставили к дереву. Тихо подошли к дому. В комнате тускло горела керосиновая лампа. Около одного из окон стоял стол. За ним самбисты неожиданно увидели Тamarу Касаткину — пловчиху. Будучи старше других студентов, она обычно держалась в стороне, глядя насмешливыми глазами пожившего человека на суетню и проделки буйной молодежи... Низко склонив голову, она медленными движениями, иногда задумываясь подолгу, зашивала куртку Глеба..

— Вот так композиция!..

Самбисты безмолвно переглянулись, энергично зажестичулировали. Затем, согласно кивнув, Антон и Женя подсадили Сергея в боковое окно, он бесшумной поступью, как призрак, проскользнул к шкафу за спиной у Тamarы (бывая у Глеба, самбисты знали, где он хранит продукты) и тихонько потянул дверку. Ребята увидели, как Касаткина, может быть от скрипа дверцы, вскинулась, посмотрела по сторонам, но потом снова опустила голову и продолжала шить. Сергей, как тень, недвижно застыл в полумраке за ее спиной. Переждав минутку, он тихо взял непечатую буханку, положил на ее место полтинник, так же неслышно прошел назад и выпал на руки друзей.

Проходя мимо жерди с неподвижным Глебом, Антон сунул руку под мешок и выдернул у пленника изо рта кляп. Глеб молчал. Антон распустил узел на руках. Глеб не шевельнулся. Самбисты тихонько отошли по тропе и затем припустили что было духу домой.

НАЧАЛО НОВОГО ПЕРИОДА В ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ «НАМ НЕ СТРАШЕН СЕРЫЙ ВОЛК!»

Проснувшись, они сразу вспомнили события вчерашнего вечера. Здоровенная буханка лежала на столе реальным доказательством того, что похищение Глеба — факт. С большой долей неловкости и волнения — при всем сознании своей правоты — ожидали они появления тренера. Валька даже высказал мысль, что Корженевич вообще больше не придет.

— Куда ему деваться! — возразил Сергей. — От заработка Глеб еще никогда не отказывался.

Позавтракав, самбисты улеглись загорать на утреннем солнышке. Шло время, Глеб не появлялся.

— А может быть, и впрямь не придет? — спросил Кирилл.

— Отчего же ему не приходиться? — вдруг раздался голос Корженевича, поразивший их, как гром с ясного неба. Они мигом повскакивали. Глеб, неизвестно когда пришедший, сидел рядом с ними на камне и рассматривал их. Самбисты быстро выстроились.

Все так же, сидя на камне и постегивая себя прутиком по ноге, Глеб молча, с недоброй усмешкой смотрел на них.

— Так отчего, Кирилл, я не должен приходиться, по-твоему? — повторил он.

Наступило неловкое молчание.

— А мы, Глеб, беспокоились, не простудился ли ты вчера, — ответил вместо Кирилла Сергей, нагло глядя ему в глаза. — Ты ведь, говорят, бегаешь по вечерам, а нынче вечера холодные стали..

— Н-да, так, так. Бегаю, значит, по вечерам. Ясно, яснонько, — не торопясь, проговорил Корженевич, разглядывая самбистов. Они стояли навытяжку. Глеб не торопился командовать «вольно» и продолжал с недоброй задумчивостью смотреть на них.

— Ну что ж, приступим, — промямлил он, вставая.

Урок пошел так и не так, как прежде. Глеб проделывал обычные свои упражнения, и борцы повторяли их. Но теперь он совершенно не следил за ними. Он работал сам по себе, а они как хотят. Куда делись его командирские окрики и энергичные замечания, лишь изредка он ронял

словечко или делал небрежный жест. Поняли — хорошо, не поняли — ваше дело.

Самбисты мечтали о том дне, когда Глеб приступит к объяснению «передней подсечки». Это был коронный бросок Корженевича, он проводил его с такой молниеносной быстротой, что они никогда не могли уследить за началом движения. И надо же случиться, что этот долгожданный прием стали проходить сейчас! Глеб, вопреки обыкновению, выбрал для показа не Антона, а Валентина. И это насторожило самбистов — значит, бросок пойдет у Глеба за счет преимущества в силе, а не за счет технического исполнения. Но нет, Корженевич дал четкое объяснение биомеханической схемы броска, которая показалась им очень убедительной: подсекать ногу противника надо, когда она выставлена вперед; руки одновременно работают так, будто перебрасывают через плечо тяжелый камень. Самбисты приступили к отработке приема, Глеб же с демонстративным равнодушием стал на краю ковра, заложив руки за спину. Боже, как отличалась их топорная работа от его виртуозных бросков!

— Глеб, где у меня ошибка? — закричал Сергей.

— Странное дело, такой талантливый ученик, вчерашний урок прекрасно усвоил, а сегодняшней не может, — удивился Глеб. Он подошел, показал и снова отошел в сторону.

— Вчерашний? — наивно удивился Сергей. — А ты откуда знаешь?

— Давай, давай, елы-палы, работай, не паясничай! — зло ответил Глеб.

Сергей пожал плечами, изображая крайнюю степень недоумения.

Антон работал в паре с Женей. Ни тот, ни другой не хотели падать, и поэтому бросок у них совершенно не получался. Ответ Глеба Сергею к дальнейшим вопросам не располагал, и они, хоть и помирившиеся по решению совета республики, боролись молча, обмениваясь только сугубо деловыми репликами.

Вдруг совершенно случайно, вытягивая упирающегося партнера, Антон резко сменил ногу и подсек не выставленную, а стоящую сзади ногу Женьки, и тот упал так, что хлопок по ковра прозвучал с пушечной силой. Антон тоже не смог удержаться на ногах.

— Смотри-ка, что-то не так, ведь я подсекал не по схеме, а до чего же легко вышло.

Они стали пробовать иначе, но получалось еще хуже, болезненно заныли от ушибов голени.

Когда урок окончился, Глеб отпустил всех, подозвав к себе пренебрежительным жестом Антона. У того в ожидании предстоящих

объяснений неприятно похолодело в груди. Но Глеб молчал. Открыв журнал, он что-то туда записывал. Это продолжалось довольно долго, дольше, чем требуется записать содержание одного урока.

Поднявшись, Глеб протянул авторучку. Первое чувство Антона, когда он увидел заполненный журнал, было негодование: после вчерашнего занятия прошел только один урок, а Глеб заполнил две графы. Но, прочитав запись, он без колебания подписался. В незаконной графе было написано: «Практические занятия по снятию часового», и против всех фамилий стояли крупные пятерки.

— Правильно? — спросил Глеб не без иронии.

— Правильно! — ответил Антон, прямо и дерзко поглядев ему в глаза.

Корженевич неожиданно закашлялся, опустил голову, собрал свои вещи и ушел не прощаясь. Антон стремглав побежал к озеру.

— Ай да Глеб! — Сергей расхохотался. — Ну и торгаш, ну и деловой человек! Вот уж не теряется, так не теряется! За свое собственное похищение выписывает себе деньги. И надо ж было сообразить — ничего даром не пропадает. Сколько занятие стоит? Два рубля? Значит, в два рубля оценил оскорбление своей личности? Не дорого!

— Еще и мешок наш у него, да и за хлеб деньги получил, — добавил Валька.

— И почему это мы не тебя похитили? — посочувствовал ему Женька.

Общее мнение было, что Глеб неверно объяснил прием, однако поди докажи, что это так.

— Никогда раньше не было, чтобы ни у кого ничего не получалось, — произнес Кирилл. — Конечно, бросок сложный, однако хоть приблизительно должно было получиться.

— Ребята, у нас с Женькой вот что однажды вышло, — сказал Антон. — Давайте разберемся.

Они вернулись на ковер. Все было верно в схеме Корженевича, но чего-то существенного не хватало. Бросок не шел. То, что предложил Антон, тоже никаких ощутимых результатов не давало.

— Чем неорганизованно галдеть, — сказал Кирилл, — разойдемся по одному, по два и будем думать, а после сопоставим.

— Кирилл, — с пафосом произнес Сергей, — ты еще сам не знаешь, какая у тебя голова. У тебя в самом деле министерская голова, и ты будешь первым из великих людей Камчатки. Я отчетливо представляю такую сцену: по Камчатке уже ходят троллейбусы, и люди спрашивают друг друга: вы сходите на углу Гагарина и Инылькана? Или приедут из дома отдыха и скажут: мы приехали из Инылькана. А их спросят: как дела в

Инылькане? Да что там проспекты и дома отдыха! Со временем всю Камчатку назовут Иныльканией, и мы будем рассказывать, что видели самого великого Инылькана, который с нами иногда даже здоровался!

— Замолчи ты, соня, — отмахнулся Кирилл, — а то я расскажу твоим внукам, как ты регулярно просыпал свое дежурство и заготавливал сырые сучья.

Антон и Женя опять работали в паре; памятуя о недавней ссоре, оба в осторожных выражениях оспаривали мысли друг друга. Полная противоположность их мнений способствовала, однако, тому, что все неспособное выдержать критику сразу же отметалось. Они выходили на ковер, делали бросок, обращая внимание на то или иное, и снова шли к бумажке, рисуя новые силуэты и векторы, штрихуя площади опоры, и с каждым разом бросок становился чище. Это длилось примерно полчаса.

— Эй, ребята! — закричал Антон. — Давайте подытожим. У меня как раз наоборот, чем Глеб говорит. Ну-ка, Женя!

И он довольно технично бросил Пильщикова, а затем дал обоснование схеме, по которой подсекалась стоящая позади нога противника, и, что особенно важно, в тот момент, когда она только начинала шаг. Иначе, чем советовал Глеб, работали руки. Эту схему опробовали все.

— Так, теперь слушайте меня, — выступил Женька. — А если у меня ноги короче, чем у партнера, или он стоит далеко, как я его тогда достану? Значит, надо подбивать ближайшую ногу. Только работать руками не так, как говорил Корженевич.

Критически проверив, приняли и Женькин метод, который был проще предложенного Антоном, а значит, и легче выполнялся.

На смену неустойчивому, тревожному настроению, которое угнетало утром, пришло чувство бодрое и радостное.

— Нам не страшен серый волк, — так определил Сергей причину общей приподнятости, — или, переводя разговор в сферу, доступную физикам, скажем: мы и сами с усами. Во время ужина Антон и Женя,

отношения между которыми заметно потеплели, были вежливыми, как на дипломатическом приеме, и в их лексиконе появились даже такие слова, как «спасибо» и «пожалуйста».

Производственное совещание продолжалось и после ужина. На сытый желудок будущее представилось и вовсе в оптимистическом аспекте: как ни плохо Глеб к нам относится, бороться, кроме как с нами, ему не с кем. А бороться он должен обязательно — впереди первенство Союза. Это он сегодня демонстративно не боролся, а завтра будет. И по-настоящему. Значит, наблюдая за ним, надо не ворон считать, а запоминать, как и что он делает. А кто с ним борется, должен не просто нападать и сопротивляться, а перенимать его приемы, а уж если упал и не понял почему, снова стать в ту же позу, чтобы Глеб снова бросил, и второй, третий раз, но понять, в чем дело.

— И выделить специально перед ужином, как сейчас, время для анализа нового материала, — уточнил Антон.

— У меня, так сказать, мысль появилась, — начал Валька. — Нам надо не только новые приемы разбирать, но и в старых разобраться. А то, например, мне кажется, что бросок через бедро Глеб совсем иначе делает, чем нам объяснил.

— Господи боже мой! — воскликнул Сергей. — Всем сегодня в голову мысли приходят, один я, несчастный, только слушаю, восторгаюсь и больше ничего!

— Простите, вы на каком факультете учитесь? — любезно осведомился Женька. — Ах, на журналистике? И удивляетесь, что мысли в голову не приходят?

— Физиков опровергать мы будем физическими методами. — И, неожиданно подхватив Женькины ноги, Сергей перевернул его и уселся сверху.

ВОЛК ВСЕ-ТАКИ СТРАШЕН ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОТКРЫТИЯ ЕСТЕСТВЕННОСТЬ И ЗАКОНОМЕРНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК В РЕСПУБЛИКЕ

Но развеселились самбисты, как показало развитие событий, рано. До конца курса оставалось еще немало занятий, а Корженевич продолжал своеобразно их саботировать, подчеркнуто равнодушно излагая новое. И лекции свои он также отчитывал скучно и монотонно, не оживляя их, как прежде, примерами из своей практики. Однако не бороться он действительно не мог, и самбисты пользовались этим вовсю, они пристально наблюдали за ним и дошли даже до того, что заранее ставили себе задачи: сегодня вечером он нас будет бросать преимущественно подножками, а завтра — зацепом стопой и обвивом. Привычка осмыслять заставила их по-новому отнестись к вещам известным, казалось бы непреложным, и увидеть там много неожиданного. Все это шло на пользу делу. Когда Глеб устроил им контрольную работу на тему «Комбинации, завершающиеся броском через голову», он был поражен быстротой выполнения. Процедив сквозь зубы что-то о верхоглядах, он ушел домой. Но дома ему пришлось удивиться еще раз — сданные контрольные отличались четкостью, ни одна не повторяла другие, а над работой Сергея он особенно задержался, затем достал из ящика стола толстую тетрадь в черной клеенчатой обложке, свою «святая святых», куда заносил материалы для будущей книги «Тренировка мастера в борьбе самбо», и тщательно переписал в нее разработку и обоснование одной из комбинаций, предложенных Смородинцевым. С большой неохотой поставил он пять пятерок.

Так продолжалось несколько дней, а затем стиль борьбы Глеба резко изменился: боровшийся до этого в высшей степени технично, он стал употреблять почти только силовые приемы.

Состоялось экстренное совещание совета министров.

— Вот ведь чертов сын, — возмущались самбисты, — наверняка догадался, что за ним следят, и специально сбивает нас с толку.

Они настолько были уверены в зловредности Глеба, что им и в голову не пришла простая истина: следуя своей системе тренировки, он вплотную приступил к отработке выносливости. Но как бы то ни было, метод их учебы был подорван в корне: ни верных объяснений, ни практических демонстраций. Это было тем более неприятно, что по программе пошли самые сложные приемы и комбинации.

— Ну, братцы-министры, что делать-то будем? — спросил премьер.

Министры молчали.

— Слушайте! Сегодня головой буду я! — вдруг торжественно провозгласил Сергей. — Не зря же когда-то две ночи готовился к зачету по логике.

— Итак, образец ночной логики, — подхватил Женька.

— Итак, Корженевич сейчас работает силой и натиском. Значит, наша задача — выяснить подробности этого дела, то есть понять, каким образом он умудряется работать и три и четыре схватки подряд, оставаясь свежим...

— Как молодой огурчик, — подсказал Пильщиков.

— Каждый мыслит образами, понятными и дорогими ему, — Сергей поклонился в Женькину сторону и сел.

— Сергей, ты где родился? — спросил его Кирилл.

— В Вышнем Волочке, а что?

— Быть Вышнему Волочку Смородинцевоградом!

— А разве кто-нибудь в этом сомневался? — удивился Сергей.

Началась лаборатория силового стиля Корженевича. Что бы ни делал он на ковре, за ним пристально следили внимательные глаза его противников-учеников. На традиционном совещании перед ужином выкладывались в общую кучу и обсуждались крупницы дневных наблюдений. Именно так были сделаны крупнейшие открытия. Пильщикову принадлежала честь раскрытия великой тайны Глеба, которую тот не выдал бы и под пыткой: тайны его сокрушительного рывка. Вкладывая в рывок относительно не много сил и поэтому не уставая, Глеб легко выводил из равновесия противников, и ему частенько удавалось бросать партнера на спину тягой одних только рук. И Женька разгадал секрет этого движения!

— Эврика! — вскричал он однажды со страстью первооткрывателя. — Иди сюда, — позвал он Антона. — Держись крепко, не двигайся с места. — И сильно ударил его кулаком в грудь. Антон не шелохнулся. — Держись еще крепче! — И он указательным пальцем легко и быстро два раза подряд толкнул его в грудь. Антон замахал руками и вынужден был отступить, чтобы не упасть.

— Здорово! — восхитились самбисты. — Идея ясна!

Женьке уже больше ничего не пришлось объяснять — они сами все поняли. Тут же были надеты куртки, и начались двойные рывки. Очень трудно было, правда, точно уловить необходимый ритм. Но что дается сразу?

Следующее открытие сделали одновременно Кирилл и Валька — они обратили внимание на то, как Глеб гасит рывки: моментально расслабляется и в момент рывка тянется за партнером без сопротивления. («Как макарона», — прокомментировал Сергей.) Опираясь на это наблюдение, самбисты сделали чрезвычайной важности вывод о том, что, даже борясь в самом бурном темпе, Корженевич большую часть времени держится расслабленно, но за периодом расслабления следует бурное взрывообразное напряжение отдохнувших мышц. Не то что у них, ходят как деревянные!

— Товарищи! — сказал на одном из вечерних совещаний Сергей. — Происходит невообразимая путаница понятий. Никто, конечно, не обращает на это внимания, различные там философы или физики, но мой высокоорганизованный мозг не выносит хаоса. Где вы читали или слышали, чтобы совет министров обсуждал проблемы биомеханической схемы передней подсечки или броска обвивом? Нигде! Функции совета министров — хозяйственные, внешне- и внутривластные. А дела научные — это функция академии наук. Товарищи! У нас давно назрела необходимость в такой организации. Совет министров должен издать постановление об учреждении в Республике Самбо академии наук. Кто «за»? Единогласно!

— Тише, товарищи! — поднятием руки остановил он клики восторга и одобрения. — Тише! Президентом академии наук нашей республики я предлагаю избрать крупнейшего нашего ученого, — он возвысил голос, — автора фундаментального, основополагающего труда «Букварь», — он еще больше возвысил голос, — министра просвещения, любимца всех наших детишек, выдающуюся голову, — набрал воздуха и прокричал — Кирилла Инылькана!

— Ура! Ура! Ура! — прокричали министры, они же академики.

— Но, товарищи, — вкрадчиво продолжал Смородинцев, — где вы встречали академию наук без вице-президента? И уж скажите по чести: подходит ли на этот пост кто-нибудь больше, чем я? А на пост временно исполняющего должность главного ученого секретаря, так и быть, предлагаю академика Пильщикова, надо же и его как-то приобщать к науке...

Таким образом, двадцать четвертое июля вошло в историю республики как дата образования академии наук, и последующие вечерние заседания пошли под новой высокой маркой.

На очередном заседании двадцать пятого июля академик Ярыгин сообщил, что хочет доложить собравшимся о важнейшем открытии. Он вызвал президента академии на ковер и сказал:

— Дело касается ухода из удержания. Сегодня, когда я боролся с Глебом, он мне сбил все дыхание таким путем, смотрите...

Валька положил Кирилла и стал его удерживать, все время стараясь закрыть ему то грудью, то плечом рот, и Кирилл стал задыхаться, ему уже было не до борьбы.

— Встать! — резко скомандовал Антон.

— А что? — спросил Валька, струсив.

— Если кто-нибудь еще заметит подобные подлые приемы, так не преподносить их с восторгом.

— Я что... — стушевался Валька. — Я, конечно, не для всеобщего употребления. Что я, не понимаю, что ли? Я думал, может быть, в боевом комплексе подойдет.

— Брось, Валька, изворачиваться, — сказал Женька. — Ничего ты не думал. А для боевого комплекса не подойдет. Если тыставишь мне в рот плечо в боевых условиях, так я откушу у тебя полфунта мяса, и ты уж никогда не будешь щеголять в шелковой маечке. — Валька покраснел. — А насчет Корженевича — предлагаю его на лекции спросить, как быть, если противник применяет подобные приемы, а судья не видит.

В создавшейся ситуации они должны были выкладываться до конца, если хотели выполнить свой долг, а они этого хотели. Было очень трудно, но их утешало, что оставалась всего неделя. Однако они не знали, что судьба отпустила им еще далеко не весь запас заготовленных ею для них каверзных испытаний..

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ЮНЫЕ, ГОЛОДНЫЕ, МОГУЧИЕ

1

**«ИДУ НА ВЫ» ИЗ КОСМОСА
РЕФОРМА ПОСТЕЛЬНОГО ДЕЛА
ОЩУЩЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ПОМПЕИ
В ИХ ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ
БРЮКИ МИНИСТРА ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ
ВОЛК НЕ ОРИГИНАЛЕН**

Внезапно наступили холода. Но природа, следует отдать ей должное, по-рыцарски послала им свое «иду на вы».

В середине глубокой ночи Женьку, спавшего мертвецки крепко, как спят крайне уставшие люди, если у них чиста совесть, начало что-то неприятно тревожить. В его отключенном от мира мозгу с мучительной неохотой пробудился какой-то участочек, и Женьке стало сниться, будто Глеб привязал его обнаженного к столбу, да так туго, что он не может пошевелиться, а кругом — снег и трескучий мороз. Беззвучно хохоча и указывая на него пальцем, Глеб отступал и исчез в снежной дали. Женька остался один в ледяной пустыне. Сначала гордым усилием воли он заставлял себя не дрожать, но холод все глубже проникал в его тело, озноб дошел до мозга костей, мелкая дрожь затрясла зубы. Женька принялся изо всех сил разрывать веревки, связывавшие его, и проснулся.

— Тьфу, пропасть! Приснится же ерунда такая, — проворчал он, не зная, проснулся ли он уже или нет, так как все тело его покрылось гусиной кожей, а зубы и впрямь отбивали дробь. Окончательно проснувшись и удивляясь все больше, так как они ложились спать, когда было по-летнему тепло, он полез искать свое пальто, чтобы укрыться поверх одеяла, и вдруг, ничего не понимая, неподвижно застыл: дверные щели, невидимые до этого во мраке, неожиданно засветились таинственным зеленым светом. Женька рванул двери и ахнул, хотя привык не выражать своего изумления ни при каких обстоятельствах, а просто сплевывал в сторону: и не такое, мол, видали. Ни с чем не сопоставимые, ни с чем не сравнимые по величине, уходили ввысь гигантские столбы мертвенно-зеленого цвета. Их было много, они занимали весь горизонт, все небо и терялись где-то на неизмеримой высоте во вселенной. Свет разгорался все сильнее, будто кто-

то невидимый медленно, но неуклонно вел рукоятку реостата, и все вокруг лежало, залитое этим тускло-зеленым неправдоподобным огнем. Все видней становилась каждая веточка, и все гуще становились темно-зеленые тени. Метнувшись назад, Женька заорал: — Эй! Вы! Проспите все царство небесное! Вставайте! Вставайте! — он дергал всех за ноги, скидывал одеяла. Его спросонок обругали и, лязгая от холода зубами, потянулись опять укрываться.

— Вставайте! — не унимался Женька. — Ребята! Северное сияние!

— А? — все мигом были на ногах.

Накинув пальто на плечи, высыпали наружу. И тут же («Будто щелкнули выключателем!» — подумал Женька) исполинские столбы мгновенно исчезли, глаз еще хранил о них воспоминание, а столбов уже не было. Сразу наступил мрак, и стали видны мириады переливающихся звезд.

Над землей раскинулась беспредельная ночь. Слабое сияние бесконечно далеких миров еще больше подчеркивало безграничную емкость мрака. Мерцающая вселенная жила своей жизнью. Было очень свежо, просто морозно. Холод ниспадал на землю тончайшими волнами, он усиливался с каждой минутой. И в этом безмолвном мраке вдруг что-то зародилось: это был еще не свет, только предчувствие света. И неожиданно, без всякого перехода, снова засияли огромные столбы, и опять отступила ночь перед их мертвенно-зеленым светом. Столбы сдвинулись и вновь расступились, но это были уже складки громадного занавеса, опускавшегося откуда-то с небес мимо крошечной Земли. Складки свивались, развивались, свет то меркнул, то снова разгорался — торжествующая беззвучная музыка гремела над спящей планетой, и никто на всей Земле не видел, не слышал ее, только пять притихших юношей слушали, стоя в ночи на своем холме, эту величественную космическую симфонию. И когда сияние — не сразу, как прежде, а ровными затихающими аккордами — ушло на нет, они еще долго смотрели в темное небо, где только что разыгралось красивейшее из всех зрелищ вселенной...

Утром самбистов разбудило яркое солнце. Оно било во все щели сарайчика, и свет его был каким-то белесым. Ребята лежали под одеялами и пальто, пар поднимался от их дыхания. — Заморозок!

Поеживаясь, они вышли на поляну: трава была прихвачена инеем. С места в карьер помчались по тропке на дорогу, чтобы согреться. Холодный воздух обжигал кожу. Впереди, как всегда, бежал Кирилл. Пробежав метров триста, он повернул назад. Самбисты побежали назад вместе с ним. Прогрохотав по мосткам, они вбежали в республику, не сбавляя хода,

поднялись на гору и, проскочив мимо ковра, спустились к озеру. Мигом сбросив одежду, один за другим бултыхнулись в воду, загоготали, зафыркали, зашлепали по воде. Сергей и Кирилл, отработав на мелком месте ежедневный урок ногами, тоже поплыли на глубину и, сделав несколько метров, заспешили назад. Выскочив из воды, отбивая зубами дробь, самбисты торопливо растерлись майками и снова побежали. Пока они завтракали, стало теплей, но все-таки было очень свежо. К вечеру температура и вовсе упала до нуля. Ужинали в пальто.

— Да, братцы, померзнем мы ночью, если не произведем реформы постельного дела, — промолвил Женька.

— Точно! Сила в коллективе! — поддержал его Сергей.

Матрацы сдвинули ближе, одеяла постелили в два слоя и сверху сложили все пальто. Быстро раздевшись, нырнули под эту массивную защиту от мороза и вскоре, тесно прижавшись друг к другу, заснули, высунув наружу одни носы, от которых поднимался пар.

Утром следующего дня было так холодно, что министры и академики долго не решались вылезти из-под своего тяжелого покрытия. Все то же белесое солнышко струилось во все щели, но по неровному шуму сосен они поняли, что ветер разыгрался не на шутку.

— Эхма! — Женька откинул одеяло, спрыгнул на пол и сразу же, приплясывая на морозце, стал тепло одеваться. Вслед за ним поднялись другие, только Сергей, натянув на себя одеяла и пальто, повернулся на бок.

— Эге-ге! Вице-президент! За старые штучки принялся! Подъем! — прикрикнул Антон.

Сергей, не просыпаясь окончательно, принялся честить Антона и всех его предков до седьмого колена, призывая на их голову проклятия за то, что они породили такое сухое, догматическое существо, у которого вместо сердца график с расписанием. Не на шутку разозлившись, Антон откинул все одеяла и пальто ему на голову, сдернул трусы и сильно его шлепнул. Сергей, натягивая одной рукой трусы, а другой поправляя одеяла, начал брыкаться и ругаться еще отчаянней.

— Ах, вот как! — зловеще сказал Антон. — Разлагаешь дисциплину! Так-так! Все в сборе. Кворум есть. Ставлю на обсуждение совета министров предложение о вынесении Смородинцеву двух дней дежурства вне очереди! Кто «за»?

— Э! Э! Потихе, потихе! — Сергей мигом скатился с нар. — Прыткий какой! Два дня! У меня и так послезавтра дежурство, что я тебе, на кухарку экзамен сдавать буду, что ли? Ишь ты!

Трава была покрыта слоем белого инея, который на глазах исчезал под

лучами солнца там, откуда уходила тень. Сильный порывистый ветер будто старался сорвать покрывку с колышков, она то поднималась, надуваясь изнутри, то, трепеща, опадала. К девяти часам, завидев на дороге Глеба, самбисты переоделись в халатики: не хотелось получать от него презрительного упрека — дескать, как всегда, не готовы. Глеб безучастно выслушал рапорт, обвел самбистов пустыми глазами, прошелся взад-вперед перед строем, заложив руки за спину. Так теперь он начинал занятия. Самбисты стояли по стойке «смирно» посиневшие и дрожащие от холода. Скорее бы бороться!

— Ну-с, возьмем тетрадки, — бросил Глеб наконец.

— Как тетрадки? — заговорили самбисты. — Лекция, что ли, будет?

Корженевич остановился и с оттенком раздраженного удивления произнес:

— Может быть, вы перестали понимать по-человечески? Или мне два раза надо говорить? Староста, — обратился он к Антону, — где у вас дисциплина?

Антон посмотрел на него недобрым взглядом и сказал:

— Пошли, ребята, возьмем тетради.

— Живей, живей! Бегом! Совсем разленились! — прикрикнул Глеб.

Они прибежали в сарайчик, вытащили тетради, Валька начал переодеваться в теплое. В дверях показалась голова Глеба.

— Между прочим, я не понимаю, вы, может быть, спать укладываетесь? Долго мне ждать? Выходи строиться!

Самбисты, почти не одетые (что за одежда рваные борцовские куртки!), уселись на обычном месте — на краю ковра, растирая окоченевшие ноги. Глеб, одетый в тренировочный шерстяной костюм, медленно расхаживал перед ними, читая лекцию. Некоторые положения он, как всегда, выделял голосом и, пока самбисты их записывали, делал, не обращая на них внимания, резкие разминочные упражнения, повторяя безразличным тоном свои слова из самых необычных положений: то стоя на мосту, то пружиня в положении «шпагат». Слушатели его между тем совсем замерзли.

— Товарищ преподаватель, разрешите обратиться? — Антон встал.

— Что еще?

— Может быть, перейдем в помещение?

— Да? А что такое случилось? — осведомился Глеб.

— Ветер и очень холодно.

— М-гу, закалочки, значит, не хватает. Ясно, ясенько. Горлышко может заболеть...

— Так точно, горлышко, — подтвердил Антон.

— Так-так. Мужчины могли бы быть покрепче, — скучающим тоном определил Глеб. — Ну, что же, если невтерпеж, переходите в столовую...

И когда после лекции Сергей и Кирилл, как на казнь, отправились отрабатывать задание по плаванию, остальные смотрели на них с сожалением. Но отступать было некуда, слишком мало уже оставалось времени. Они и их учитель Валька вернулись с плавания совершенно онемевшие, и, не раздеваясь, все вместе сразу же полезли под одеяло и дружно стучали там зубами, пока не согрелись.

В общем, второй холодный день отнял у самбистов массу энергии, обессилил их. Тотчас после ужина, отменив очередное заседание академии, на два часа раньше обычного они улеглись спать. Один лишь Кирилл, натянув на себя два пальто, остался работать над «Букварем» при последних бликах заходящего дня. Ложась спать, он потревожил Валентина, и тот спросил его сквозь сон:

— Ну, как там?

— Ветер перестал, зато все небо обложило тучами, как бы дождя не было.

— Дождь? Тогда, значит, занятий не будет, — пробормотал Валька.

Наступила мертвая тишина.

Природа, однако, решила не давать им ни сна, ни отдыха. Самбисты проснулись ночью, решив, что земля проваливается в тартарары. Страшный удар грома раздался как будто над самым сарайчиком; им показалось, что кто-то огромным тяжелым молотом стукнул по срубу, вгоняя его в землю. Затем раскат стал удаляться с таким треском, будто небо было из крепкого линолеума и его грубо, с озлоблением рвали пополам. За этим ударом последовало еще два, да таких, что самбисты определенно перекрестились бы, будь они верующими. И эти громы удалились с тем же треском, так же раздирая небо. Молний сначала не было, но затем, будто наверстывая упущенное, они засверкали целыми пучками.

— Да, теперь я понимаю ощущения жителей в последний день Помпеи, — начал было Сергей, но Антон крикнул:

— Мальчики! Покрышка! — распахнул дверь и бросился в темноту.

Все выскочили за ним, дверь хлопнулась о стенку. Быстро и сноровисто принялись они снимать шпагат с колышков и сворачивать огромное полотнище сразу с двух сторон, работая под холодными, поначалу редкими каплями дождя. Дождь становился все сильнее, и самбисты влетели назад промокшие и замерзшие. Переводя дыхание,

полезли на нары.

— Таким образом, товарищи академики, — сказал Сергей официальным тоном, — природа предоставила нам все возможности... Господи прости! — он вздрогнул от совершенно выдающегося удара. — Итак, я продолжаю: все возможности ознакомиться с явлениями естественной жизни данного края в конце северного лета. Я предлагаю провести научную сессию на тему...

Но тема осталась неизвестной, он остановился, прислушиваясь, как и все, к грому: это был необыкновенный гром. Он начался где-то высоко-высоко, вероятно, на высоте нескольких километров, и теперь, нарастая, сопровождаемый эскортом молний, стремительно падал, раскалывая небо. Все сжались, было полное впечатление, будто на них летит с высоты ужасный обвал, и деться некуда, но, не долетев до сарайчика какую-нибудь сотню метров, разъяренный гром грянул — и сердца остановились: ничего страшней в жизни они не переживали. К переменчивому блеску молний добавился в щелях дверцы какой-то колеблющийся отсвет. Все поняли, что неподалеку загорелось дерево. А гром начал обратное восхождение кверху и гремел усталыми, затихающими раскатами, пока, едва слышный, не исчез в невероятной вышине.

Забушевала гроза, струи воды били с силой пулеметных очередей, и неверный отблеск горящего дерева быстро прекратил свою игру. Судя по яростному шуму воды, полоса дождя шла широчайшим фронтом. Гром глухо и недовольно гремел уже в стороне. К плеску воды прибавились резкие щелчки — град.

— Итак, академик Смородинцев, какую тему вы имели нам предложить? — спросил Кирилл.

Но Сергей только вздохнул.

— Что касается меня, — сказал Женька, — то я больше на холме жить не намерен. И черт дернул меня, физика, поселиться в этом месте. Вам, неучам, конечно, непонятно, что наш пик естественно притягивает атмосферное электричество. Удивляюсь, как это молния не стукнула по домику. Ясно, что она летела к нам, да по дороге случайно споткнулась о дерево.

— Что я! Вот Женька предлагает тему, так это тема: «Почему надо селиться в болоте и жить по принципу «тепло и сыро», — подхватил Сергей.

— Ладно вам цапаться, — нехотя сказал Антон. — До чего же все это было похоже на бомбежку...

Все молчали. Дождь явно затихал, гром грохотал все глуше.

— Я совсем маленьким пацаном был: года два, не больше, а помню, как фашисты наш эшелон под Вязьмой бомбили, — продолжал Антон. — Потом лет до пяти, наверно, ничего не помню, а этот огонь, грохот, взрывы, крики на всю жизнь остались.

— Да, было... — Валька вздохнул.

— Эх, братцы, будет мир, все будет! — воскликнул Женька. — А нет...

— Под Вязьмой? У меня отца убили под Вязьмой, — непохожим на обычный, каким-то скучным голосом вдруг сказал Сергей. — Только позже, когда наступать уже стали. Хороший был батя. А я его не знаю. Есть только фотокарточки, там он молодой, немного постарше, чем я сейчас.

— А кто он был?

— Журналист. Мама говорит, талантливый был, веселый.

В наступившей тишине слышалось, как последние капли стучали по крыше.

— Сергей, я давно хочу тебя спросить, — решительно сказал Антон.

— Ну? — насторожился Сергей. — Классическая фраза влюбленных...

— Почему ты бываешь такой... ну, пижон? Почему иногда по дешевке распродаешься?

— А может, у меня кошелек пустой.

— Врешь! Кошелек полный. Я думаю, что полнее каждого из нас.

— Ну да?!

— Точно! И ловкость, и мгновенная реакция, и остроумие, и память — мне, например, плюнуть хочется, когда такое достижение природы и так бесхозьяйственно разбазаривается.

— Не расту над собой? — проворчал Сергей, глубоко польщенный в глубине души оценкой Антона.

— Кривляешься?

— Ладно, перенесем на после, не все так просто, как вы с Кириллом думаете.

— Кончайте, хлопцы, психологию разводить, — перебил их Женька. — Спать пора.

Утром их снова встретил порывистый холодный ветер, над верхушками деревьев со скоростью экспресса неслись темные рваные облака, лес шумел и гнулся. Ветки и сено в яме для ковра лежали совершенно мокрые и почерневшие. Покрышку на них класть было нельзя. В ожидании лекции самбисты оделись потеплей.

В девять часов, как всегда, пришел Глеб.

— Сколько раз я говорил, что вы должны ждать меня в спортивной форме? — зло спросил он, не ответив на рапорт Женьки. — Опять по

вашей милости терять нам время на переодевание!

— Слушай, Глеб! — возразил Женька. — Ведь вчера ты с утра назначил лекцию, мы так и думали, что...

— Думаю за вас я! — жестко отрезал Глеб.

— Солдаты! Фюрер думает за вас, умирайте спокойно, — глядя в небо, будто это и не он сказал, произнес Сергей.

Глеб бросил на него злобный взгляд, но связываться не стал.

— Думаю за вас я, — категорически повторил он. — Отвечаю за режим я. С утра сегодня будет борьба. Все! Бегом раздеваться! Даю вам, — он глянул на часы, — сорок пять секунд...

— Товарищ тренер, — обратился Антон, — разрешите...

— Прекратите торговлю, староста! Выполняйте приказание!

У Антона резко обозначились желваки на щеках, но он сдержался и спросил, не меняя спокойного тона:

— А за инвентарь вы тоже отвечаете? Или пускай покрышка мокнет на такой подстилке?

Об этом Глеб не подумал, взгляд его метнулся к коврику, но затем он, как будто не расслышав вопроса, повторил:

— Раздеваться и бегом сюда!

Все поплелись к сарайчику раздеваться. Они не дошли еще до двери, как Глеб позвал Кирилла.

— Э-э-э, я решил посоветоваться с тобой...

— Со мной? О чем?

— Я вот гляжу — подстилка влажная. Может быть, ее пока ветерком продует, а? Начнем с лекции, как ты думаешь?

— Так мы это же самое говорили! — удивился Кирилл.

— При чем тут «мы»? Ты-то как раз молчал. Что они понимают, крикуны? Важна твоя точка зрения, человека рассудительного.

— А у меня точка зрения, как у всех, — ответил Кирилл, весело глядя на него, — надо делать так, чтобы...

— Ну ладно, — перебил его Корженевич с неудовольствием, — скажи, чтоб не раздевались, а взяли тетради.

Холода и дожди держались еще сутки, и Валька пострадал от них совершенно неожиданным образом: промочив на траве брюки, отчего они стали тяжелыми и неудобными, он повесил их сушиться над костром. Завозившись с чем-то, он совсем забыл о них и вспомнил только тогда, когда противно запахло паленой тряпкой. Ахнув, кинулся он к костру и сдернул с перекладины несчастные брюки с почерневшими, тлеющими внизу штанинами. Он потушил их в мокрой траве и стал рассматривать,

являя собой символ безнадежного горя. Товарищи окружили его, кто ругая за ротозейство, кто утешая.

Валька обвел ребят беспомощным взглядом.

— Как же теперь?

— Валентин! Не горевать! — Женька хлопнул его по плечу. — Все в порядке! Кирилл! Тащи ножницы, живее!

— Зачем?

— Ну, рассуждает еще. Быстрее самому сбегать. — Он побежал в сараюшку и выскочил оттуда, размахивая никелированными ножницами Сергея.

— Наверно, решил манжеты обрезать, — догадался Антон. — Короче будет, конечно, но носить, однако, можно.

— Какие там манжеты, — возразил Женька. — Манжеты — это ерунда, мелочь, мы сейчас самую модную вещь сделаем. Держи штаны, натягивай.

— Погоди, как же так, сразу, — слабо запротестовал Валька.

— Держи крепче! Сейчас подрежем чуть ниже колен, потом девочки вденут тебе резинки, разгладят и будешь ты, как американский турист. Шик, блеск, ультрасупермодерн!

Чик-чик-чик ножницами — и одна штанина укорочена на сорок сантиметров, немного усилий — и вторая в таком же виде. Валька только оторопело моргал. Женька протянул ему брюки: примеряй! Несчастный влез в жалкие остатки того, что когда-то звалось брюками. Эффект был ни с чем не сравнимый: раздался гомерический хохот. Женька обескураженно стоял с ножницами в руках и смотрел на свое произведение. Из-под темных, неровно обрезанных штанин торчала взявшаяся откуда-то непредвиденная светло-сиреневая подкладка. Валентин растопырил руки и осторожно смотрел вниз.

— Хм, — сказал Женька, — это мы устраним. — Он сел около парализованного приятеля и начал кромсать подкладку. Добившись того, что ее не стало видно, пополз вокруг ног Валентина, обстригая образовавшуюся бахрому. Отрезав ее на одной штанине, он установил, что штанина стала непомерно коротка и что нет смысла обрезать вторую: все равно получилось что-то наподобие штанишек для дошкольников. Валентин продолжал стоять, из штанин разной длины торчали его худые ноги. Он неподвижно смотрел вниз, и по щеке его бежала маленькая слезинка, которую никто не замечал, так как все глядели ему на ноги.

— Да, что-то не тот фасон получился, — сказал озабоченно Женька.

— Вероятно, ты плохо приглядывался к американским туристам, —

еле переводя дух, заметил Сергей.

— Ну, а как же быть теперь? Парень-то без штанов остался?.. — спросил Кирилл. — Домой и то не в чем ехать.

— Как не в чем? — вскричал Женька. — А мои тренировочные?

— Что ему твои тренировочные, — сказал Антон. — Ему на занятия ходить надо, балда ты стоеросовая, портной из Парижа, мосье Зипунов-Передельченко...

Только сейчас Женька до конца понял свою вину, он взглянул на Валентина и, потрясенный, закричал:

— Валька, друг милый, не реви, что ты... У меня все равно пиджак утонул, так мне брюки ни к чему, все равно не комплект, возьми ты их, сделай одолжение! — Он бросился в спальню, схватил свои брюки, живо вытряхнул куда попало содержимое из карманов и прибежал к Валентину.

— Надевай быстрее! — он сдернул с него изуродованные штаны и стал натягивать свои брюки. — Смотри, как на тебя сшиты, — суетился он около Вальки, который что-то протестующе бормотал. Красивые серые брюки, каких ему никогда не доводилось носить, были несколько длинны.

— Это мы быстро, тут и делать нечего, — Женька опять кинулся к Вальке, но Кирилл вовремя подставил ему ногу и, сев на спину, вывернул из руки ножницы.

— Вот вредитель! Ему что вещь испортить, что плюнуть — одинаково легко! Всегда сначала делает, а после подумает...

— Ты считаешь, что он все же думает? — удивился Сергей. — Хотя, впрочем, пардон, иногда думает. Догадался все-таки исправить...

Антон молча надел на голову Женьки изувеченные штаны, наклонился к ногам Валентина и бережно закатал ему новые брюки до щиколоток.

— И так можешь носить, — сказал он, — а дома тебе мать поправит лучше, чем этот крокодил.

Валентин вытер сначала один глаз, затем другой, захотел что-то сказать, но махнул рукой, повернулся и пошел к озеру. Антон крепко пожал Женьке руку. Кирилл и Сергей тоже подошли к Женьке, и вчетвером, по-дружески обнявшись, они зашагали в сторону, противоположную той, куда направился Валентин.

ИЗ ПИСЬМА АНТОНА ЖГУТОВА

«...Еще я хотел тебе сказать, что стихотворение, которое я послал тебе в прошлом письме, не совсем правильное. Там не учтен рост нагрузки с последующим качественным скачком, после которого ты можешь вносить в постройку уже десятки

кирпичей ежедневно, а не один. Впрочем, может быть, стихотворение этому не противоречит?

Раз уж мы заговорили о диалектике, то я хочу поделиться с тобой (пока только с тобой!) такой мыслью: мне кажется, что наши современные знания позволяют говорить еще об одном ее законе — законе ускоренного развития.

Вчера вечером, когда мы уже легли, было тихо, и ветви сосен едва заметно шевелились. А вверху, в небе, беззвучно, со страшной скоростью неслись рваные, лохматые, все время изменяющиеся черные облака. Я не знаю, почему — может быть, меня подтолкнул разительный контраст между тем, что рядом, и тем, что нельзя непосредственно пощупать, — но я отчетливо сформулировал то, над чем думаю уже два года: «Раз начавшись, ускорение идет все быстрее».

И в самом деле, разве не об этом говорит история развития форм жизни, нервного аппарата, науки, история развития производительных сил и общества, развитие каждого индивидуального характера и т. д.?

Нет, это не закон перехода количества в качество, это нечто от него отличное. Я думаю, что невозможно правильное перспективное планирование народного хозяйства без учета этого закона; я думаю, что настоящий педагог не может не руководствоваться, хотя бы и стихийно, знанием того, что рост личности идет не пологим холмиком, а крутой горкой; я думаю даже, что геологи и астрофизики график развития своих объектов неизбежно должны строить в виде крутой гиперболы и т. д.

Я мало знаю? Да. Я молокосос? Да. Я всего лишь студент? Да. Да. Да. («Подучитесь, молодой человек! Не будьте столь самоуверенны, молодой человек!») Но дело в том, что Чернышевский, Энгельс, Маркс — черт побери! — тоже в свое время были молоды. Однако они дерзали — и как они были правы!

Как хорошо, что я молод! Как много я смогу еще сделать!

Это письмо я пишу тебе уже на общежитие. Сердце замирает от радости: может быть, мы увидимся даже раньше, чем ты получишь эту цидульку.

КККЦТ! А».

ЭКЗАМЕН ВСЕРЬЕЗ!

И вот наступил торжественный день — день экзамена! Каков бы ни был экзамен, душа не может не волноваться, а тут вдобавок эта история с Глебом... Судный день, одним словом! С утра встали пораньше, кое-как позавтракали и принялись повторять записи. Сначала разбрелись по разным закуткам — кто куда, сидели, шептали, глядя неподвижными глазами в бесконечность, или вскакивали и проводили броски на воображаемом противнике. Затем собрались на ковре и быстро, только намечая, повторили все по разделам. От мостков раздались шаги. Идут! И сердца забились еще тревожней. На поляну вышел Глеб, за ним улыбающийся Лева Пальчук из комитета комсомола и Сергей Валентинович Мажеровский, заведующий отделением тяжелой атлетики спорткафедры университета. Его глаза испытующе присматривались ко всему, скрытые сверкающими стеклами очков в тонкой золотой оправе.

— Привет, орлы! — крикнул Лева.

Он хотел продолжить разговор, но Глеб оборвал его:

— Нут-ка, живей стол сюда! Приготовьте халаты, макеты оружия.

Вывороченный камень укрыли дерном, перед ним поставили стол, за который уселась комиссия. Глеб веером разложил билеты. Самбисты выстроились, Антон отрапортовал Мажеровскому о готовности группы сдавать экзамен.

— Ну, подходите, — пригласил тот.

С усмешкой, стараясь казаться равнодушными, самбисты тянули билеты. Корженевич велел рассестись поодаль друг от друга, дал двадцать минут на обдумывание. Билеты оказались чрезвычайно сложными, из трех разделов, а внутри каждого раздела по нескольку вопросов, но — билет в руках, и кончилось волнение. Минут через десять Антон поднялся и попросил разрешения отвечать.

— Давай, давай! — оживился Лева. — Выкладывай!

Глеб опустил голову, но Антон успел поймать его неприкрыто враждебный взгляд. Методично и немногословно он изложил теоретический раздел. Сергей Валентинович, не торопясь, благожелательно задал несколько дополнительных вопросов. Антон отвечал без задержки.

— Молодец! — донесся громкий шепот сзади.

— Н-да, подзубрил прилично, — процедил сквозь зубы Глеб. — Давай

дальше. Что там у тебя? Ладно, ладненько. Пильщиков, иди сюда!

Женька подошел.

— Вот это будет твой партнер. Только вот что: давайте быстренько смените друг у друга билеты. Надо уметь работать, как говорится, с листа, елы-палы. Вы не возражаете, Сергей Валентинович?

— Собственно, ты тут хозяин, делай, как считаешь правильным.

Антон посмотрел на Женькины вопросы: комбинации, оканчивающиеся подсечкой; мельница с колена; уход из удержания поперек.

— Ну, что ж ты стоишь? — подстегнул Глеб. — Действуй, будущий тренер! Пильщиков! Без подсказок!

Самым большим был первый вопрос. Антон подумал, назвал: передняя подсечка от зацепа стопой — и выполнил.

— Хорошо. Дальше.

Он назвал и выполнил еще три комбинации.

— Так, ясненько, — сказал Глеб. — Можно, конечно, и лучше. Ты все нам показывал двухтемповые комбинации. Что ты знаешь трехтемповое, чтобы передняя подсечка была третьим движением?

— Вот взъелся! — раздалось сзади.

Антон быстро провел комбинацию, но не удержался на ногах и упал на Женьку.

— Ну что ж. Топорненько, топорненько. Это, друг мой, не какую-нибудь там философию по брошюркам сдавать, — заметил Глеб. — Дальше отвечай по своему билету.

Антон смерил его взглядом, резкое выражение готово было сорваться у него с языка, но, увидав удивленно поднятые брови Пальчука, взял билет и продолжал отвечать.

— Вопрос ясен, я думаю? — обратился Глеб к членам комиссии. — Я думаю, поставим... — Он написал какую-то цифру, и члены комиссии согласно кивнули головами.

Женька говорил горячо, но несколько сбивчиво. Глеб задал ему еще несколько дополнительных вопросов и даже вышел из-за стола, взял его на удержание и предложил уйти. Сколько тот ни бился и как ни ухищрялся, Глеб оставался наверху. Женька вернулся на место разозленный до крайности.

— Специально хочет нас срезать, гад! — возмущался он. — Ну, я это ему припомню!

— Нашему теляти да волка бы сожрати, — прокомментировал Сергей.

Остальных Корженевич спрашивал мягче, и экзамен окончился через полтора часа.

— Нельзя сказать, чтобы вы не старались, — сказал Глеб в заключение. — Но, вообще-то говоря, не все достаточно усвоено. Подсечку, к слову сказать, ни один из вас правильно не сумел сделать, а уж я ли не вдалбливал ее раз двадцать всем и каждому.

— Интересно, — удивился Пальчук, — что же нам тут показывали, сплошную липу? В поддавки играли? А я думал, броски были честными.

Антон злобно фыркнул носом и вышел на ковер.

— А ну-ка, Лева, иди сюда! Упрись покрепче!

— Ну-ну, давай, давай! — Пальчук надел халатик, вытер ноги на краю и вышел в центр.

Антон подошел к нему, тот уперся изо всех сил, мышцы его закаменели. Жгутов на мгновение совершенно расслабился, сосредоточился — молниеносный рывок! Пальчук взлетел в воздух чуть не до уровня плеч, перевернулся и спиной шлепнулся о ковер. Антон не особенно стремился его подстраховать... С кряхтением поднимаясь и ощупывая поясницу, Лева покачал головой.

— Нашел, на ком силу показывать, экий дуболом! Все равно, если бы я с ребенком сладил.

— А ну, давай я, — сказал Кирилл. — Я-то полегче тебя.

Пальчук протянул. ему руки уже без всякого энтузиазма, хотя Инылькан был ниже его почти на полголовы. Кирилл провел бросок с двойным рывком, и Лева после падения остался лежать неподвижно, затем с трудом перевернулся на четвереньки, и Кирилл великодушно поднял его на ноги.

— Черт меня дернул принимать экзамен у самбистов, шел бы на художественную гимнастику: музыка, симпатичные девочки танцуют, так нет же! Рябинину уступил, — шутливо ворчал Лева. — Ну, Глеб, если это не настоящие броски, если это неправильно, тогда ты, по-моему, просто к ним придираешься! — энергично заключил он.

Комиссия посовещалась. Мажеровский встал, снял очки, улыбнулся.

— Поздравляю вас, ребята! Всем пятерки. Я хочу надеяться, что те навыки и закалка, которые вы приобрели здесь, помогут вам в дальнейшем одерживать победы в жизни и в спорте. — Он обошел строй, сердечно пожимая каждому руку.

— Э-э-э, елы-палы, проведем последнюю тренировку, — сказал Глеб, обращаясь к самбистам. — Самостоятельно разомнитесь, будем бороться. Надо мне вас всех на прощание опробовать...

Это прозвучало зловеще. Самбисты переглянулись. Все разошлись, стали разминаться. Шесть богатырски сложенных, загорелых дочерна атлетов сгибались и разгибались в разных концах поляны, приседали, делали рывки, стояли на мосту. Особенно выделялись телесной мощью Глеб и Антон. Корженевич был красивей, Антон — мощней. Рельефней вырисовывались у него массивы плотной мускулатуры, он был быстр, как спринтер, и могуч, как штангист. Другие самбисты тоже были пластически великолепны. Лева посмотрел на Мажеровского и причмокнул:

— Вот это да!

Глеб окончил разминку, надел свою боевую куртку и вышел на ковер, пригласив Антона кивком головы. Они сошлись на середине, пожали руки, разошлись и устремились друг к другу. Антон сразу же захватил Глеба под локти и в ту же долю секунды провел, вкладывая в бросок все свои силы, переднюю подсечку. Только несравненная звериная ловкость спасла Глеба от падения на спину, уже в воздухе он сумел сорвать захват и упал на колени. Не раздумывая, рефлекторно, и именно так, как неоднократно объяснял Глеб, Антон накиннул ему ногу поверх левой руки и, кувырком перевернув на спину, очутился на нем. Действуя хладнокровно и спокойно, он начал вытягивать руку Глеба на болевой прием. Корженевича ожидал неслыханный позор, казалось, что спасения ему ждать неоткуда. Он попробовал уйти через мост, но Антон ногой не пустил его. Тогда Глеб пошел на огромный риск: неожиданно совсем расцепил руки и в то совершенно неуловимое мгновение, когда Антон почти распрямил его руку и зрители уже ахнули, сумел выдернуть локоть и перевернуться на живот. Самбисты зааплодировали этому сверхрисковому, виртуозно выполненному уходу. Но Глеб не слышал аплодисментов. Полный ярости, он вскочил и ураганом обрушился на Антона. Напрягая все силы, Жгутов сдерживал чудовищный натиск. Они свалились, и Глеб молниеносно перешел на болевой прием. Настала очередь Антона изо всех сил сдерживать руки. Где уж тут сдержат, если б не ежедневные занятия со штангой! Глеб бушевал, он пробовал по-всякому: и резким рывком, и непрерывной тягой. Он даже употребил свое секретное оружие, которое изобрел здесь, в лагере, и никому не показывал, но теперь ему было все равно! Именно с этой схватки вошел во всесоюзный и даже международный обиход разрыв сцепленных рук при помощи упора локтем в локоть, и руки Антона начали едва заметно разжиматься.

— Держись! — кричали ему самбисты. Но Глеб знал свое дело, и руки Антона медленно, но без остановки продолжали разжиматься...

— Время схватки! — объявил неожиданно для всех Мажеровский, который следил за секундомером.

Борцы поднялись, и не успел еще Антон сойти с ковра, как Женька ринулся — именно ринулся — вперед. При виде свирепо устремившихся навстречу друг другу Глеба и Женьки становилось страшно. Антон остался на ковре арбитром: в такой схватке нужен глаз да глаз.

Начался яростный каскад приемов. Женька чуть не рычал от злости и желая победить, он снова и снова устремлялся в атаку. Глеб бросал его раз за разом, но он несколько оторопел от такого напора, и Женьке удалось провести бросок, затем другой, он клещом вцепился в Глеба, стараясь

провести удержание, и провел его! К Корженевичу вернулось его обычное самообладание. Выбравшись наверх, он жестоко припечатал Женьку к коврику без подстраховки — «воткнул», на жаргоне самбистов. Женька взвыл и схватился за плечо. А Глеб уже боролся с Сергеем. Умнейший Смородинцев хладнокровно оценил ситуацию, он — понял, что Корженевич достаточно измотан, и предложил ему бешеный темп. Пришло время и Глебу перейти в глухую оборону. Кирилл и Валентин также боролись в резком агрессивном стиле, не давая ему отдохнуть.

Окончив борьбу, тяжело дыша, Глеб насухо вытерся мохнатым полотенцем, дал подписать журналы и протокол экзамена Мажеровскому, перекинул полотенце и куртку через плечо, пристально оглядел всех и удалился, не сказав ничего. Так закончились занятия самбистов с тренером Глебом Корженевичем...

— Ну, так что же, мальчишки? — спросил Мажеровский, массируя плечо Пильщикова. — Какие у вас есть соображения?

— Много соображений, — ответил Антон после некоторого молчания. — Одно главное: вы Глеба впредь не обижайте. Ему удобную обстановку создавать надо — он человек слабый и в лесу иной раз, растерявшись, на четыре ноги становится. Таким, как он, нельзя в темном лесу жить, им на солнышке надо быть, да чтобы людей побольше вокруг — для оказания скорой помощи...

— Образно сказано! — Мажеровский рассмеялся. — Но, в общем, правильно. Мы уже с Подвысоцким обсуждали, что лесная жизнь не для Глеба с его повадками.

— Но вы, хлопцы, кажется, сумели ему объяснить на пальцах для наглядности, что и в лесу людям положено жить по-человечески, а не по-волчьи, — весело сказал Пальчук. — Договоримся, ребята, что осенью вы поведаете о своем опыте на комитете.

Сергей Валентинович и Лева побыли еще немного, тепло распрощались и ушли.

Самбисты еще долго сидели на краю ковра.

— Между прочим, — сказал Кирилл, — Антон-то молодец. С незначительным преимуществом выиграл у мастера! Молодец!

— А Женька-то, Женька! — перебил его Антон. — Я думал, он растерзает Глеба, так на него кинулся.

Женька улыбался, покачивая перевязанную руку. Потом самбисты пошли к гимнасткам, у которых экзамен также закончился, порасспрашивали, что и как, рассказали о себе.

— То-то мы видели, что Глеб шел по дороге, как злая собака! —

сказала Лиза. — Мы думали, что вы все двоек понахватали и Глебу досталось от комиссии. А вы, оказывается, круглые пятерочники! Хотя что с вас взять, известные зубрилы.

— Да уж, где талантом бог обидел, там берут протираaniem штанов, — неожиданно грубо добавила Мария. — Пошли, девчата, эка невидаль — хвастунишки хвалятся...

Антон внимательно посмотрел в ее дерзко страдальческие глаза, светившиеся на посеревшем от волнения лице, и чуть заметно кивнул ей: «Да, Мария, да, хорошая. Только так...»

Она нервно повернулась и пошла прочь, заправляя уже заправленную блузку за пояс тренировочных брюк. Антон вздохнул, сказал:

— Ну, мальчики, я — в Ряйселе, — и зашагал в противоположную сторону, к Подвысоцкому за велосипедом...

Так же, как и в первый раз, он ввалился в магазин за несколько минут до закрытия.

— А, пять женихов! — любезно приветствовала его молоденькая продавщица. — Никак еще один двугривенный завелся у вас в кармане? — Она легкими, быстрыми движениями привела в порядок челочку и, выйдя из-за прилавка, подошла к загорелому молодцу, который разглядывал товары, сосредоточенно запутывая копну своих волос, выгоревших на солнце.

Вместо ответа Антон веером, как фокусник, развернул перед ней пять синих бумажек — двадцать пять рублей!

— Фюйть! — присвистнула продавщица. — И впрямь за свадебным подарком приехал!

Антон безмолвно показал пальцем сначала на вешалку, где висели костюмчики для школьников, а потом на прилавок.

— Господи! — ахнула девушка. — До чего же скорые! Уже и ребеночек есть, уже и в школу пошел...

Антон фыркнул, но, все так же сохраняя марку, молча развернул серенькие штанишки, китель, потер о колено герб на беретике, утвердительно кивнул и выложил деньги на прилавок.

— Хотя, впрочем, чего ж тут удивляться, — продолжала донимать его молоденькая красавица, заворачивая покупку, — ведь вас там сразу пятеро... — Она отдала ему пакет.

Антон во весь рот улыбнулся и, протянув могучую длань, взлохматил ее прическу. Несколько мгновений они с улыбкой смотрели друг другу в глаза, затем он вышел, так и не сказав ни единого слова.

3

ПУТЕШЕСТВИЕ В ВОЛШЕБНУЮ СТРАНУ И ГЕПТИЛУРОВАЛИДОЛ — ЕГО СЛЕДСТВИЕ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ФЕЙЕРВЕРК ДЛЯ ОТЧЕТА

Двадцать девятое! Двадцать девятое! День абсолютной свободы, а за плечами — блестяще сданный экзамен. И впереди — путешествие по неизвестной прекрасной стране. Побывав однажды на ее берегах, как одержимый рвался туда Пильщикова, и звал поехать, и убеждал ежедневно.

Быстро позавтракав, самбисты спустились к плоту. Антона поставили с шестом. Плотики устремились вперед, самбисты дружной стайкой поплыли вслед за ним. Только по особой тщательности движений и по тому, что Сергей и Кирилл старались держаться поближе к плоту, можно было узнать в них новичков. Женя и Валентин плыли по сторонам, не спуская с них глаз. Флагман и эскорт пересекали озеро. Минут через десять шест стал погружаться до половины, и вскоре пловцы побрели вброд.

Втащив плотик подальше на сушу, путешественники огляделись по сторонам. Не угрюмые ели и сосны, среди которых они прожили месяц, встретили их, а звенящий от птичьего пенья, напоенный солнцем ярко-зеленый лиственный лес. Густые заросли кустарника, трав, цветов, папоротника преграждали им путь. Путешественники двинулись вперед, и светлый, веселый лес поглотил их. Местность постепенно поднималась, кустарник поредел, легче стало идти, но они ступали осторожно, шаг в шаг: здесь когда-то прошла война и могли остаться мины. Никто не говорил ни слова, все молчали, замороженные чудесным лесом, птичьим неумолчным щебетом, сладким ароматом, разлитым по лесу неподвижным теплом. Золотой солнечный свет потоками лился сквозь листву деревьев на землю, и все вокруг сверкало. Нигде не было и признака дороги, птицы совсем не боялись людей. Серый заяц внезапно бросился в сторону чуть ли не из-под ног, заставив всех вздрогнуть. Они продолжали идти вперед. Кирилл, который, как всегда в неизвестной местности, шел первым, поднял руку: стоп! Все остановились, а он, опустившись на четвереньки, стал рассматривать землю. — Здесь когда-то была тропа. Тогда они пошли с удвоенной осторожностью, держась сбоку от следа этой давней-давней

тропинки. Через несколько минут лес неожиданно оборвался, впереди расстилалась поляна, поросшая роскошной травой. В самом конце поляны, метрах в полутора от опушки, стоял большой деревянный дом в окружении хозяйственных построек. Настороженно поблескивали окна. Казалось, кто-то, враждебно притаившись, ожидает незваных гостей. Если бы кто-нибудь действительно смотрел из дома, он не увидел бы ни одной подозрительно шевельнувшейся ветки, не услышал бы ни одного хрустнувшего сучка: месяц жизни в республике научил самбистов многому, они будто растворились в лесу. Окружив дом и установив, что там никого нет, они зашли за него, и Антон из-за угла бросил валяющуюся колоду на ступеньки — взрыва не последовало. Тогда они осторожно привязали к дверной ручке веревку, залегли на почтительном расстоянии и дернули ее. Дверь резко распахнулась — взрыва не было. Самбисты вошли внутрь — прекрасная комната с зеленой кафельной печкой. «Вот бы где нам жить», — была общая мысль. Выйдя из дому, они еще больше укрепились в этом, увидав сад. Правда, сад был очень запущен. Много лет к нему не прикасалась человеческая рука. Чудовищная крапива поднялась выше яблонь, на которых росли мелкие плоды. Под зарослями крапивы совсем задохнулись кусты смородины.

Солнце ярко освещало это спящее царство. Мигом превратив майку Сергея в мешок, самбисты нарвали кисловатых яблок — завтра на компот. Безжалостно истребляя крапиву, они наткнулись на колышек с надписью: «Дом заприходован Мельниковским с/советом».

— Ясно! — сообразил Женька. — Не мы тут первооткрыватели. Значит, мин бояться нечего.

— Черт побери! И физики, оказывается, могут мыслить логично! — удивился Сергей.

— Ах ты, гуманитар несчастный! Я тебе покажу, как над точными науками издеваться! — Он сделал стремительную заднюю подножку.

Сергей, падая, увлек его за собой, и они с хохотом покатались по траве. На них с разбегу прыгнул Кирилл, затем Антон, и куча мала закопошилась около сада, откатываясь к лесу. Валька хотел было вскочить сверху, но вдруг закричал:

— Стойте! Стойте!

Что-то в его голосе заставило самбистов мгновенно прекратить возню.

— Не шевелитесь! Мина!

Все, как лежали, так и замерли. Совсем рядом, в полуметре от них, выглядывал из земли темный металлический диск со скобой в центре. При следующем повороте вся куча мала навалилась бы на него. Самбисты

быстро отползли подальше.

— Вот тут и доверяй логическим способностям физиков! — переводя дыхание, сказал Сергей.

— Давайте-ка, братцы, отсюда подобру-поздорову улепетывать, — сказал Валька. — У нас, конечно, лес похуже, но зато таких сюрпризов нет.

Перед уходом решили мину подорвать. Антон с веревкой направился к ней, но Валентин после секундного колебания догнал его и схватил за руку.

— Э... постой-ка. Иди назад. У меня все же пальцы потоньше, поспособней. Аккордеон все-таки... тренировка. Иди назад, дай веревку...

Валька заметно волновался, красные пятна покрыли его лицо. Ребята во все глаза смотрели на него: это ли прежний Валька? Они залегли за деревья, а он быстрыми, легкими движениями продел веревку в скобу, закрепил ее узлом и побежал назад.

Резкий рывок за веревку — каждый вобрал голову в плечи, желая сравняться с землей.

Тишина.

Еще рывок!

Тишина.

Рывок! Рывок! Раздался ржавый металлический звук, веревка, будто отцепившись, перестала оказывать сопротивление. Ее подтянули: на конце, болтался тот же диск.

— Ба, ребята! Это же крышка от бидона! — вскричал Женька и бросился вперед.

— Осторожно! — закричали ему.

Добежав до мины, он наклонился, понюхал воздух и схватил себя за живот, прямо-таки захлебываясь от смеха.

— Ми-и-на! Разминеры! А Валька-то...

Все подошли ближе и увидели врытый в землю необычной формы бидон с керосином литров на двадцать, крышку от которого они приняли за мину.

— Какой дурак зарывает керосин в землю! — сердился Валька.

— Ха-ха! — воскликнул Антон. — Вы знаете, что мы нашли? Чистых два часа времени. А то и все три.

— Чего мудришь? — спросил Кирилл.

— Мудрю? Ведь сегодня можно будет пойти на торжественный вечер к самому его открытию, а не за два часа — собирать хворост. Ясно? А?

— То есть?

— С керосином-то любой мокрый валежник будет пригоден для костра, а за сухостоем после дождей еще пришлось бы походить.

— Голова! — сказал Сергей, разводя руками. — Одно слово — премьер-министр!

— А считать-то не умеешь, — Женька засмеялся. — Все-таки это два слова, хотя что с тебя взять...

Чем дальше продвигались в глубь волшебного острова самбисты, тем больше встречали малинника. Ягоды было столько, что пришлось остановиться и сделать из бересты несколько громадных кулков. И каждый раз, натываясь на россыпи царь-ягоды, они говорили: «На тот год спортлагерь обязательно надо организовать здесь». Но вот вышли на поляну метров в сто длиной и двадцать шириной — и только глаза раскрыли: красного цвета было больше, чем зеленого. Годами никто не собирал здесь малину, ягоды осыпались, появлялись новые кусты, плодоносили и осыпались в свою очередь. Это был буйный, неправдоподобный разгул малины. Набирая свои кульки, самбисты сначала ели ягоду стоя. Затем сидя. А затем и лежа, едва-едва поворачивая голову и доставая ягоды губами. А красного цвета не убавлялось.

— Хватит, ребята, хватит! — уговаривал Антон. — Оставьте место для обеда.

— Замолчи, жмот несчастный! — возражали ему. — Это тебе не творог, это вещь ненормированная.

С трудом уговорил он их продолжить путешествие, напомнив, что нужно успеть еще подготовиться к вечернему выступлению.

Через несколько минут быстрой ходьбы путешественники увидели, как между стволами заиграли блики, и вышли к воде. Безбрежная Вуокса лениво и изредка выбрасывала волны на песок. Далеко-далеко, за несколько километров, угадывались очертания противоположного берега. По широчайшей водной глади то тут, то там были разбросаны небольшие островки, поросшие соснами. Голубое небо со всеми своими белыми облаками, и острова, и ослепительное солнышко — все опрокинулось в гигантском зеркале. Сергей и Антон лежали поодаль от других, смотрели на воду.

— Ты говоришь, почему я все смеюсь? — вдруг сказал Сергей. — А может быть, это тоже своего рода самбо, моральная самозащита, так сказать.

— От чего?

— Да от всего. Это тебе да Кириллу все понятно. Вот Кирилл — ему что? С малых лет попал в интернат, воспитывали его хорошие люди, учили — это ему в кровь и кость вьелось, он иначе и не представляет себе жизни.

— А ты?

— А я? У меня мать после гибели отца от горя чуть не рехнулась, да и сейчас она не совсем в норме, беды мы хлебнули во сколько, — он полоснул пальцем по шее. — И гадов я насмотрелся — дальше некуда, вплоть до того, что из нашей же комнаты нас хотели выселить, когда мать в больнице лежала.

— Выселили?

— Нет.

— Почему?

— Хм... это ты здорово меня поймал, — сказал Сергей, усмехнувшись. — Конечно, не все гады...

— Значит, ты не веришь в человечество — гадов, дескать, больше. Отсюда у тебя какой вывод? Молчишь? А я скажу. Как у Макара: «Не трать, куме, силы, опускайся на дно, все равно тянуться ни к чему». Логика могильная!

— Ну, ты это зря обо мне. А если к делу подойти с другой стороны...

— С какой же?

— Ты, например, знаешь, что Маркс любил повторять: «Подвергай все сомнению»?

— Слышал ты звон!.. Что же эти слова, по-твоему, значат? Сомневаться, чтобы сомневаться? Это даже не половина дела!

— А все дело?

— Маркс так говорил: мир надо не только объяснять, но и переделывать. Ясно?

— Это мы учили...

— Учили! Знаешь, есть у нас такие — критикуют со стороны. Удобная поза: «Вы делайте, а мы посомневаемся, сбоку поглядим». Тьфу! Сволочи! — Антон резко разорвал травинку. — И я тебе вот что еще скажу: не из того ты материала, чтобы только моральной самозащитой и сомнениями заниматься. Ты по всем данным человек, а не сторонний наблюдатель. Ясно?

Сергей не ответил. Он задумчиво покусывал стебелек и смотрел вдаль, прищурившись от ослепительной игры Вуоксы...

До противоположного берега острова нужно было пройти около пяти километров. Ребята двинулись по старому следу, опасаться было нечего.

— Хороший остров! — сказал Женька. — Только как же мы его назовем?

— Пятеро смелых! — воскликнул Валентин.

— Нет, нескромно. Лучше так: Остров вечного покоя, — предложил Кирилл.

— Тю! Нашел покой! Чуть на mine не подорвались! — Женька засмеялся.

— Ага! Надо так: Остров имени Женькиной логики, — не удержался Сергей.

— Иди ты к лешему! Назовем его лучше Язык журналиста — форма у него длинная, а на конце завитушки.

— Остров скрытого пламени! — предложил Кирилл новый вариант. — Мы-то будем знать, что название от зарытого бидона, а другие нет. Чистая поэзия.

— Нет, ребята, — возразил Антон. — Верно, что скрытого пламени, только в другом смысле. Кто герой дня? Валька! Пусть остров будет имени Валентина Ярыгина.

— Ура! Согласны! Да здравствует Валька!

Таким образом, специальным решением совета министров Республики Самбо безымянный дотоле остров решено было назвать островом Ярыгина и под этим именем занести на все карты мира.

Захватив по дороге тяжелый бидон, самбисты вышли вскоре к своему плотнику, и через четверть часа в лагере весело потрескивал костер, на котором разогревалась уха. Антон сварил кашу, нарезал хлеб и стал звать путешественников. Протяжные стоны были ему ответом.

— Что такое? — удивился он и подошел к сарайчику. Ужасное зрелище открылось его глазам. На нарах лежали четверо его друзей с побелевшими лицами. С закушенных губ срывались стоны.

— Что с вами? Ребята, что случилось? — перепуганный не на шутку, закричал Антон, бросаясь к ним.

— Ох, живот, — простонал Женька. Трое остальных дружным стоном подтвердили его сообщение.

— Ах, проклятые! — догадался Антон. — Малины обожрались?

Горестные стенания подтвердили, что порок чревоугодия действительно наказан. Каждый страдал по-своему. С обреченным видом, кротко глядя в потолок и изредка хватаясь за живот, лежал на спине Кирилл. Рыча, катался по нарам Женька. Валька и Сергей свернулись в клубок и стонали наперебой.

— А, будьте вы трижды счастливы! — возмутился Антон. — Как же мы сможем вечером выступать?

Жалобные стоны были ответом.

— Что же делать? — думал вслух Антон. — Английской соли у нас нет, клизмы тоже...

Мысль его напряженно работала. Он не верил в безвыходные

положения. И действительно, где-то в лабиринтах мобилизованной по тревоге памяти возникли известные ему из книг ситуации подобного рода.

— Ага! Есть! — воскликнул Антон и бросился к своему чемоданчику. Вытряхнув его нехитрое содержимое на одеяло, он разыскал таблетки от кашля. Сорвав обертку и бросив ее под нары, он торжественно сказал:

— Вот. Страшно дорогое лекарство. Из Чехословакии. Гептилуровалидол, — придумал он название на ходу. — Велела мне мать беречь его для самого крайнего случая, — он изобразил на лице раздумье, а затем махнул рукой. — Ну, да уж если товарищи заболели, ничего не жалко! Пропадай все!

У страдальцев огнем надежды зажглись глаза. Антон со скорбной серьезностью роздал им по таблетке.

— Теперь смотрите, — сказал он, — через десять минут должно полегчать, а через четверть часа боль как рукой снимет. — И, поглядывая на часы, стал ходить около ребят.

Действительно, стоны стали раздаваться все реже. Женька перестал метаться и затих в своем углу.

— Десять минут прошло, должно полегчать, — категорически сообщил Антон.

И в самом деле, Кирилл с кряхтением сумел подняться. Через минуту разлохмаченную голову приподнял Женька. И вскоре все, кроме Сергея, уже сидели.

— Мать предупреждала, что на некоторых особо нервных это лекарство действует замедленно, — авторитетно разъяснил Антон. — Редкий случай.

На восемнадцатой минуте тяжелый вздох, с каким иногда пробуждаются от долгого сна, засвидетельствовал, что и Сергея отпустило.

— Вот то-то, — сказал Антон. — Впредь не излишествуйте. Теперь выползайте на воздух, а я пойду пообедаю.

Назавтра они до колик смеялись над прекрасным чехословацким лекарством «гептилуровалидолом», а сегодня цель была достигнута, болящие стали работоспособными и принялись распределять роли для вечернего выступления. У Антона болел локоть, у Жени — плечо, у Валентина были повреждены поясница и колено, Сергей и Кирилл вообще чувствовали себя неважно: ведь им впервые в жизни пришлось так много проплыть. Долго соображали, кто какие броски может делать и кто как может падать. От шуток над своей инвалидностью настроение поднялось, и самбисты даже решили разыграть сценку, как честный человек, владеющий приемами самозащиты, расправляется с четырьмя хулиганами. Честным

человеком назначили Сергея. Сценку несколько раз отрепетировали, пока она не пошла как по маслу.

Солнце стало клониться к лесу. Надо было бриться да и собираться на вечер. Уже начинало темнеть, когда они, распространяя вокруг благоухание все той же неистребимой «Красной гвоздики», зашли за художественной гимнастикой. Шумная веселая компания направилась к пловцам. На большом лугу перед домом было много народу: приехала молодежь из Ряйселе, из мельниковской сельскохозяйственной школы, прибыло начальство из самого Приозерска, почти в полном составе пришли по-праздничному одетые доярки. Глеба не было.

— Что же вы делаете? — закричал Подвысоцкий, увидав самбистов. — Да есть у вас совесть или нет? Разве не ясно, что сейчас сухого сучка в лесу не найти? В общем, так: за срыв костра вы будете отвечать! Хватит!

— Мальчики! — величественно провозгласил Сергей, к которому прежде всего почему-то обращался Подвысоцкий. — Але-хоп! — И щелкнул пальцами, как знаменитый факир.

В ту же минуту Кирилл и Валька расступились, между ними, как ассистенты великого мага, подобострастно согнувшись, проскочили Антон и Женька и поставили к ногам Василия Ефремовича бидон с керосином.

— Это еще что? — Подвысоцкий задвигал ноздрями.

— Как видите, Василий Ефремович, калорий здесь больше, чем во всех мокрых кучах, собранных вашими подданными, — объяснил Сергей. — Мальчики, але-хоп! — И по его великолепному жесту ассистенты, по-прежнему согбенные, отбежали назад.

— Черт знает что такое, — проворчал Подвысоцкий, которого они уже отучили удивляться. — Надеюсь, обошлось без уголовщины?

— Палите спокойно, Василий Ефремович! — заверил его Сергей. — Дым от костров, облитых этим керосином, не расстроит чуткого обоняния уважаемой всеми нами мадам Фемиды.

Наконец открылся вечер. Заслоняясь ладонью от едкого дыма, Василий Ефремович произнес речь.

— Не всё, к сожалению, мы можем сейчас вам показать: условия не совсем подходящие. Однако кое-что покажем, — заключил Подвысоцкий.

Выступления начались и пошли с возрастающим успехом. Гимнастки показали упражнения для третьего, второго и первого разрядов. С индивидуальными номерами выступили лучшие спортсменки: танец с обручем, танец с лентами, танец с шарами. На смену им вышел мрачный пловец Петя, который под восторженный ропот зрителей преодолел с

разбегу планку на высоте одного метра семидесяти сантиметров. Затем пловцы — девушки и юноши — выполняли упражнения на перекладине. Гимнастки, наряженные кавалером и барышней, лихо сплясали русского, сорвав бурные аплодисменты. И вдруг Василий Ефремович объявил:

— Сейчас вы увидите борьбу самбо.

Самбисты оторопело поглядели друг на друга: уже? А пловцы не мешкая раскладывали между кострами циновки для их выступления.

— Ну, Антон, выручай! — сказал Сергей, судорожно напяливая халатик. — Продержись минутки три, мы мигом переоденемся!

Они исчезли в темноте за кострами. Антон, прямо в брюках и ботинках, вышел вперед.

— Бог ты мой! — ужаснулся из-за костра Подвысоцкий. — Все у них не по-людски...

Антон объяснил публике, что настоящей борьбы они показать не смогут, потому что нужен большой ковер, придется показать только приемы, — и начался фейерверк бросков. Единодушное «ох!» сменялось в публике бурными аплодисментами. Особое впечатление произвели приемы самозащиты от нападения вооруженного противника, и наконец публика разразилась возгласами и овацией, когда они разыграли сценку и Сергей — честный человек — удалился, ведя скрученного здоровенного хулигана Антона и оставив на земле еще трех недвижимых хулиганов — Кириллу, Вальку и Женю.

Завершая выступление, Антон предложил любому из публики выйти и побороться с любым из самбистов, если он не верит, что борьба самбо действительно дает преимущества знающему ее, но зрители ответили хохотом, и никто бороться не вышел.

Самбисты стали героями дня. Их окружили парни и наперебой спрашивали, где можно научиться этой борьбе и долго ли они сами учились.

Затем сам собой возник концерт. Гости пели частушки, плясали. Женька отличался вовсю: он и цыганочку станцевал, и на все приглашения плясать «Барыню» выходил и выкидывал такие коленца, что можно было только диву даваться. Танцы стали всеобщими, гости и хозяева перемешались.

И уже далеко за полночь зафыркали-заурчали грузовики, готовясь развезти гостей по домам, доярки с песнями пошли в одну сторону, а самбисты и гимнастки — в другую.

Антон на правом крыле, Маша — на левом.

ВЗЯТИЕ ВОДНОГО РУБЕЖА

«САМБИСТЫ В ДОЛГУ НЕ ОСТАЮТСЯ!»

К десяти часам утра Кирилл и Антон с ликующими воплями выскочили из сарая-столовой и принялись маршировать вокруг ковра. В руках у Кирилла была толстая пачка исписанной бумаги.

— Э, друзья, рехнулись? — резонно спросил Женька.

Кирилл вместо ответа только потряс бумагой.

— Кончил?! — догадался Сергей.

Кирилл кивнул головой.

— Урра! — закричали все. — «Букварь» создан! Кирюху качать!

Его подбросили несколько раз, и затем все вместе, трубя марш, под Валькин аккомпанемент прошли праздничной демонстрацией вокруг поляны.

В этот день самбисты должны были сдавать нормы ГТО по плаванию. Кирилл и Сергей особенно волновались, остальные всячески подбадривали их, напоминая, с какой легкостью они преодолели вчера расстояние до острова имени Валентина Ярыгина. Кирилл молчал. Сергей отшучивался, но довольно нервно: все-таки одно дело плыть рядом с плотом и товарищами, другое — в официальной обстановке, на глазах у девушек.

У заливчика за домом пловцов было оживленно и весело, царила бодрая деловая атмосфера. Василий Ефремович отдавал распоряжения, пловцы готовили на воде дорожку.

— Ну, герои, отдыхайте пока, — обратился к самбистам Подвысоцкий. — Вы трое — на ГТО второй пойдете, а этих двоих, — он показал на Кирилла и Сергея, — так и быть, пущу на ГТО первой.

— Э, нет, Василий Ефремович, — возразил Сергей, — нам ГТО первой ни к чему, нам ГТО второй «отличник» подавайте, полные четыреста метров.

— Ладно, ладно, шутить после будем, сейчас некогда, — Подвысоцкий озабоченно прошагал дальше.

Когда поплыла последняя партия гимнасток, Антон подошел к Подвысоцкому и сел с ним рядом.

— Василий Ефремович, Смородинцев не шутил: мы все будем сдавать четыреста метров.

— Смейтесь вы, что ли?

— Василий Ефремович, они тренировались почти каждый день, а вчера на проверку проплыли, наверно, с полкилометра.

— Когда вы только все успеваете: и самбо отлично сдали, и колхозникам, оказывается, два гектара скосили, и картошку у меня из-под носа увели, да еще плавать научились... Ну ладно, пускай плывут.

— Спасибо, Василий Ефремович! — Антон вскочил и побежал к своим. — Согласился!

Сергей и Кирилл кисло выразили удовлетворение: им и хотелось и не хотелось плыть эти четыреста метров.

Наконец Подвысоцкий закричал:

— Самбисты! Сюда! Все на этот камень, прыжок — и вон до того острова, вокруг него и сюда — ровно четыреста метров. Кто не выдержит, пусть вылезает на сопровождающую лодку или отдыхает на острове.

Положение неожиданно осложнилось: Кирилл и Сергей прыгать в воду не учились, они плавали только от берега.

Но деваться некуда. Их появление на камне над водой вызвало сенсацию среди девушек-пловцов. Сергей небрежно помахал им рукой:

— Девочки, учитесь прыгать в воду!

— На старт — внимание — марш!

Раздался всплеск — Женька, Валя и Антон прыгнули головой вперед, вынырнули и поплыли. Сергей и Кирилл, посмотрев на них, оттолкнулись и шлепнулись на воду плашмя, со страшным шумом. Скрывшись под водой, они не слышали, к счастью для себя, ни ругани Подвысоцкого, ни смеха и возгласов ужаса среди зрителей. Появившись на поверхности, поплыли каждый по-своему: Сергей — кролем в собственной интерпретации, Кирилл — неторопливым брассом.

— Нет, прилично плывут, шельмы, — пробормотал Василий Ефремович, присматриваясь к их движениям. — До чего все-таки трудолюбивы, разбойники!

Вслед за ними тронулась лодка и поплыла группа пловцов. Женька, Валя и Антон обогнули островок и поплыли обратно. Сергей и Кирилл плыли им навстречу все в том же ритме, что и сначала.

— Держитесь, ребята! Го-го-го-го! — прокричал Женька.

Кирилл только взглянул на него: они еще не умели разговаривать в воде. Первые трое, почти не растягиваясь и держась рядом (для Женьки уроки марш-броска даром не прошли), подплыли к берегу и сели, отдуваясь, среди успевших высохнуть девушек. Сергей и Кирилл медленно приближались, их темп заметно снизился, каждое движение было тяжелей

предыдущего, но берег был уже рядом, и они уверенно двигались к нему. Вот стало совсем мелко, но они упорно плыли, пока не коснулись животом дна, только тогда встали и пошли в обнимку на сушу, покачиваясь на неверных ногах.

— Девочки! Учитесь... выходить из воды! — прерывистым голосом прокричал Сергей и помахал рукой.

Во время заплывов самих пловцов, которые стремительно, как торпеды, или мягко, как тюлени, плавали по дорожкам, Антон неожиданно сказал:

— Министры! Экзамен сдан, «Букварь» написан, плавание — позади, продукты — кончились. Давайте попросим сейчас машину, сматываем манатки и едем в Мельниково — поезд отходит в семнадцать пятнадцать.

— Сегодня? — оторопело спросил Женька. — Ведь все едут завтра.

— У всех есть средства для поддержания жизни, а у нас уже сегодня нет ни продуктов, ни денег.

— А что, давайте! — загорелись все одновременно. — Антон, иди к Подвысоцкому.

Антон подошел к начальнику лагеря.

— Василий Ефремович! — он осторожно потрогал его за плечо.

— А, ты? Ну что ж, молодцы, молодцы! Похвально. Кто их тренировал?

— Ярыгин.

— Отметим особым приказом, наградим грамотой.

— Василий Ефремович, грамота — это хорошо, но я по другому вопросу... Дайте нам сейчас машину, мы поедем семнадцатичасовым поездом.

— Что? С ума сошли. Завтра организованный отъезд, сегодня еще погуляйте.

— У нас нет ни денег, ни продуктов. Как мы до завтра проживем?

— Привет! А где же тридцать рублей, что Пильщиков не так давно получил?

— Да видите ли, такие обстоятельства...

— Ах, у вас обстоятельства? А у меня тоже есть одно обстоятельство: дисциплиной называется...

На обед самбисты съели все, что у них было, выскребли кастрюли, подобрали все крошки на полке и вычистили сахарный песок из швов мешочка. Голая скучная полка в столовой заставила их вернуться к идее Антона.

— Академики, надо ехать, — сказал Сергей. — У меня мысль: послать

к Подвысоцкому Женьку. Эта щука после кросса питает к нему вполне нелогичную слабость, авось клюнет на нашего живца?

Женька без долгих разговоров отправился к Подвысоцкому — отмерять очередные три туда да три обратно километра. Такие дистанции у самбистов перестали считаться за расстояние.

Подвысоцкий отдыхал в гамаке, покуривал. Он увидел Женьку и спросил негромко:

— Ну что, неужемные? Что вам еще нужно?

— Василий Ефремович, как хотите, нам нужна машина. Ну никак нам нельзя дожидаться до завтра, сейчас все на обед выскребли, даже ужина нет.

— Вот странные вы парни! Неужели вы думаете, что я не хочу вам помочь или злобу к вам питаю? Наоборот, вы мне, разбойники, нравитесь, ребята дружные, смелые, веселые, сумели без денег впятером прожить. И за картошку не сержусь: теперь даже смешно вспомнить. Трудно вам день перебиться? Возьми у меня хлеба. А машину я не могу дать: бензина мало, на один рейс. Поэтому всей душой к вам, но не могу, дорогой, не могу...

— Ну, что ж, спасибо на добром слове...

— Погоди, я тебе сейчас хлеб и деньги вынесу, — он начал вставать с гамака.

— Нет, Василий Ефремович, сидите, — вздохнув, отвечал Женька. — У нас такой устав: самбисты в долгу не остаются, а где уж теперь вернуть долг? Терпели, терпели, а в последний день сорвемся? До свидания.

— Брось ты, чудак, устав у них...

— До свидания, Василий Ефремович! — крикнул Женька уже из-за забора.

СЕРЕБРЯНЫЕ, ЗОЛОТЫЕ ФАНФАРЫ

А между тем касса самбистов была пуста, в ней хранилось лишь девять неприкосновенных рублей — столько, сколько нужно пятерым на проезд до Ленинграда и на трамвай (и то без уплаты за багаж, но там уж как-нибудь...). Остаться еще сутки было решительно невозможно.

Пятеро лежали на поляне вокруг костра. Где же выход?

— М-да, — протянул Валька. — Может быть, зайдем? А нет — рыбы наловим, проживем как-нибудь сутки.

Антон покусывал травинку, думал. Не то плохо, что есть нечего. Хуже, что так бесцветно закончится замечательный месяц. Последний, завершающий день будет как мусор, ни то ни се... «Проболтаемся вроде дачников. А что, если...» — неясная, но какая-то необыкновенная мысль вспыхнула в мозгу.

— Министры, — сказал он тихо, но так, что все разом обернулись к нему. — Пойдемте в Мельниково пешком. Сейчас, сразу. Соберемся и выйдем. Сейчас десять вечера, утренний поезд в пять утра, ходу тридцать километров — и завтра в десять утра будем в Ленинграде!

— Вот те на! — растерянно проговорил Валька. — А вещи как же? Аккордеон тащить тридцать километров — и то сдохнуть можно, а тут еще чемоданы...

— Нет, не успеем, — сказал Женька. — Что же, покрышку и штангу ты тут бросишь? Надо отнести, сдать, туда три километра, обратно три, уже час, а то и больше. Пока соберемся с вещами, дойдем — еще опоздаем, так на станции до вечера сидеть. Тут мы хоть рыбы наловим, ягод соберем, а там? Шпалы глодать, что ли?

— Министры, — так же тихо и твердо возразил Антон, — не с того боку подходите. Подумайте сами: так здорово на всю пружинку жили и вдруг на прощание целый день плесневеть. Мы сейчас все можем! Штангу и покрышку возьмем с собой — сдадим их прямо в клуб. А ты, Валька, музыкант — и не понимаешь, что значит заключительный аккорд. Слушайте, завтра за нами заедут: «Так и быть, возьмем самбистов на машину», а здесь никого, только «с пионерским приветом». А?

— А что! — Сергей захохотал. — Хотел бы я видеть Подвысоцкого в эту минуту. Воевать так воевать: пиши в обоз! «На ГТО первой так и быть пуцу», — вспомнил он кровное оскорбление.

— Это. будет вещь, — присоединился к нему Женька. — Пошли! А, ребята? Рванем!

— Только записку обязательно надо оставить, — спокойно произнес Кирилл.

Валька хмыкнул и подумал, что надо записать в книжечку: «Искоренять безынициативность».

— Так, ребята, живо начали, — Антон поднялся. — Кирилл, разводи большой костер, чтоб мы ничего не оставили. Сергей, пиши соответствующую записку, Валька и Женя, скатывайте покрывало, я займусь вещами и штангой...

Работа закипела. При мечущемся свете костра на поляне запрыгали тени — то длинные, то короткие, ночь сразу стала темней. Трещал хворост, позвякивали блины от штанги, вздохнул и крякнул аккордеон, укладываемый в футляр, негромко звучали голоса.

Огромный костер заметили у художественных гимнасток, девушки высыпали на крыльцо.

— Что там самбисты затеяли? Смотрите, огонь вровень с соснами. Чудят ребята. Ну, ничего, завтра расспросим...

Костер быстро загасал, скоро от гимнасток его уже не стало видно, лишь светлела верхняя кромка леса, обращенная к ним.

— Сели, ребята, — Антон вздохнул.

Все опустились около догорающего костра. Кирилл в последний раз подбросил сучьев. Трещал хворост, подчеркивая тишину.

— Последний день Республики Самбо, — сказал Сергей. — Надо бы толкнуть одну-две подходящие речи и прослезиться. Но мы не члены правления спортклуба и не художественная гимнастика. Мы — академики и министры. Посему — в дорогу.

Однако и сам не встал, и никто не пошевелился. Сидели, глядя на огонь, следили за умирающими языками пламени. Но идти так идти, и они выступили в свой последний героический марш. Первым шел Кирилл, сгибаясь под четырехпудовой влажной покрывалом из брезента, скатанной в огромную колбасу. Валька нес на перевязи чемодан и аккордеон, в руке — ведро с малиной. Сергей и Женька тащили остальные чемоданы, связку матрасников и халатов, кастрюли и цветы. Цепочку замыкал Антон — в рюкзаке постукивало пятьдесят килограммов железных блинов, а на плече лежал гриф — двадцать пять килограммов — стандарт. Они перешли прогнувшиеся под ними дугой мостки и вышли на белеющую во тьме дорогу.

...Любящее сердце — вещун, и никто, кроме лесных птиц, никогда не

узнал, как после ухода самбистов пришла на пепелище Мария, как долго стояла она в темноте, обняв сосну и не замечая слез, измочивших все ее лицо, — она впервые столкнулась с тем, что в жизни бывает необратимое, непоправимое...

Но даже лесные птицы не узнали, как в этот же вечер пастух Макар сидел на кровати рядом с сыном, который уснул поверх одеяла в полной школьной форме, не дождавшись его, и при чадящем свете коптилки смотрел, все смотрел затуманившимися глазами на записку: «Хорошему человеку Володьке от товарищей» — и пять неразборчивых подписей внизу...

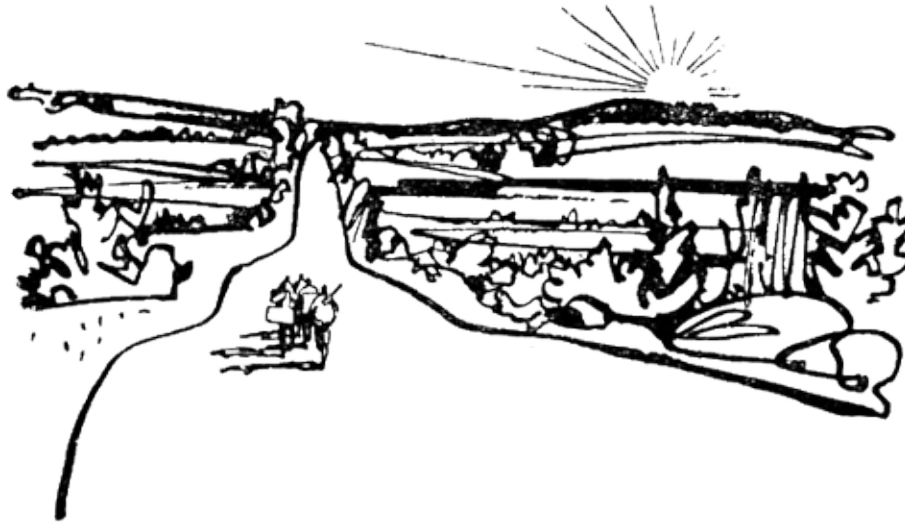
Друг за дружкой, пружинящим Шагом, волчьей цепочкой, стремительно продвигались самбисты, оставляя позади километры. Лидеры по многу раз успели уже смениться, дыхание потяжелело, но стало глубоким и ровным, рубашки промокли, лица заливал пот, но вытереть его было нельзя — заняты руки. Шаг за шагом, метр за метром — и за первый час было пройдено шесть километров. Шаг за шагом, метр за метром шли они вперед, не растягиваясь и не отставая. Шуршали шаги, скрипела обувь, мерно позвякивало железо, и все это сливалось с торжественным звенящим маршем, который звучал и разрастался у каждого в душе.

«Победа. Победа. Наша победа!»

Звучат, трубят, поют серебряные, золотые фанфары, услышать которые дано только победителям.

Лидер сменял лидера, сменились по многу раз плечи носильщиков под ужасной тяжестью, и километр за километром оставался позади, а самбисты шли все тем же легким шагом, все той же цепочкой, не растягиваясь и не отставая. Каждая минута была труднее предыдущей, болели кости и стонали мышцы, но час летел за часом, а они все шли.

Незаметно для глаз небо стало серым, затем бледно-бледно-голубым, а лес зеленым. По деревьям промчался ветерок и ласково коснулся лиц идущих. Уже были стерты в кровь плечи, огнем горели ладони, пот испарился, оставив на рубашках соль, но глаза глядели только вперед, и ноги шагали широко и твердо. Шли дети великого народа, шли мужчины, шли победители.

Когда самбисты были уже в пяти километрах от станции и заря вовсю разлилась по голубому небу, мимо них прогромыхал какой-то грузовичок, но им и в голову не пришло попроситься в кузов, они только взглядом проводили машину. Вот и поселок. Четыре часа утра, небо золотится, но люди еще спят. Вот и станция — она все ближе, последний поворот, и они выходят к полотну железной дороги. Еще час до прибытия поезда...

Ключ в условленном месте, дома никого нет. Антон опускает чемоданчик — просто невесомый чемоданчик — и открывает дверь. Какой маленькой и тесной кажется комната после поднебесных лесов и необозримых водных просторов! Антон боится случайно дотронуться до косяка — не треснул бы. Из рамки над узкой, по-солдатски заправленной койки глянуло смеющееся девичье лицо. Антон шагнул вперед и, широко улыбаясь, стал медленно стягивать с могучих черных плеч куртку, истлевшую от пота и солнца.